

"Никогда не бывшая твоей"

**Читайте больше БЕСПЛАТНОЙ литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org**

Юлия Шилова

Никогда не бывшая твоей

Письмо-посвящение

Милый друг, эта книга – для тебя

Спасибо тебе за то, что ты никогда во мне не сомневался, даже если я начинала сомневаться в себе сама... За то, что ты всегда знал, что есть выход, даже тогда, когда я считала, что выхода уже нет... Ты всегда считал меня сумасшедшей и прощал мне все мои сумасбродства, постоянно напоминая о том, что творческим людям можно прощать все... Я начала творить и меня это по-настоящему увлекло... Ты разглядел во мне искру таланта и помог разгореться пламени. Благодаря тебе я поверила в свои силы. Знаешь, у меня было две жизни... Одна жизнь до того, как я стала творить, а другая после. Мне кажется, что раньше я была просто мертва. Это была не я. Я ожила только во второй жизни. Наверное это произошло потому, что я обрела душевный покой и зажила в гармонии с собой. А это и есть счастье... Я всегда разрушала все, к чему прикасалась, а теперь я начала созидать. И этому научил меня ты. Больше я ничего не разрушаю, потому что я разрушила все, что только могла и сожгла за собой все мосты. Теперь... у меня совсем другие желания, и я учусь строить. Знаешь, человеку, который всю жизнь разрушал, очень тяжело научиться строить. Но я научилась, и я знаю, что у меня все получится. Я в этом просто уверена, потому что за мною, со стороны, всегда наблюдаешь ты, а это значит, я не имею права на то, чтобы у меня что-то не получилось. Я наделала слишком много ошибок, но с тех пор, как узнала тебя, я поняла, что больше не имею права на ошибки. Мои бывшие мужчины ревновали меня к тому, что я делала, и чем лучше у меня получалось, тем больше они ненавидели меня. Наверное это происходило потому, что мое дело было для меня намного важнее моих мужчин... С тобой же было все наоборот. Чем больших результатов я добивалась, тем больше ты радовался. Тем больше и больше меня ценил. Может потому, что ты никогда не был моим мужчиной? Впрочем, какое это имеет значение...

Вот уже несколько лет как я пишу. И теперь понимаю, почему обо мне никогда не говорят средненько. Меня либо любят, либо ненавидят. Это значит, что мои книги трогают людей, привлекают к себе внимание. Никто не остается равнодушным. И ненависть, и любовь я спровоцировала сама: хотела, чтобы меня услышали, чтобы меня узнали, поняли. Потому, что я есть... и мне есть, что сказать. Ты, как никто другой, знаешь – с тех пор, как я стала писать, я воспринимаю мир по-иному, моя жизнь сама превратилась в роман. Путь мой довольно тернист, приходится бороться, падать, вставать, снова бороться и идти вперед. Милый друг, я хочу тебе выразить сердечную признательность за то, что ты есть, за то, что ни разу во мне не усомнился. Нам никогда не быть рядом – обстоятельства непреодолимой силы. Я никогда не разбужу тебя посреди ночи, чтобы прочесть тебе страницы моей новой книги, и ты с гордостью не поцелуешь меня в щеку и не скажешь, что я молодец. На страницах моей собственной судьбы мы никогда не будем по-настоящему близки и не обретем тот рай, что затерялся где-то в главах моего еще не дописанного романа. Нам не жить бок о бок счастливой совместной жизнью, не встретить старость и не умереть в один день. Нам не растить детей и не радоваться появлению внуков. Тебе никогда не увидеть моих слез, а мне не ощутить твоих переживаний, которые ты, как и положено настоящему мужчине, держишь в себе и никогда не выплеснешь наружу. У каждого из нас есть что-то свое и никогда не будет ничего общего. Ты не мой, а я не твоя... И я навсегда останусь для тебя той загадочной, недоступной женщиной, с которой совершенно случайно свела тебя судьба. За все, за все благодарю тебя. Да хранит тебя Бог.

Молодость кончилась. Я обнаружила, что средний возраст – не вопрос прожитых лет. Это тот момент в жизни, когда понимаешь, что в результате длинного ряда почти незаметных превращений смутные, нереальные мечтания юности ты обменяла на ясную, осязаемую и окончательную реальность. В середине жизни приходишь к ужасному выводу, что все огорчения, страдания, страстные сожаления и утраты, все горькие разочарования – все это дело твоих собственных рук. Жизнь проще, чем вы думаете. Нужно всего лишь принять невозможное, обходиться без необходимого и выносить невыносимое. К тому же стоимость жизни постоянно растет, но спрос на нее не падает. А что касается моей личной жизни, то в ней конечно же были мужчины... Мужчины... С которыми я бы могла провести целую вечность... Вечность... Но не жизнь...

Кэтлин Норрис, американская писательница

Пролог

Встав у берега пруда, я обратила внимание на то, что сегодня не подплывают лебеди. Странно, обычно они подплывают сразу, как только я подхожу к пруду. В последнее время происходит слишком много странных вещей. Слишком много. Я смотрела на мирно спящих лебедей и думала, что в этом доме со мной прекратили общение даже лебеди... А ведь еще недавно, увидев меня, они тут же плыли к берегу и, расталкивая друг друга, подставляли свои изящные шеи, чтобы я их погладила.

Много лет назад, когда я была совсем юной девчонкой, я любила приходиться к большому поселковому пруду, в котором плавали лебеди, и любовалась их красотой. Мне нравились их изящные шеи, их умные глаза и их... лебединая верность. Влюбленный в меня мальчишка, мечтавший покорить мое юное сердце, сел в лодку и направлял лебедей в мою сторону. Я смотрела на его уверенные движения и чувствовала, как к моему сердцу подбирается первая юношеская любовь. Я безумно любила этот пруд, этих лебедей и этого отчаянного мальчишку. Господи, какая же я тогда была счастливая. Какая счастливая! Теперь от этого счастья остался только пруд с лебедями, но не тот, поселковый, а мой собственный... Где-то там, в глубине моей памяти, остался мальчишка, такой дерзкий, решительный и безумно влюбленный. Конечно же этот мальчишка уже давно стал мужчиной, женат, имеет детей и вряд ли вспоминает о моем существовании. Хотя, может быть, иногда... Когда приезжает в поселок и приводит своих детей к нашему пруду. Я не была в поселке черт знает сколько времени. Наверное целую вечность... И все же если пруд еще жив и в нем по-прежнему есть лебеди, может быть, он смотрит, как его дети садятся в лодку, чтобы погнать лебедей к берегу и... вспоминает меня, худенькую девочку с тоненькими, жидкими косичками, одетую в старенькое платье, которое отдали мне родители выросшей соседской девочки, и обутую в какие-то немыслимые чужие туфли. А может быть, он даже спросит у наших поселковых, как сложилась моя судьба. Наверное ему сказали, что я уже давно живу в Москве и стараюсь не вспоминать свой поселок. Разве вот только пруд с лебедями... Что из неряшливой, провинциальной девчонки я превратилась в ЛЕДИ, холодную, прагматичную и до неприличия расчетливую. Еще наверное сказали, что я зазналась, что ни с кем не общаюсь, никого не жду в гости... ПОТОМУ, ЧТО Я ВЫРВАЛАСЬ... Я СМОГЛА... А они остались там, привыкли так жить и никогда не понимали выскочек.

Теперь я живу, как хочу, и у меня есть деньги. Я замужем за богатым человеком. Все так просто и так банально, но только не дай бог кому-нибудь повторить мою судьбу. Не дай Бог. Уж слишком дорого обошлась мне моя благополучная жизнь. Слишком дорого. Я никогда не

предполагала, что благополучие стоит так дорого, намного дороже, чем мы думаем.

Когда мой муж спросил у меня, что я хочу получить на свой день рождения, я безразлично пожала плечами. Чем можно удивить женщину, которая не умеет удивляться?! Последняя модель мобильного телефона, последняя марка машины, вечернее платье из последней коллекции? У меня все есть. Хотя нет, не все... У меня не было пруда с лебедями, того самого, из детства. Муж очень удивился, рассмеялся и как-то нелепо пошутил, что в следующий раз я могу захотеть искусственное море с настоящими дельфинами. Но я не поддержала его смех, потому что искусственное море мне было совершенно ни к чему. Я хотела только пруд. Настоящий пруд с настоящими лебедями. Муж выполнил мое желание. Я стала обладательницей собственного пруда. Он смог подарить мне пруд, но никогда не смог бы взять лодку и погнать лебедей в мою сторону, потому что... Много почему... У него костюм от Кардена, часы Ролекс, стрижка за сто долларов и чересчур дорогой парфюм. Его ботинки стоят бешенных денег, а носки он покупает только в определенном магазине в центре Москвы. Его ощущение сытости никогда не позволит ему сделать какой-то легкомысленный, просто эмоциональный шаг. Такой никогда не запрыгнет в лодку, боясь замочить свои дорогие брюки. У него слишком много условностей, которые он соблюдает с завидной пунктуальностью.

Вчера он выговаривал мне за то, что я, сославшись на головную боль, не поехала с ним на очередной фуршет. Мол, он бродил по залу, как неприкаянный. На фуршетах и других светских вечеринках не принято появляться в одиночестве. Окружающие могут тебя не понять. Муж... Когда я думаю о муже, я начинаю плохо себя чувствовать...

В последнее время у меня постоянное ощущение потерянности. Я долго стремилась к такой жизни, которая у меня сейчас. Очень долго... Вот эта жизнь пришла. Все, кульминация. Занавес опущен, аплодисменты... Только нет счастья, нет радости. Внутри необъяснимо пусто. Цель достигнута, что же дальше?

Не знаю, смогу ли я до конца признаться сама себе в том, что все мои беды – из-за денег. Иногда мне кажется, что эти беды связаны с моим мужем, вернее, с тем, что у моего мужа есть деньги. Причем не просто деньги, а очень большие деньги. Конечно, они очень многое дают, но одновременно очень многое отнимают... Когда они есть, их хочется иметь все больше и больше, например, как в случае с моим мужем. Остановиться он уже не может. Говорят, что нельзя быть слишком богатым. Особенно в России. Это опасно, это публично осуждают: наше общество небогато.

Сначала деньги для мужа были символом благополучия, средством осуществления его желаний. Потом, если не с каждым часом, то уж точно с каждым днем, они становились самоцелью, а затем и просто болезнью. Тяжелой, совершенно неизлечимой.

Иногда я закрываю глаза и вспоминаю, как я заполучила своего мужа. Благодаря моему актерскому мастерству, которое я постоянно оттачивала на мужчинах, все произошло очень даже удачно. Я разыгрывала из себя женщину, совершенно безразличную к мужскому карману и красноречиво рассуждала о том, что самое важное качество мужчины – это добрая душа. «С милым рай и в шалаше», – говорили мои лживые глаза, имитирующие невинность. И он поверил... Он никогда не утрачивал бдительность, а тут утратил. Он и в самом деле поверил, что я обыкновенная влюбленная дурочка и не держу за пазухой камня, который может полететь в его сторону. Когда мы поженились, я была уверена, что я для него – самое главное, но я ошиблась. Самым главным для него оказались деньги, а я так... обыкновенным предметом, украшающим интерьер его дома. Я искусно расставила ловушку и... поймала в нее самого настоящего зверя. Хуже того, я попала в эту ловушку сама.

Тяжело вздохнув, я еще раз взглянула на пруд и направилась в дом. Не задумываясь, налила себе порцию виски и вдруг заметила неодобрительный взгляд домработницы.

- Больше не могу, - проговорила я.

- Анжелочка, не рановато ли?! - Домработница укоризненно покачала головой. - А вдруг Яков Владимирович сейчас вернется? Ему это не понравится. Будет скандал.

Я не хотела ничего слушать. Быстро выпила и тихо повторила:

- Я больше не могу...

Обняв бутылку виски, я направилась к выходу. Остановившись у дверей, я резко обернулась и закричала, что было сил:

- Я больше не могу!!! Понимаете, я больше не могу!!! Вера Анисимовна, вы хоть что-нибудь понимаете?!!

- Понимаю, - растерянно произнесла женщина.

- Я больше не могу!!! Не могу!!! - Глаза мои были полны слез.

Выбежав из дома, я остановилась у пруда, жадно отпила виски прямо из горла и, увидев, что лебеди просыпаются, замахала руками.

- Я больше так не могу... Вы-то хоть меня понимаете?! Вы-то хоть можете понять, что я больше так не могу?! - кричала я. Голос мой был каким-то чужим, полным душевной боли.

Появилась испуганная домработница, которая нерешительно попыталась отобрать у меня бутылку виски.

- Анжелочка, я вас прекрасно понимаю... Но все же отдайте бутылку.

- Не отдам.

- Придет Яков Владимирович и вам от него достанется.

- Я не боюсь Якова Владимировича. Я его не боюсь! Пошел он к черту, этот Яков Владимирович! Вера Анисимова, шли бы вы ужин готовить...

- Я уже сготовила.

- Тогда вытрите хорошенько пыль.

Женщина перестала вырывать у меня бутылку, но в дом не шла.

- Я же русским языком сказала, шли бы вы в дом.

- Просто я за вас переживаю...

- Не надо за меня переживать! Не надо. Вы бы лучше переживали за себя. А я уже большая, разберусь как-нибудь сама.

Расстроенная Вера Анисимовна опустила голову и поплелась в дом. Я посмотрела ей в след и,

потеряв самообладание, крикнула:

- Только не надо делать вид, что я вас очень сильно обидела! Просто каждый должен заниматься своим делом! Вы занимаетесь своим, а я своим!!! Кто-то убирает дом, а кто-то пьет виски и поит им лебедей! Можно подумать, что я просто бешусь с жиру, что я зажралась! Но вы-то, Вера Анисимовна, понимаете, что я не зажралась?! Вы-то должны это понимать! Я просто больше так не могу! Не могу!!!

- Родные мои, - поманила я проснувшихся лебедей, - кто из вас хочет пить?! Кто?! Вы только посмотрите какое у меня виски! Вы только посмотрите, - размахивала я бутылкой.

Но лебеди, обнюхав бутылку, не выразили желания попробовать ее содержимое. Наверное они ждали от меня чего-то вкусенького, чего-то существенного. Сделав внушительный глоток, я поставила бутылку на землю. Все лебеди были белые и только один - черный. Яков сказал, что купил его ради экзотики. Я внимательно посмотрела на черного лебедя и подумала, что он очень похож на Якова. Такие же холодные, злые глаза. Такая же безграничная властность. Вот он так же расталкивает всех. Для него не важны чувства и интересы других, он видит и слышит только себя. Его желания, его прихоти превыше всего. Я вспомнила, как недавно болела ангиной. Было страшно тяжело. Из последних сил я боролась с паническим страхом смерти. Муж зашел ко мне и сел на краешек кровати. Я попросила, чтобы он взял мои руки в свои и с ужасом почувствовала, что его руки больше не могут меня согреть. Его руки были слишком чужие, слишком безразличные. Холодные. Холодными были не только руки, холодными были его глаза, холодной была и его душа. Мне хотелось, чтобы он взял мое хрупкое тело, прижал к себе, собою заслонил меня от болезни, как когда-то заслонил меня от всех трудностей. Но я столкнулась с пустотой. С холодной, раздирающей пустотой. Он не видел во мне прежнюю красавицу с породистой внешностью, у которой томные глаза и прекрасные чувственные губы. Наверное любые, даже самые сильные чувства погибают, если их не поддерживать. Нужны причуды и тайны, существующие только для двоих... Сильные чувства не любят демонстрации. С моим мужем было все по-другому. Он любил демонстрировать чувства на публике и забывал про эти самые чувства, когда мы оставались один на один.

Наверное моя первая ошибка, которую я допустила в браке, была в том, что я полностью посвятила себя мужу. Я сносила все его домашние капризы, его постоянные жалобы на усталость, никогда не устраивала сцен, молча терпела боль и обиды, которые он мне наносил. Я всегда оставалась в тени близкого человека, а на это способен не каждый. Говорят, что для этого требуются особые чувства. Особые... Как страшно, что и от этих чувств ничего не осталось. Уже ничто не может спасти наш брак. Ни то, что на мне домашний халат от Армани, ни то, что мой шкаф забит одеждой от Версачи. Материальные блага... Без любви все это теряет смысл. Бессмысленная жизнь ужасна. Она невыносима. Я смотрю на черного лебедя, так похожего на моего мужа, холодным и равнодушным взглядом. Он пристально смотрит мне в глаза и от этого взгляда на меня нападает удушье, страшное, парализующее удушье.

- Я больше так не могу, - говорю я и хватаю черного лебедя за точеную шею. У моего мужа шея намного толще, намного... Сдавлив шею двумя руками, я чувствую, как лебедь пытается вырваться, но я не ослабляю хватку. Сдавливаю еще сильнее, слышу какой-то неприятный хруст и только тут до меня доходит, что я убила ни в чем неповинную птицу. Я убила... Хладнокровно, не задумываясь ни минуты. Сколько раз я мечтала сделать это со своим мужем. Сколько раз!

Другие лебеди в панике бросились прочь от берега, но я ведь совсем не хотела причинить им хоть какой-нибудь вред. Они совсем не были похожи на моего мужа.

- Анжела, ты что натворила?!

Я обернулась. Яков стоял рядом со мной и смотрел то на меня, то на стоящую на берегу пруда бутылку виски, то на мертвого лебедя.

- Ты что натворила?! - в бешенстве закричал он и вытер выступивший на лбу пот.

Но я не слышала вопрос мужа и уж тем более не могла найти на него ответ. Я опустила глаза и произнесла только одну единственную фразу:

- Я больше так не могу...

Глава 1

Признаться честно, я никогда не сомневалась в своей внешней привлекательности и всегда верила в то, что обязательно добьюсь славы, богатства и встречу своего чудесного принца, который обязательно оценит меня по достоинству и подарит мне прекрасную жизнь. Но как только я ступила на перрон такого большого и шумного города, как Москва, от моих смелых мыслей не осталось даже следа. С чем я прибыла в столицу? Яркая внешность, хороший голос и скромная сумма денег, собранная родственниками, чтобы я продержалась в Москве первое время. Слишком мало, даже ничтожно мало для того, чтобы я смогла заполучить ту жизнь, которую я хочу. Нужно иметь, что-то еще... Но вот что?! Я уже давно жила под девизом «Все и любой ценой», но этот девиз перестал действовать сразу, как только я попала в столицу нашей Родины, город-герой Москву.

Я посмотрела на грязный шумный вокзал и нервно перевела дыхание. Где-то там, далеко, осталась уютная мамина квартира, мамины пироги и знакомая серая, повседневная жизнь. В той жизни было по-своему тепло, по-своему спокойно и по-своему беззаботно, но только от этой беззаботности, серости и убогости я начала плохо себя чувствовать в последнее время и бредить совершенно другой жизнью, которая вразрез расходилась с моей прошлой.

Явившись к знакомым, которые некогда проживали в нашем поселке, я встретила с крайним недовольством по поводу моего внезапного приезда. Я пообещала долго не стеснять их, действительно, почти сразу сняла комнату в коммунальной квартире на самой окраине. Радуюсь своему новому жилищу, словно ребенок, с удовольствием расположилась на новом месте. Меня не смущали ни страшные щели в полу, ни стены, отдающие сыростью и тухлятиной, ни отсутствие людей, которые могли бы ласково посмотреть на меня, пригласить на чашечку ароматного чая.

Я просто хотела жить в Москве и неважно где, с кем и каким образом. Я должна была остаться здесь любой ценой, потому что мое возвращение в родной поселок было бы настоящим поражением, равносильным смерти. Я больше не могла бродить по своему поселку в резиновых сапогах, ждать, когда наступит посевная или сидеть в сельском клубе на каком-нибудь убогом танцевальном вечере. Я слепо верила, что мое место - в шумном, большом городе, где ходят хорошо одетые женщины, которые посещают театры, ночные клубы и косметические салоны. Я хотела быть одной из них, похожей на них. Я очень сильно этого хотела, а я привыкла добиваться того, чего хочу. Но это удавалось мне в поселке. Смогу ли я добиться чего-то в Москве?!

Во мне жила обида. Мне было обидно за то, что я родилась не в городе, а в поселке. За то, что моя мать никогда не знала, что такое отдых и работала на ферме от зари до зари. Что мой отец тихо спивался на глазах всей семьи, и мы ничего не могли с этим поделать. Он изобрел какую-

то ядреную самогонку и помимо того, что беспробудно пил сам, спаивал ею соседских мужиков. Обидно, что наш ветхий дом уже давно завалился на бок и мог рассыпаться по бревнышкам в любой момент. Что после школы я должна была работать в поселковом магазине, куда заглядывали в основном местные жители, чтобы приобрести свежий хлеб, макароны или нехитрую закуску. Самым ходовым товаром, конечно же, была «самопальная» водка, она раскупалась с завидной скоростью, потому что в нашем поселке пили все, начиная от прыщавых подростков и кончая дряхлыми старухами. Несмотря на свой старческий вид, они имели отменное здоровье и никогда не отказывались пропустить рюмочку-другую. Правда, иногда у нашего магазина останавливались иномарки. Хорошо одетые люди заходили, брезгливо морщили носы и с раздражением говорили, что он напоминает им старые времена, времена нищеты и дефицита. «Врагу не пожелаешь здесь жить», – бормотали они, уходя. Я не люблю вспоминать это. Пьяные рожи, шуточки, ужимки, приставания алкоголиков трактористов... Запомнился один случай. У нашего магазина остановился шестисотый «Мерседес» с московскими номерами. Мужчина поинтересовался, есть ли у нас в продаже приличные сигареты. Посмотрев наш нехитрый «сигаретный арсенал», он растерянно пожал плечами и обиженно хлюпнул носом.

- Вот черт, а у меня, как на зло, сигареты закончились. У вас здесь такой выбор, не знаешь что и взять. Тяжело выбирать, когда не из чего выбирать! – Мужчина тихонько засмеялся и оглядел меня с ног до головы.

- А вы сама-то что курите?

- А я не курю.

- Как, вообще не курите?

- Вообще не курю. А почему вы так удивились?

- Потому что я уже тысячу лет не встречал девушку, которая не курит.

- Вы хотите сказать, что вы уже живете тысячу лет?

- Ну, не тысячу, а чуть поменьше. И все же некурящая девушка – это большая редкость.

- Почему?

- Что почему?

- Почему вы решили, что это большая редкость?

- Найти в городе некурящую девушку равносильно тому, что найти иголку в стогу сена. А вы, наверное, местная? – Мужчина еще раз придирчиво оглядел меня сверху до низу, и я уловила в его глазах явный интерес.

- Местная. Только вы не думайте, что наши местные не курят. Просто у нас здесь больше выпивают...

Я сжалилась над заезжим мужчиной и выложила на стол крутую, по моим меркам, пачку «Парламента».

- Что это?

- Это из-под полы. Такие сигареты вас устроят? Мужчина рассмеялся и взял сигареты.

- Устроят. А может у вас еще что по дорожке есть, из-под полы?

- Дорожке нет и не было, - отрезала я и точно, так же, как несколько секунд назад оглядывал меня мужчина, оглядела его - так же, с ног до головы.

- Хорошо, тогда и эти пойдут.

Рассчитавшись за сигареты, мужчина внимательно посмотрел мне в глаза и произнес томным голосом:

- А вам кто-нибудь говорил, что вы очень красивая?

- Да. Весь поселок только про это и судачит, - нервно рассмеялась я, почувствовав какую-то неловкость.

- Вы рождены не для поселка.

- А для чего ж я рождена?

- Вы рождены для города.

- Да кому я нужна в городе?!

- Из вас могла бы получиться отличная модель, а ваше лицо могло бы запросто украсить обложку самого модного журнала.

- Скажете тоже! - Я опустила глаза. Чувство неловкости росло с каждой минутой.

- Вам повезло, что вы познакомились со мной. Вы даже не представляете, как сильно вам повезло.

Самоуверенность мужчины не знала границ, и он по-прежнему не сводил с меня своих любопытных глаз.

- Чем же это мне повезло?

- Тем, что я проезжал мимо вашего поселка, что у меня закончились сигареты, что я заглянул в магазин.

- Это вам повезло, что сегодня моя смена и что у меня есть привычка припрятывать хорошие товары.

Мужчина окончательно развеселился и, порывшись в карманах, озадаченно почесал затылок.

- Сегодня определенно не мой день. Не везет. Мало того, что у меня закончились сигареты, так у меня еще закончились и визитки.

- Вы так часто их раздаете?

- Иногда, когда этого требует моя работа. Я очень часто встречаюсь с нужными людьми.

- Значит, вы относите меня к разряду нужных людей? - немного вызывающе спросила я и

положила руки на таллию.

Мужчина рассмеялся и одобряюще посмотрел на меня.

- Как вас зовут?

- Анжела.

- А меня Александр. Так вот, Анжела, отечественный модельный бизнес просто погибает без вас. Вы должны блистать не за прилавком этого магазина, а на самом настоящем подиуме. Поверьте мне, он для вас.

- Вы надо мной смеетесь?

- Совсем нет. Если у вас будет желание поработать в Москве, приезжайте. Запишите мой телефон.

- Записываю.

Я оторвала кусочек от старой газеты и записала продиктованный номер. Сунув бумажку в карман, я залилась краской и задала до неприличия глупый вопрос:

- Приеду я в вашу Москву, а вы меня забудете. Вы хоть помните, кто должен позвонить-то?

- Анжела. У меня отличная память. Только не тяните с приездом и никогда не забывайте...

- О чем?

- О том, что вам очень повезло. Вы познакомились со мной. Это крайне редкое везенье. Помните, в любом успешном деле самое главное оказаться в нужное время в нужном месте. И еще, вам ужасно не идет этот бесформенный рабочий халат. На вас куда лучше смотрелось бы вечернее платье с открытой спиной и глубоким декольте.

- На такое платье нужны большие деньги, а у меня их нет.

- Не беда. Такая девушка, как вы, может запросто их заработать. Вы будете носить не только дорогие платья, но и дорогие шубы.

Мужчина посмотрел на часы и направился к выходу. Остановившись у двери, он улыбнулся:

- До встречи! - и вышел на улицу. Я смотрела вслед «Мерседесу», смотрела долго, даже тогда, когда его силуэт совсем исчез вдаль.

С тех пор прошел ровно год и вот сейчас, когда я лежу на старой железной кровати в комнате коммуналки, я держу листок с номером телефона и думаю, стоит мне позвонить или нет. Теперь я знаю, что это номер мобильного телефона и понимаю - это мой шанс, я должна позвонить. Возможно, он и не вспомнит, кто я такая, а возможно... У меня теплилась надежда и я не хотела ее разрушать, я хотела верить в удачу.

В этот момент в комнату постучали, и на пороге показалась женщина приблизительно сорока лет в махровом халате, в тапочках, на голове бигуди.

- Можно?

- Входите, пожалуйста. - Я моментально встала.
- Да я просто хотела посмотреть, что за соседку ко мне подселили. Ты, что ли, теперь тут жить будешь?
- Я.
- Ничего, что я сразу на ты?
- Ничего.
- Я тоже так думаю. Значит, теперь соседями будем. Меня Галиной зовут. Я от тебя через стенку живу. А в противоположной комнате дед живет. Старый уже, глухой. Иваном зовут.
- А меня Анжелой.

Я показала Галине на стул и села на краешек кровати.

- Галина, вы садитесь. Правда, там спинка слегка сломанная.
- Называй меня на ты. Подругами будем. Галина села на стул и проверила его прочность.
- Должен выдержать. У меня у самой вся мебель такая. Не сегодня, завтра развалится. Когда мужика в доме нет, все рушится. Да и на черта мне нужно чужую коммуналку обустраивать.
- Может, чаю налить?

Галина отрицательно покачала головой и встала.

- Я сейчас лучше винца принесу. Давай за знакомство.

Как только женщина ушла, я сунула газетный обрывок с номером телефона в карман - до лучших времен. Через несколько минут Галина вернулась, держа поднос с открытой бутылкой вина, парочкой бокалов и коробкой шоколадных конфет. Поставив поднос на стол, она торжественно разлила вино по бокалам и дала один бокал мне.

- Ну что, махнем за знакомство?
- За знакомство!

Я посмотрела на Галину взглядом, полным благодарности, и подумала, как все-таки замечательно, что я в этом большом незнакомом городе теперь не одна, что у меня появилась соседка, с которой можно смело выпить рюмочку, поговорить за жизнь.

- Тут до тебя украинка жила. На рынке торговала. Очень хорошая девушка. У нее там дома какие-то проблемы возникли, и она уехала. Комната совсем недолго пустовала. Неделя прошла, и ты сюда заехала. Надолго в Москву?
- Как получится.
- Денег хочешь заработать?
- Хочу моделью стать.

- Моделью?! - Галина рассмеялась и засунула в рот конфету. - А у тебя связи какие есть?

- Нет. Но я все равно верю, что стану богатой и известной. - Я слегка смутилась, но все же продолжила: - Завтра же пойду по модельным агентствам.

- Значит, говоришь, проституткой хочешь стать, - совершенно спокойно сказала Галина. - Тебе кто-нибудь говорил, что это не самый лучший вид заработка?

- Какой еще проституткой?! Я же сказала, что хочу стать моделью. - От возмущения я тяжело задышала и покрылась красными пятнами.

- Да это одно и то же! - Галина была так же невозмутима, как и несколько секунд назад. - Этих моделей трахают пачками или в наем сдают. Где ж на вас на всех-то подиумов да модных журналов наберешься?!

- А вот и не правда...

- А вот и правда. Ты со своей деревни только приехала и московской жизни не знаешь, а я здесь уже несколько лет живу и давно все прочухала. Поверь мне, я столько этих моделей повидала, что тебе и не снилось. Теперь они все на Тверской стоят или, в лучшем случае, квартиры, именуемые притонами, обслуживают. Когда я первый раз приехала в Москву, я тоже думала, что весь мир лежит у моих ног...

- И что?

Да ничего. Мир повернулся ко мне задницей и заставил меня жить по своим правилам. Может, ты лучше торговать на рынок пойдешь? У меня есть возможность тебя нормально устроить. Хозяин хороший, платить будет. Он ценит тех, кто на него преданно горбатит. Так что кое-какие деньги сколотишь.

- Я приехала в Москву не для того, чтобы торговать на рынке. Я приехала, чтобы быть известной. - В моем голосе звучал вызов. Я говорила и верила, что мои слова чего-то стоят.

Галина пожала плечами и перевела разговор на другую тему.

- Ладно, я не хотела тебя обидеть. Просто ты еще слишком молодая, горячая и наивная. Немного в Москве поживешь, жизнью пооботрешься и от твоей наивности ничего не останется. Я вот тоже когда-то была романтиком по натуре. Ждала принца на белом коне. Думала, что эмансипированные девицы и женщины вамп уже надоели нашим мужикам до чертиков, что им хочется нежных, заботливых барышень с чистой душой и точно таким же чистым сердцем. Да только эта романтическая легкость оказалась на фиг никому не нужна. Сейчас я совсем другая, на смену романтизму пришла самая настоящая стержность.

- А что ты вкладываешь в понятие стержность? - осторожно поинтересовалась я у Галины.

Это когда у женщины есть определенный цинизм, сарказм и ирония. Надо всегда контролировать себя, свою доверчивость. Особенно к мужчинам, иначе можно попасть к ним в ловушку. Я научилась не терять от мужика голову, а это очень важно. Ты даже не представляешь, как это важно. Потом поймешь. Когда немного подрастешь. Я смогла воспитать себя так, что во всех ситуациях с мужиками я всегда рулю сама. Могу познакомиться с мужиком, наговорить ему кучу комплиментов, поднять его до небес, так, что он слепо поверит в то, что он самый красивый, единственный и незаменимый. А на следующий день могу пройти мимо и даже не вспомнить, как его звать. Я к тому говорю, чтобы ты

воздушных замков не строила и о звездах с небес не мечтала. Внешность у тебя – будь здоров, по этому поводу переживать не стоит. Тебе сейчас для того, чтобы в Москве удержаться, нужна хорошо оплачиваемая работа и хороший, платежеспособный мужик, чтобы хоть в первое время помог. Не дал умереть с голода.

- Я завтра прямо с утра по модельным агентствам поеду, – не поддавалась я Галининым доводам и твердо стояла на своем.

- Счастливого пути. Но если никуда не устроишься, я тебя к торговле приставлю. Живые, реальные деньги еще никому не помешали. Я вот тоже, может, раньше артисткой хотела стать и что из этого получилось? Да ничего. Я даже в театральную поступала и...

- И как?

Да никак. Прямо на первом туре и срезалась. Мне сразу объяснили, что таких – пруд пруди и чтобы я никаких иллюзий на этот счет не питала. Я девушка умная, все на лету схватываю, поэтому сразу прикинула, что почем и от этой затеи напрочь отказалась. Правда, в студенческой столовой на меня декан одного факультета так глазами сверкнул, что я сразу поняла – хочет меня сволочь. Глаза похотливые, так и сверлят. Если бы у меня тогда мои сегодняшние мозги были, я бы с ним за студенчество своим телом рассчиталась, но я даже подумать об этом не смела. Дура была законченная.

Галина замолчала, допила остатки вина в своем бокале и вдруг спросила:

- Послушай, а ты издалека?

- Двести пятьдесят километров от Москвы.

- Это еще по-божески. А почему ты выбрала именно Москву?

- А куда ехать-то? В соседнюю деревню?

- Тоже верно. Если уж начинать, то с Москвы, и если быка брать, то сразу за рога. За его задницу ты бы и в своей деревне могла подержаться. Так что, у тебя вообще никаких наметок?

- Каких наметок?

- Ну связей, я имею в виду...

- Да, есть у меня один телефончик...

- Правда? И кому принадлежит этот телефончик? Директору самого крутого Московского модельного агентства?

В голосе Галины звучала ирония, но я постаралась не обращать на это внимания.

- Я и сама не знаю, кто он. Просто мужчина, пообещавший мне красивую жизнь.

- Как это?

- Пообещал увековечить мое лицо на обложках самых модных журналов, дорогие платья... Короче, весь мир к моим ногам.

- Прямо так и пообещал?

- Прямо так и пообещал.

- Ну если пообещал, то пусть делает.

Я рассказала Галине о том случае годовалой давности, когда мужчина из «Мерседеса» оставил мне свой телефон. Галина меня внимательно выслушала, на ее лице появилось озадаченное выражение.

- Это становится интересно. Тогда чего ты ждешь? Звони.

- Но ведь прошел год.

- Да хоть десять!

- А ты думаешь он меня вспомнит?

- Куда он денется! Не будет в следующий раз языком трепать. Пусть знает наших деревенских.

Я достала из кармана смятый клочок бумаги и положила его к себе на колени. Галина тут же пододвинула мне телефон:

- Звони.

- А может не надо?

- Звони, коли приехала.

Глава 2

Когда в трубке послышались длинные гудки, я напряглась, как струна, и приготовилась к самому худшему. Вот сейчас снимут трубку, затем я буду долго объяснять, кто я такая, мужчина будет долго-предолго вспоминать, а затем пошлет меня к чертовой матери и при повторном звонке просто выключит свой мобильник, так и не вспомнив, кто же побеспокоил его. На газетном листке его имя. Александр. Имя обычное. У меня знакомых Александров – хоть отбавляй, а такой – только один. Знакомство так в душу запало, что я решила приехать в Москву. Может и вправду поможет этот Александр... Может и вправду...

Услышав в трубке мужской голос, я почувствовала, как у меня перехватило дыхание и, пересилив чудовищный спазм, с огромным трудом выговорила:

- Здравствуйте.

- Здравствуйте, – ответил мужчина.

- Это Анжела. – Я не придумала ничего другого, как сразу представиться. – Вы меня не помните?

Видимо, мой тоненький голос не понравился Галине, и она изо всей силы ткнула меня в бок.

Я слегка поперхнулась, прокашлялась и пригрозила ей кулаком.

- Посмелее надобно, – обиженно проговорила она, глядя на меня недовольным взглядом.

Почувствовав замешательство на том конце провода, я испугалась, что сейчас могут повесить трубку и заговорила слегка увереннее.

- Я правильно попала? Это Александр?

- Александр.

- А это Анжела.

- Какая Анжела?

- Ой, я так и думала, что вы меня не узнаете. Все-таки целый год прошел. Вы мне сами оставили свой телефон. Вы к нам в поселок, в магазин, приезжали. У вас еще сигареты закончились. А я тогда в магазине была и вам их из-под полы достала.

- Какой поселок?! Какой магазин?! Девушка, вы наверное что-то путаете?!

- Да ничего я не путаю... Просто уже ровно год прошел. У меня есть листочек с вашим номером телефона. Вы сказали мне, что наш отечественный модельный бизнес без меня умирает. Кстати, вы сами дали мне свой телефон. Я же не могла его с потолка взять, да и придумать тоже. Просто я в своем поселке на год задержалась, а теперь не выдержала и приехала. Вы сказали, что мне очень повезло, что я с вами познакомилась, только я везения особого не вижу. Я звоню, а вы меня даже узнать не хотите. Я, конечно, понимаю, что у вас таких Анжел в каждом поселке полно, но тогда какой смысл вам было оставлять свой телефон?!

Я же вам поверила. Разве можно так с людьми обходиться.

- Девушка, вы ошиблись. - Послышались короткие гудки, и я поняла, что связь прервалась.

- Ну что, все? Концерт окончен?! - вернула меня в реальность Галина.

- Окончен.

- Я так и знала.

- Все-таки год прошел.

- Год тут не при чем. Просто ты не говорила, а мямлила.

- А как я должна была, по-твоему, говорить?

- Порезче.

- Да как я могу с незнакомым человеком порезче разговаривать?

- Не такой он уж тебе и незнакомый. Все-таки номер телефона оставил.

- Можно подумать номера телефонов друг другу только знакомые люди оставляют. Таких случаев сколько хочешь.

- Ты никогда не смотри на всех и не делай так, как делают все. Будь индивидуальна. У тебя должно быть все по-другому. Не как у всех.

Почувствовав, как на глаза навернулись слезы, я с трудом сдержала себя, чтобы разрыдаться и выпила свой бокал до самого дна.

- Я так и знала... Я так и думала... Но ничего, без него обойдусь. Завтра сама пойду по модельным агентствам. Мир не без добрых людей. Может, я кому-нибудь приглянусь. Может, меня кто-то и заметит.

- Конечно, заметит, - ехидно поддела меня Галина. - Тело у тебя молодое, красивое. Для торговли подойдет в самый раз.

- Я буду торговать не своим телом, а своей внешностью! - перебила я, пытаюсь скрыть раздражение, которое вызвала у меня Галина. - Это разные вещи и попрошу тебя их не путать.

- А никто и не путает. Твоя внешность интересная, да только проку от нее мало. А вот на твоём теле можно хорошие деньги заработать. А ну-ка попробуй еще раз позвонить этому болтуну.

- Зачем?

- Затем, что, может, он вспомнил, кому свои телефоны раздавал.

- Да ничего он не вспомнил! Я ему больше звонить не буду.

- Тогда давай я позвоню.

- Ты?!

- А почему бы и нет. Тебе-то уже что терять? За одно и поучишься у старших, как надо с мужчинами разговаривать.

- А что ты ему скажешь?

- Я всегда найду, что сказать. Ты лучше слушай и учись, пока я живая.

- А ты что, помирать, что ли, собралась?

- Ну, не собралась. Просто жизнь такая штука непредсказуемая... Все мы под Богом ходим и неизвестно, что с каждым из нас завтра будет. Давай номер.

Я почувствовала, что Галина берет надо мной верх. Слегка помявшись, я протянула ей бумажку.

Она приняла серьезное выражение лица, а я замерла, как египетская статуя, и приготовилась к самому худшему.

- Але, здравствуйте. Простите, а вас, случайно, не Александр зовут?! Очень хорошо, что хоть в этом признались. Александр, скажите, так кто вас научил девушек обманывать?! Вроде бы такой большой мальчик, а врешь, как маленький ребенок. Я подруга Анжелы и поверьте, найду в себе силы за нее заступиться. Девушка приехала в Москву по вашему прямому приглашению, а вы даже не считаете нужным с ней разговаривать! Где же ваш гребанный модельный бизнес с вашими подиумами и красивой жизнью?! Сорвали девушку с места, пообещали красивую жизнь... - Неожиданно Галина напряглась и удивленно захлопала глазами. - Хорошо, я сейчас дам ей трубочку. Мне очень приятно, что вы ее вспомнили. С этого и надо было начинать. Галина протянула трубку но, почувствовав мое замешательство, сунула ее мне прямо к уху. - Говори быстрее. Он тебя вспомнил.

Взяв трубку, я не могла поверить своему счастью.

- Але. Саша. Это Анжела.

- Здравствуй, Анжела. Я тебя помню.

- Правда?

- Конечно, правда. Красивая девушка из поселкового магазина, доставшая мне из-под полы пачку сигарет. Ты молодец, что перезвонила. Извини, я сразу тебя не узнал.

- Просто прошел год.

- Вот именно. Ты слишком долго собиралась. Я только потом понял, кто звонит, когда ты трубку уже положила. Я чувствовал, что ты перезвонишь и предчувствие меня не обмануло.

- А вы мне и правда поможете?!

- Помогу, только в том случае, если ты будешь называть меня на ты.

- Саша, а ты мне и в правду поможешь?!

- Помогу. Я же тебе обещал. Сделаю из тебя модель мирового класса. Записывай координаты.

- Какие еще координаты?

- Ну, куда тебе нужно подъехать. Ты в метро ориентируешься?

- Ты только скажи, куда ехать. Я тебя обязательно найду.

- Ты не ответила на мой вопрос. Ты в метро ориентируешься?

- Не ориентируюсь. Но я схему посмотрю. Язык до Киева доведет.

- Это он где угодно доведет, только не в Москве. Тут редко кто на вопросы отвечает, потому что кругом одни приезжие. А москвичи на вопросы отвечать устали, потому, что их слишком много и слишком часто задают. А вообще ладно. Схему посмотришь. Не заблудишься. Доедешь до метро кольцевая Таганская. Пройдешь через дорогу к театру. Он темно-красного цвета. Будешь меня там ждать.

- А во сколько?

В двенадцать часов дня. Шестисотый «Мерседес», номер - все семерки. Такие номера на вес золота, поэтому ты меня ни с кем не перепутаешь. Добро?

- Добро. Ты меня, наверное, уже и не помнишь. Я к «Мерседесу» подойду.

- Тогда до завтра.

- До завтра.

Я протянула Галине телефонную трубку и растерянно проговорила:

- Ты представляешь, он меня вспомнил. Нет, ты можешь себе представить! Вспомнил и даже назначил встречу.

- Представляю, что тут не представить. Если он тебя вспомнил, значит, он тебя и не забывал.
- Как это? - не поняла я.
- Так это. Если бы мужик тебя забыл, он бы при всем желании тебя никогда не вспомнил. Просто на тот момент, когда ты ему звонила, рядом с ним кто-то был.
- А кто?
- Понятное дело, женщина, кто ж еще. Вот он тебя при ней-то и не узнал. Когда я ему сама позвонила, он даже обрадовался, словно звонка ждал. Значит, уже один остался. Ты же говоришь, он мужик видный, ясно, что у него кто-то есть. Он от этой тетки или жены отошел подальше и уже совершенно спокойно с тобой поговорил, чтобы себе никаких лишних проблем не делать. Где ты завтра с ним встречаешься?
- На Таганской.
- А куда вы едете?
- Ой, я спросить забыла!
- Это не важно. Главное, что он тебя пригласил, и вы куда то едете. Ты хоть понимаешь, что ты должна выглядеть на все сто? У тебя есть что надеть?
- Конечно, я же сюда не раздетая приехала.
- Ты меня не поняла. Я имела в виду что-нибудь приличное. Хорошие шмотки в твоём гардеробе имеются?
- Должны быть...
- Ладно, я завтра до обеда дома. Если что, помогу. Может, из моего гардероба что-нибудь подберем. Оденем тебя, как королеву, чтобы он обомлел и в самом деле тебя в какое-то приличное агентство пристроил. Хоть сейчас модели особо и не зарабатывают, но ты же у нас будешь высокооплачиваемая модель! А вообще, будь осторожна. Ты же сама толком не знаешь, что это за Саша и уж тем более, что у него на уме. Может он именно таким образом молодых и красивых заманивает и устраивает в какие-нибудь фирмы досуга.
- Да что ж у тебя все только вокруг да около проституции построено?! - окончательно разозлилась я.
- Я тебе уже говорила, я в Москве много лет живу и всю криминальную подноготную очень хорошо знаю. На таких доверчивых дурочках, как ты, очень даже хорошо зарабатывают. Поэтому держи ухо востро и особо не расслабляйся.

Слова Галины были необычайно резки и жестоки, и все же я не могла не признать, что возможно она права.

- Это хорошо, что я ему тоже позвонила, он понял, что ты не одна. Пусть знает, что за тебя есть кому заступиться. Номер его телефона и номер его машины я знаю, хотя это такие вещи не постоянные, их всегда поменять можно.

...В эту ночь я почти не спала. Я думала. Я представляла, и я мечтала... Я представляла фешенебельный холл и необычайно красивый подиум. Целое море длинноногих, роскошных

манекенщиц, которые могли бы смело претендовать на звание «Мисс Мира». И я. Я среди них! Господи, подумать только, я среди них... Неужели мой план по захвату столицы сбудется?! Конечно, вне всякого сомнения, он обязательно сбудется. Потому что я очень красивая. Может быть другие этого и не замечают, но самое главное, что это заметила я. Как говорится, не бывает некрасивых женщин. Бывают женщины, которые просто не хотят быть красивыми. По крайней мере, если я считаю себя таковой, значит, смогу убедить в этом других. У меня железные нервы и звериная хватка. Это ничего, что я обыкновенная провинциалка. Это ничего. Одни устают штурмовать Москву и возвращаются домой, убеждаясь в том, что нет ничего хуже шумного, непредсказуемого города. Другие не сдаются и до последнего идут к намеченной цели, сметая все на своем пути, пренебрегая принципами и условностями. Цель оправдывает средства. Говорят, у манекенщиц не самая лучшая жизнь. Мол, они спят со всем персоналом, начиная от осветителей, фотографов и заканчивая учредителями и организаторами какого-нибудь конкурса, который и дает определенные шансы на успех. В нашем поселке вообще всегда говорили, что все фотомодели и манекенщицы – самые настоящие проститутки, что все они сидят на наркотиках. Мол, наркотики отбивают аппетит и только таким образом девушки подобной профессии держат свой вес в норме. У всех у них бесчисленное количество любовников, пьяные дебоши и даже драки. Их как бы застывшие, холодные лица, загадочные глаза – от дурмана ежедневной дозы кокаина. И все же... От этих глаз идет блеск, от кокаина глаза блестят как после ночи любви. Говорят, к наркотикам модели привыкают очень быстро. Попробовав, уже не могут обойтись без дозы.

Не смотря на совершенно непонятные перспективы, я ничуть не боялась такой жизни. Я хотела сделать карьеру. Любой ценой. Любыми усилиями. Сначала сделать карьеру, а уж потом устроить личную жизнь. Я уже знала, что мужчины никогда не прощают женщинам, если они красивы и к тому же добиваются успеха. Значит, если мои планы осуществляются, у меня будут большие проблемы с личной жизнью.

Чтобы не потеряться в круговороте жизни, нужно знать себе цену. И я ее знаю... Именно поэтому, начиная штурм столицы, я готова назначить себе высокую цену. И я обязательно найду людей, которые будут платить эту самую цену. Мне нужно попасть в хорошее агентство, сделать серию отличных профессиональных фотографий, чтобы у меня было портфолио. Работа предстоит тяжелая, но за нее хорошо платят.

Утром на пороге моей комнаты появилась Галина с модным джинсовым костюмом.

- А ну-ка примерь!

- Что это?

- Костюм.

- Мне?!

- Ну понятное дело! Кто у нас на свиданье идет, я или ты?!

- Я.

- Тогда надевай. Меня уже в модели не возьмут, хоть фигурка и неплохая. Мне в следующем году уже сорок будет. Я пару лет назад задницу наела, с таким трудом лишний вес скинула. Жизнь женщины – вечная борьба с возрастом. Вот я и борюсь, как могу. Еще скажи, что у меня не получается!

- У тебя все получается... – Я пришла в небольшое замешательство. – Ты очень хорошо

выглядишь. У тебя на лице нет ни единой морщинки.

- Откуда у меня будут морщины, если я месяц назад свое лицо ботоксом наколола? Это же денег стоит!

- Чем наколола?

Я еще раз всмотрелась в лицо Галины и поняла, что меня так удивило еще вчера. Это было лицо мраморной статуи, никакой мимики, она даже ни разу не сморщила лоб.

- Видишь, я могу только брови поднимать и то с большим трудом. А лоб не могу наморщить. У меня там мышцы заблокированы. Они отключились. Это ботокс. Токсин ботулизма. Он сейчас во всем мире в косметологии используется, только в России его еще немного боятся. А Европа вся на него уже давно подседа. Я женщина смелая и стала делать так, как делает Европа. Я раньше чего только не делала. Шлифовки различные, ультразвуки, микротоки. Все бесполезно. Уже машину на эти деньги могла бы купить, ей-богу. А когда прознала об этих уколах, думаю, пусть мне их прямо в лицо колют. И ты знаешь, ни грамма не пожалела. Я теперь каждые шесть месяцев колю и понимаю, что деньги в дело идут. Лицо от твоего ничем не отличается. Ладно, тебе еще рано в такие вещи вникать. Вот подрастешь и сама все узнаешь. Я тебе костюм принесла из последней коллекции. Только смотри, ничем не заляпай. Он больших денег стоит.

- У меня есть что надеть.

- Такого костюма у тебя нет. Давай надевай. Мне для хорошего человека ничего не жалко. Может и в правду у тебя все получится, станешь известной, богатой и меня вспомнишь добрым словом, подкинешь чего.

Поняв, что с моей соседкой лучше не спорить, я надела костюм и прошла по комнате той самой походкой, которой ходят манекенщицы.

- Ну, как?

- Шикарно. Ты выглядишь просто шикарно! Только смотри, не ложись под этого Александра в первый же день. Пусть он сначала что-то для тебя сделает. А то наговорит кучу комплиментов, ты на радостях и ноги расставишь. Ты чересчур романтичная, так нельзя.

- Я совершенно не романтичная.

- Я тебя насквозь вижу. Такие, как ты, верят в любовь.

- А ты в нее не веришь?

- Нет. Запомни, любовь – это, сказка, придуманная мужчинами, которые не хотят платить. Не позволяй никому морочить себе голову. Твоя голова должна быть всегда на плечах.

- Но ведь страшно так жить?! – захлопала я глазами.

- Как?

- Так, как живешь ты.

- А как я живу? – искренне удивилась Галина. – Откуда ты можешь знать, как я живу?!

- Я неправильно выразилась. Вернее, страшно так рассуждать.

- Страшно иметь такой романтизм, как у тебя. Нужно жить более реально, приближенно к земле. Мужчины любят заморочить голову, а потом бросить. Когда тебя бросают, твоя жизнь не скоро возвращается в то русло, в котором текла раньше. Ты будешь страдать, а все вокруг будет казаться серым, жалким и унылым. Чтобы не допустить такой ситуации, не позволяй мужчинам морочить себе голову. Ты уже назначила себе цену?!

Я поправила джинсовую кофту с короткими рукавами, расшitou цветными камнями, и ответила с вызовом в голосе:

- Я назначила себе высокую цену.

- Молодец. И никогда ее не сбивай. Никогда. Хоть раз ты опустишь планку, твоя цена упадет навсегда.

- Я достойна не только денег. Я достойна любви.

Галина укоризненно покачала головой и расстегнула пуговицы на джинсовой кофте почти до середины моей груди.

- Ладно, не буду с тобой спорить и чему-то тебя учить. Тебя жизнь потом сама научит. Только запомни, если ты будешь искать в этой жизни любовь, никогда и ничего не добьешься. Не стоит менять все перспективы и блага жизни на любовь, потому что любовь – дама капризная, непостоянная, она бросает в самую тяжелую минуту, когда тебе особенно паршиво. Ты просто обязана впитать в себя цинизм нашего времени. Ты должна не любить, а наказывать мужчин за их многовековое самодовольство. И запомни еще – наверху всегда тот, кто лучше всего может использовать другого.

- Как ты сказала? – Последняя фраза явно меня заинтересовала.

- Наверху всегда тот, кто лучше всего может использовать другого, – невозмутимо повторила Галина.

- Но ведь это очень жестоко...

- Что жестоко?

- Использовать людей...

- Если ты не будешь использовать нужного тебе человека, он будет использовать тебя. Использование другого человека вовсе не исключает прогулок под луной и клятв в вечной любви. Ты должна знать основную жизненную заповедь – никогда не спи с типом, у которого проблем больше, чем у тебя.

- По-твоему, я должна спать только с тем, у кого мало проблем?

- Желательно спать с тем, у кого их вообще нет. Правда, таких людей практически не бывает. Постарайся спать с тем, кто будет носить свои проблемы в себе, а не будет грузить ими тебя. У тебя своих проблем хватает.

- Это называется потребительство.

- Это не потребительство. Потребительством называется тот факт, когда ты только берешь и

ничего не даешь взамен.

- А тут именно так и получается.

- Нет. Мужчины дают тебе одно, а ты даешь им взамен другое.

Подойдя к зеркалу, я посмотрела на свой слишком откровенный вырез на кофте и повернулась к Галине.

- Что-то ты мне слишком много пуговиц расстегнула...

- Нормально. В тебе должен чувствоваться сексуальный призыв. Этот Александр думает, что к машине подойдет какая-то деревенская дура с банкой варенья собственного производства. В выгоревшей косынке на голове и стареньком платье. А тут такая дама к машине подкатит, что у него просто челюсть отвиснет...

Мы пошли на кухню, чтобы выпить по чашечке кофе. Сделав маленький глоток, я осторожно спросила:

- Ты говоришь, что тебе уже почти сорок... А почему ты не замужем?

- Я была замужем...

- И что?

- Неудачно. Ты же знаешь, что замужество бывает удачным, а бывает и нет.

- И что, больше ты не стала делать попыток жить с кем-то еще?

- С годами я поняла, что супружество – дело взрослых людей. Когда выходила замуж, я была слишком молода, слишком наивна и слишком глупа. Я могла бросить телефонную трубку, послать всех к чертям и уйти, хлопнув дверью, Нет, в супружество нужно вступать тогда, когда ты уже не можешь хлопнуть дверью, бросить телефонную трубку и уйти тогда, когда тебе этого захочется. Ты вступаешь в жизнь, которую нужно прожить вместе с кем-то. Вместе, не смотря ни на что... И как же это тяжело – жить с кем-то под одной крышей. Я слишком много лет живу одна. Слишком много для женщины... Я даже забыла, как это делается. Один раз я постаралась вспомнить. Я напрягла свою память, постаралась вспомнить. И знаешь, что из этого получилось?

- Что?

- Самым радостным и незабываемым для меня был момент, когда тот, с кем я это вспоминала, наконец, покинул мое жилище и пошел своей дорогой. Если женщина долгое время живет одна, заставить ее отказаться от этой жизни равносильно тому, что заставить наркомана отказаться от наркотиков. Хотя, кто его знает...

Неожиданно в глазах Галины появились слезы.

- Кто его знает... Вообще, давай не будем о грустном.

Я почувствовала себя неловко и виновато вздохнула:

- Извини. Я наверное задала совершенно бестактный вопрос.

- Все нормально. С чувством такта у тебя полный порядок.

Глава 3

Я увидела нужную мне машину еще издалека и почувствовала, как задрожали мои колени. Мне было необъяснимо страшно и одновременно радостно. Страшно оттого, что мне предстояло подойти к столь дорогой машине и сесть в нее, а радостно оттого, что эта машина ждала именно меня, ждала, чтобы увезти в новую, неведомую мне ранее красивую жизнь. Жизнь, в которой есть деньги, роскошь, свои принципы, свои законы. Я мечтала о такой жизни. Господи, как же я о ней мечтала...

Подойдя, я с ужасом обнаружила, что в машине никого нет. Я обошла ее, встала у водительской двери и растерянно посмотрела по сторонам.

- Анжела, прости, я ходил за сигаретами.

Обернувшись, я увидела Александра, того самого, которого я не видела год и о встрече с которым грезила долгие месяцы. Он нисколько не изменился, словно забегал в поселковый магазин вчера. Все тот же умопомрачительный парфюм, невероятно дорогой костюм, уложенные муссом волосы, притягательная улыбка и взгляд, который буквально раздевает женщину...

- Здравствуйте...

- Привет. Ты потрясающе выглядишь! Я думал...

- Ты думал, что к машине подойдет деревенщина в старом платье и выцветшей косынке?

- Ну, что-то в этом роде, - засмеялся заметно повеселевший мужчина.

Минута, и он был ко мне уже совсем близко. Его руки сначала скользнули по моим плечам, а затем сомкнулись на моей талии, почти у самых бедер. Я почувствовала себя в его руках, словно в тисках, и мои просьбы немедленно меня отпустить пролетали мимо его ушей, словно он просто оглох.

- Ну что ты вырываешься? Мы же не виделись с тобой целый год! Я успел соскучиться.

- Саша, убери руки. Мы встретились с тобой по делу, - попыталась я его образумить.

- Никто и не спорит. Просто я не ожидал, что ты так замечательно выглядишь. Ладно, садись в машину.

Признаться, я никогда не сидела в столь дорогих машинах на дорогих кожаных креслах. Внутри салона я почувствовала легкую дрожь, закружилась голова. Александр включил легкую музыку и завел мотор. Я напряглась и сделала все, чтобы натянуть на свою испуганную физиономию беззаботное выражение.

- Куда мы едем?

- А куда ты хочешь?

- Я... Я... Не знаю... Я думала, ты повезешь меня в какое-нибудь модельное агентство.

- Если думала, значит повезу.

Неожиданно Александр остановил машину у тротуара, наклонился к моему уху и стал покрывать его поцелуями. Я вздрогнула и резко отстранилась. На Александра это не подействовало. Он сжал меня так сильно, что казалось у меня хрустнули кости. Я была вне себя от ярости и стыда и закатила ему звонкую пощечину.

Саша отпустил меня посмотрел ошарашенным взглядом.

- Ты чего?!

- Ничего. Это ты чего руки распускаешь?!

- Я руки не распускаю. Я просто соскучился.

- Ах, ты просто соскучился... Как ты мог соскучиться, если ты меня совершенно не знаешь?!

- А ты считаешь, что для того, чтобы скучать, нужно видеться каждый день?

- Но ведь мы виделись всего раз в жизни, да и то год назад. Ты меня по телефону и то не сразу вспомнил. Я очень удивилась, что ты меня вообще вспомнил.

- Вот именно. Мы виделись с тобой раз в жизни ровно год назад, но, тем не менее, ты решилась ко мне приехать. Получается, что ты по мне тоже скучала.

- Я не скучала. - У меня пересохло во рту, язык стал каменным, недвижимым.

- А я скучал, - настаивал Саша.

- Так ты сначала для меня что-то сделай, а уж потом скучай! - Я резко замолчала и подумала, что невольно повторила мысль, которую сегодня утром пыталась втолковать мне Галина.

Александр смотрел на меня так, словно заглядывал куда-то внутрь. Я испугалась. Голова, все тело горели, как в огне, а сердце билось с такой учащенной силой, что казалось вот-вот и я потеряю сознание. С огромным усилием я улыбнулась и осторожно взяла Александра за руку.

- Прости. Если честно, я никогда в жизни никому не давала пощечину. Я даже не знала, как это делается.

- Смею тебя заверить, что у тебя получилось очень даже неплохо.

- Ты на меня обиделся? - Голос мой звучал совсем глухо.

- Я уже не в том возрасте, чтобы обижаться. На обиженных воду возят.

- Ну хочешь, я сейчас выйду из машины и уйду? Хочешь? Я уйду и больше никогда не попрошу твоей помощи. Никогда. Ты только скажи, что ты этого хочешь.

- Да уж сиди, коли пришла.

Последние слова Александра меня немного успокоили, потому что выходить из машины мне определенно не хотелось, так как я уже успела вбить себе в голову, что этот мужчина обязательно мне поможет. Машина тронулась с места, и я, слегка откинувшись в кресле, чуть слышно спросила:

- Саш, а куда мы едем?
- В красивую жизнь, – довольно громко рассмеялся он.
- А что ты подразумеваешь под красивой жизнью?
- Ту жизнь, которую ты хотела.

Мы остановились у небольшого старинного особняка. Зайдя внутрь, я почувствовала, что попала в какую-то незнакомую мне атмосферу.

- Сейчас тебе сделают фотоальбом, необходимый каждой модели. Это очень дорогое удовольствие, но с тебя никто не возьмет деньги. Отработаешь, вернешь. Считай, что тебя угощает фирма.

- Спасибо, – испуганно пробормотала я и огляделась по сторонам. – А что здесь находится?

Я украдкой разглядывала длинноногих, красивых девушек в холле и чувствовала какую-то неловкость. Девушки были слишком ярко накрашены, слишком вызывающе одеты, слишком уверены в себе. Они о чем-то оживленно разговаривали, но, заметив меня, замолчали и стали оценивающе разглядывать. Стараясь не упасть лицом в грязь, я до нельзя выгнула спину и прошла уверенной походкой манекенщицы, плавно покачивая бедрами.

- Это фотомастерская одного элитного фотографа. Сейчас я тебя ему покажу. Он очень известен. Любой девушке у него сняться – большая честь. Его фотографиями украшены многие обложки дамских журналов.

Александр по-отечески взял меня за руку и провел в комнату, заставленную осветительными приборами.

- Заходи. Это легендарная мастерская Дмитрия Глуценко. Тут снимались самые красивые девушки России. Снимались, становились настоящими моделями и покидали пределы нашей родины уезжая далеко за рубеж в поисках лучшей жизни и больших денег.

Поняв, что имя известного фотографа ни о чем мне не говорит, Александр замолчал. Увидев хозяина, он расплылся в улыбке:

- Димон, здорово! Ты только посмотри, какую красавицу я тебе подыскал. – Александр похлопал меня по плечу.

- Очередная провинциальная королева, – неприятно рассмеялся фотограф.

- Она не очередная. Она лучшая. А ну-ка поработай с ней. Мне кажется, что в ней что-то есть.

- В каждой женщине что-то есть. Нужно только приглядеться.

- Вот и приглядись повнимательнее. Думаю, в ней есть особенная изюминка.

- Хорошо. Ей нужно портфолио?

- Просто необходимо.

Фотограф показал, куда именно мне нужно встать. Я улыбнулась и вошла в луча света.

- Как тебя зовут?
- Анжела.
- У тебя красивое имя, впрочем, как и ты сама. Ты когда-нибудь имела отношение к модельному бизнесу?
- Нет.
- Прости, а где ты работала?
- Сейчас нигде.
- Я не спросил тебя, где ты работаешь сейчас. Я спросил, где ты работала раньше.
- Раньше я была продавцом.
- Оригинально.
- Не знаю, оригинально или нет, но я работала продавцом.
- А где?
- В поселковом магазине.
- Тоже оригинально. Саша нашел тебя прямо за прилавком и привез в столицу?
- Нашел он меня действительно за прилавком магазина, только в столицу не привозил. Я сама приехала.

Я покосилась на развалившегося в кресле Александра и сморщилась от направленного на меня света. Александр весело мне подмигнул и послал воздушный поцелуй.

- Не переживай. Когда фотограф работает с моделью, желательно, чтобы он хоть что-то про нее знал. Так легче. Ты должна идти на контакт.

Я кивнула и мысленно заставила раскрепоститься свое напряженное, скованное тело. Фотограф сделал несколько снимков.

- Отвратительно, - замотал он головой и прикрыл объектив крышкой.
- Что отвратительно? - чуть было не расплакалась я.
- Все отвратительно. Я не могу работать с девушкой, которая боится камеры.
- Ничего я не боюсь.

Боишься. Ты заметно нервничаешь и напрягаешься. Сосредоточься, а еще лучше расслабься. Ты должна быть естественной, раскрепощенной и сексуальной. Постарайся не обращать внимания на то, что происходит вокруг тебя. Сейчас, в этой комнате, нет ни меня, ни Александра! Слышишь, здесь никого нет! Никого! Ты одна, и ты смотришь на этот мир влюбленным глазами! Покажи нам, как ты себя любишь. Себя, свое тело... Ведь ты же действительно интересная девушка. Так почему же не можешь преподнести себя правильно?! Твой внутренний мир должен найти правильное выражение и отразится на твоих фотографиях.

Понимаешь, красота – это не просто красивая грудь и красивые ноги. Это свет, идущий прямо изнутри. Пока я не вижу этот свет. Ты не даешь мне это сделать. Скажи, ты сильная или слабая женщина?

– Ой, я даже не знаю. Все зависит от ситуации. Есть ситуации, в которых у женщины нет выбора, и она становится сильной, а есть наоборот, где ей нравится быть слабой. А почему ты это спросил?

– Потому что при всей твоей робости в твоем взгляде читается вызов. Я не люблю работать с феминистками. Мне проще работать со слабыми женщинами. У них совсем другой взгляд. В этом взгляде чувствуется необычайное тепло, мягкость, нежность, податливость. С такой женщиной можно сделать любые снимки, из нее можно лепить все, что угодно. Слабая женщина с удовольствием отдаст бразды правления умному, надежному мужчине и доверит ему свою судьбу.

– Ну, не у каждой женщины есть такой мужчина, – попыталась возразить я.

– Каждая женщина просто обязана найти мужчину, которому она смогла бы довериться, – не уступал фотограф.

– Что значит «обязана найти»?! Это же не вещь. Такой мужчина должен найтись сам. Очень многим женщинам приходится самим кормить своих детей. Их никто не прикрывает, никто им не помогает и уж тем более о них никто не заботится. Им просто приходится быть сильными.

– Это мы уже ударились в философию. Давай попробуем еще раз. Только запомни, что в этой комнате никого нет. Ни меня, ни Александра. Забудь про нас. Слышишь, забудь.

– Постараюсь, – вяло пробурчала я и покосилась на объектив.

Не смотря на мою кислую физиономию, фотограф начал меня снимать и ни на минуту не переставал щелкать фотоаппаратом. Совершенно разочарованная в будущем результате, я равнодушно позировала и делала все, о чем говорил мне Дмитрий. Но он, по-моему, был увлечен. Съемки длились бесконечно долго. Когда, наконец, все закончилось, он вытер пот со лба и посмотрел на Александра.

– Саш, ты прав. В ней что-то есть. Что-то особенное. Если с этой девочкой немного поработать, она и в самом деле увидит небо в алмазах. В ней есть скрытая сексуальность, которую при желании можно открыть. А ну-ка давай попробуем ее переодеть.

Дмитрий позвал какую-то женщину, по всей вероятности, костюмера, которая увела меня в гардеробную. Она достала весьма откровенное нижнее белье и черные нейлоновые чулки на черном поясе. Я изумилась и растерянно развела руками.

– Это кому? Мне?

– Ну понятное дело, что не мне, – ответила тучная женщина, весившая килограммов сто тридцать, не меньше. – Мне дано распоряжение, чтобы вы выглядели сексуально, и я обязана его выполнять.

Я переоделась, и мы продолжили съемки. Дмитрий был крайне напряжен, но с его лица не сходило выражение самого настоящего блаженства. Наверное это здорово – заниматься в жизни тем, что ты умеешь делать, что тебе нравится. Странно, но в момент съемок я была по-настоящему счастливой. Я больше не чувствовала в камере своего заклятого врага, которого

страшно боялась. Я почувствовала в ней друга, который хочет и сможет мне помочь не остаться за бортом жизни. Изображая самые сексуальные позы, я, к своему удивлению, возбуждалась сама и принялась преподносить свое тело как самую драгоценную вещь на свете. «Всегда назначай себе высокую цену», – проносились в моей голове слова Галины. – «Если ты хоть раз опустишь планку и снизишь цену, дабы побыстрее себя продать, ты упадешь в цене окончательно. Придет время и за тебя никто не даст и гроша». Я знала, что в моих движениях чувствовалась необычайная уверенность, и я была горда, что смогла так быстро побороть робость, которую вызывала камера. Я словно летела по небу полностью отдавшись во власть объектива и не могла остановиться даже в тот момент, когда Дмитрий не смотрел в камеру.

– А у тебя на удивление фотогеничное лицо. Оно преображается, когда на него наставлена камера! – слышались восхищенные реплики Дмитрия. – А ну-ка распусти волосы!

Я распустила волосы и поправила упавшую бретельку лифчика.

– А теперьними лифчик.

– Что?!

– Сними этот гребаный лифчик. Он только прячет твою красивую грудь.

– Но...

– Никаких но. Сними, я сказал!

– Мы так не договаривались...

– Выкини его к чертовой матери! Я хочу видеть твою грудь!

Немного оскалившись, я скинула лифчик и бросила его прямо на пол.

– Молодец! Ты должна избавляться от всего, что сковывает твоё тело. – Дмитрий начал пользоваться несколькими камерами, а я сделала невинные глаза и продолжила эту необычную съемку.

Прикрой груди руками и сделай испуганное выражение лица. Я хочу увидеть, как ты естественно умеешь пугаться, когда кто-то застает тебя с голой грудью. Ты должна напугаться по-настоящему, – громко скомандовал Дмитрий, и принялся фиксировать все, что я делала. – Оближи губы и сострой похотливый взгляд... Покажи нам, как твоё тело хочет бурного секса. Нет, не так! Кроме секса в твоём взгляде должен читаться голод. Настоящий сексуальный голод!!! Покажи нам, как ты хочешь мужчину! Как ты его хочешь!

Когда все закончилось, я подняла брошенный лифчик и быстро прикрыла им грудь.

– Молодец! Замечательно! Теперь нужно набраться терпения. Работа над портфолио кропотливая, но, как правило, результат превосходит все ожидания.

Дмитрий посмотрел на часы, а затем повернулся к Саше.

– У тебя как со временем?

– Я уж и не знаю. Думал, все закончится намного быстрее. Ты провозился ровно четыре часа.

– Ты же меня знаешь, если я трачу своё драгоценное время, значит это того стоит.

Саша встал.

- У меня еще куча дел. Я оставляю Анжелу с тобой. Приеду вечером. Анжела, дождись меня, пожалуйста.

- Конечно дождусь.

Увидев, что Александр покосился на мои откровенные трусики-бикини, я покраснела и от растерянности опустила глаза.

- Тебе это портфолио нужно, как воздух. Именно с него у модели начинается жизнь.

Как только Саша уехал, я быстро надела свои вещи и причесала растрепанные волосы. Дмитрий устало вышел в холл.

- Дмитрий Иванович, сегодня съемка будет? — как по команде зашебетали дожидавшиеся его девушки. - Вы нам на сегодня назначили. Мы уже столько времени ждем.

- Все переносится на завтра. Все свободны. Можете ехать домой. Визажист и костюмер тоже. Сегодня вы мне не понадобятся. У меня индивидуальная работа до глубокой ночи. Приношу свои извинения за то, что заставил вас ждать. Всем спасибо. До завтра.

- Разочарованные девушки посмотрели на меня ревнивыми взглядами и покинули фотостудию. Дмитрий повел меня в небольшую комнату, напоминавшую кухню.

- Курим, пьем кофе с бутербродами и принимаемся за работу. Вернее, я принимаюсь за работу, а ты не скучай. Погуляй по студии, посмотри журналы, снимки, подыши творческим воздухом...

- А я не курю.

- Тогда я покурю.

Сунув несколько бутербродов в микроволновую печь, Дмитрий разлил кофе по кружкам и придвинул одну из них мне.

- Ты сегодня что-нибудь ела?

- Нет.

- Я тоже. Проспал. И выскочил на работу голодным. Даже кофе не успел попить. Ты Александра давно знаешь?

- Год. Точнее, нет. Я видела его всего раз в жизни, да и то год назад.

- Тем не менее, Саша прав, в тебе что-то есть. Ты давай не стесняйся. Ешь.

Кивнув, я откусила от горячего бутерброда и сделала глоток кофе.

- А для чего мне нужно портфолио? Без него меня не возьмут в модельное агентство?

- Тебе нужно не просто портфолио. Тебе нужно профессиональное и качественное портфолио. Именно от него зависит судьба любой модели. Это очень важно, пойми. У Саши очень хорошие связи. Самое главное в модельном бизнесе - связи. Если их нет, можно долгое время быть на

вторых ролях и до конца своей жизни ждать звездного часа. Именно так, плачевно, выглядит судьба многих твоих ровесниц. Все время они только и делают, что ходят по московским модельным агентствам, предлагают себя и ждут какого-нибудь контракта. Но никто его им не предлагает. Все, на что они могут рассчитывать, – это редкие копеечные показы мод и участие в какой-нибудь выставке. А самое главное, что лед никогда не тронется и дальше этого дело никогда не пойдет. Их мечты занять высокое положение в мире моды быстро исчезают. Будем надеяться, что тебе повезет. У Александра в самом деле очень хорошие связи.

- А какое отношение он имеет к модельному бизнесу? – осторожно поинтересовалась я.

- Для того, чтобы иметь связи в модельном бизнесе, не обязательно иметь к нему отношение. Кстати, а ты где остановилась?

- В коммунальной квартире.

- Ну и как тебе коммунальная квартира?

- Ой, я даже не знаю. Там горячая вода есть...

Дмитрий рассмеялся и закурил.

- А там, откуда ты приехала, не было горячей воды?

- Не было. Какая там горячая вода?! Там и с холодной-то напряженка.

- Сейчас я угадаю, что ты сделала первым делом когда приехала в столицу. Первым делом ты набрала ванну горячей воды и в нее залезла.

- Все правильно, именно так я и сделала.

- А в Москве уже успела с кем-нибудь подружиться?

- Только с соседкой. Кстати, можно я ей позвоню, а то она за меня переживает.

- Позвони. Только не рассчитывай, что ты рано вернешься домой. Работа над твоими фотографиями может продлиться до глубокой ночи. Я пообещал Александру сделать очень хорошее портфолио, и я его сделаю. Я должен сделать так, чтобы люди тут же захотели предложить тебе участие в каком-либо проекте, в показе моделей, а в лучшем случае – заключить с тобой контракт на работу за границей. Хотя, знаешь, кому как повезет. Иногда я сделаю очень хорошее портфолио, девушка выглядит так, что до ее славы и известности кажется остается два шага, а никаких приглашений затем не следует. Вообще никаких. Так что связи в модельном бизнесе – это главное. Я уже тебе говорил. Ладно, мне пора работать.

Дмитрий затушил сигарету и встал.

- А ты не скучай. Займись чем-нибудь. В здании никого нет. Я всех отправил, чтобы никто не мешал, так что можешь чувствовать себя спокойно.

- Можно я позвоню? – спросила я еще раз.

- Я же сказал, звони.

Как только Дмитрий ушел в лабораторию, я набрала номер своей коммунальной квартиры. Как я и думала, трубку сразу же сняла Галина.

- Галина, привет. Это Анжела.
- О, будущая мисс мира, привет. А я только о тебе думала. Ну, как твои дела?
- Сейчас мне делают портфолио. Александр уехал по делам, а я сижу в мастерской одного известного фотографа, дышу творческим воздухом.
- Значит, пока все идет строго по плану.
- Пока да.
- А ты уже рассчиталась с Александром за портфолио?
- В смысле?
- В прямом смысле! Ты ему отдала свое тело?
- Нет. Ничего я ему не отдавала, - замотал я головой.
- Молодец. Сначала результат, а затем расчет. Просто некоторые мужики берут предоплату... Он что, даже не приставал?
- Приставал. Я дала ему пощечину.
- Молодец! Я надеюсь, он не дал тебе сдачи.
- Нет.
- Молодец. Ладно, а ты когда дома-то будешь?
- Даже не знаю. Возможно работа над фотографиями затянется до глубокой ночи.
- Я тоже поздно приеду. У меня свидание. Так что давай договоримся, если ты придешь позже меня, и я уже буду спать, ты обязательно меня разбуди. Если приду позже я, то я в любом случае подниму тебя с кровати. По рукам?!
- По рукам.

Положив трубку, я долгое время бродила по помещению, обследовала все его комнаты и, не выдержав, на цыпочках пробралась в фотолабораторию. Некоторые мои снимки уже были готовы. Они сушились на совсем тонкой веревке и были обращены ко мне лицом. Готовые фотографии меня поразили, я никак не могла поверить, что это я. Совершенно чужое, холодное, равнодушное лицо... Чужие, зовущие глаза, ждущие порции секса... Совершенно чужой силуэт фигуры, чужие растрепавшиеся на ветру волосы.

Заметив меня, довольно усталый фотограф вытер пот с лба и обнадеживающе проговорил:

- Есть снимки очень даже ничего. Хоть на конкурс фотографий! В твоих фотографиях что-то есть. Если Александр постарается, он тебя обязательно куда-нибудь продвинет. Понимаешь, я каждый день делаю по черт знает сколько снимков и взглядом профессионала вижу, можно слепить из той девушки, которую я фотографирую, какой-нибудь образ или нет. Так вот, я тебе прямо заявляю, из тебя можно смело лепить все. Не задумываясь.
- Зачем из меня что-то лепить? - не сразу поняла я Дмитрия.

- Любая модель - это, как правило, полуфабрикат, из которого нужно лепить определенный образ. Модель, как актриса. Она должна всегда быть разной и беспрекословно слушаться своего фотографа. Она должна ему доверять. Без доверия не бывает работы. Тебя обязательно должны заметить. Посмотри на тот снимок, у тебя просто совершенные формы! Только не вздумай худеть. Ты должна оставить все, как есть. И, пожалуйста, никогда не злоупотребляй краской для лица.

- Чем?

- Извини, я просто неправильно выразился. Никогда не злоупотребляй косметикой. У тебя и без нее хорошее лицо. Придет время, и с тобой будут работать лучшие визажисты, стилисты. В общем, целая куча народа. Знаешь, как это здорово, когда к твоей персоне приковано столько внимания! Только все зависит от связей. Приложи все усилия, чтобы Александр по-настоящему постарался. Заинтересуй его чем-нибудь. Ты уже взрослая девочка и не мне тебя учить, чем умная женщина может заинтересовать далеко не глупого мужчину. Понимаешь, в любую модель вкладывают деньги. Так вот, нужно заинтересовать человека, чтобы он их вложил. Ему нужно внушить, что придет время, и эти деньги окупятся с лихвой.

- Ой, ты мне столько всего сказал. Мне страшно.

Не бойся. Не Боги горшки обжигают. В конце концов в тебе есть изюминка, и ее не увидит только дурак. Ладно, не мешай мне. У меня еще полно работы.

Из лаборатории я пошла в комнату, которая, по всей вероятности, считалась студией. Стены и потолок были выкрашены в белый цвет, а в углах стояли юпитеры. Я села рядом со столом, заваленным аппаратурой, и принялась рассматривать дамские журналы...

Глава 4

Время шло медленно, а я по-прежнему сидела в комнате студии, листала журналы и украдкой поглядывала на часы. «Работа может затянуться до глубокой ночи», - звучали у меня в голове слова Дмитрия. Неожиданно появился Александр. Отдышавшись, он показал пальцем в сторону лаборатории.

- Ну что, работа кипит?!

- Кипит, - кивнула я и встала.

- Ты результат видела?

- Немного.

- Короче говоря, до окончательно результата еще далеко. Я правильно просек твою мысль?

- Не знаю... Я не думала, что это так долго.

- А быстро только знаешь, где бывает?

- Где?

- Ладно. Подрастешь, потом скажу.

Зайдя в лабораторию, Александр не пробыл там даже минуты. Он был немного расстроен и

закурил сигарету.

- Димка меня выгнал. Сказал, что работа в самом разгаре. Ему еще часа три надо.

- Сколько? - не поверила я своим ушам.

- Часа три.

Я посмотрела на Александра потерянным взглядом, а потом уставилась в темное окно.

- Обалдеть. Наверное мне придется здесь ночевать. Интересно, тут хоть есть раскладушка?

- Я думаю, до ночевки не дойдет. Хотя это процесс долгий. Я тебе сразу об этом сказал.

- Уже совсем темно.

- Вижу. А я здесь, недалеко, по делам был. Думаю, заеду, вдруг все уже закончилось, и я увижу лицо счастливой женщины, которая держит самые красивые фотографии в своей жизни. Послушай, ты, наверное, голодная. Есть хочешь?

- Дмитрий меня бутербродами кормил.

- Разве наешься бутербродами! Давай нормально поужинаем. Мне нужно на одну стрелку съездить. Там недалеко есть неплохой ресторанчик. Поужинаем и вернемся. Мы же должны дождаться окончательного результата.

- Ты приглашаешь меня на ужин?

- Ну да. Я же тебе говорю, что у меня стрелка на МКАДе. Там круглосуточный ресторан, где неплохой шашлык. Ты, случайно, не вегетарианка?

- Нет. Я без мяса жить не могу.

- Молодец. Почти, как я. Я тоже мясная душа.

Всю дорогу, пока ехали до ресторана, мы молчали, хотя я не могла не заметить, что Саша нервничает. Возможно, это было связано с его собственными проблемами, а может быть и с моими... Может быть он уже тысячу раз пожалел о том, что собрался слепить из меня модель, ведь наше совместное времяпрепровождение не принесло ему ничего приятного. Не выдержав, я посмотрела на него своими большими раскосыми глазами и еле слышно спросила:

- Саш, у тебя, что-то случилось? - С чего ты взяла?

- Мне показалось...

- Даже если и случилось, то это тебя совершенно не касается.

- Правда?

- Что правда?

- Что это никак не связано с мной?

- А почему ты так подумала?

- Мне показалось...

- Что тебе показалось? - Александр нахмурился.

- Мне показалось, что я тебе как нагрузка. Отнимаю у тебя столько времени. Может, тебе нужно домой? Наверное дома жена ждет... Я знаю, я плохо позировала. Снимки получатся просто ужасные, и ты поймешь, что потерял со мной столько времени...

Во-первых, я никогда не трачу времени впустую. Если я с тобой, значит это уже не потерянное время. Значит мне это нужно. Во-вторых, я не женат. Я уж там побывал, и с меня довольно. Так что с некоторых пор я убежденный холостяк. Сам не заводжу семью и другим не советую. Слово «брак» не вызывает у меня ничего, кроме раздражения, конечно. В-третьих, ты позировала очень даже неплохо, и если Дмитрий настолько увлекся своей работой, это говорит о том, что игра стоит свеч. Он что-то в тебе нашел и пытается отобразить это на фотографиях. Дмитрий никогда не будет делать работу, если до конца не уверен в положительном результате. И в-четвертых, когда кажется, надо креститься. Думаю, я достаточно хорошо все обосновал.

Остановившись у придорожного ресторана, Александр посадил меня за уютный столик, сделал заказ и удалился. Мне принесли бокал красного вина. Я сделала несколько глотков и почувствовала себя значительно лучше. Мне даже показалось, что все, что сейчас со мной происходит, это сон, в котором я пребываю с того самого момента, когда ступила на Московскую землю. Фотомастерская... Известный фотограф - утомительные съемки... Александр, словно принц из сказки, который нашел меня для того, чтобы сделать известной, богатой и счастливой. Разве так бывает, - думала я, медленно потягивая вино. Так не бывает... И, тем не менее, все это происходит со мной. Сейчас я не сплю и пребываю в здравом уме. Я могу себя ущипнуть и почувствую боль, а если я чувствую боль, значит все, что происходит со мной сейчас ни что иное, как самая настоящая реальность. Я нахожусь в Московском ресторане, потягиваю вино и жду, когда закончится работа над моим портфолио.

- О, да ты уже вовсю вином расслабляешься! - Заметно повеселевший Александр сел напротив меня и с довольным видом потер руки.

К столу подошла официантка и принесла массивную тарелку с аппетитно пахнущим шашлыком. Александр взглянул на женщину, неожиданно встал, положил свою руку ей на плечо, а затем опустил прямо до ягодиц. Я опустила глаза, покраснела, как вареный рак, и в буквальном смысле слова заерзала на стуле.

- Здравствуй, Виктория, - услышала я. - А я и не знал, что ты еще здесь работаешь.

- А куда я пойду? - вздохнула официантка. - Тут платить стали неплохо.

- Надо же! Я тысячу лет тебя не видел, хотя иногда сюда заезжал.

- Наверное просто не попадал в мою смену.

- А живешь там же?

- Там же.

- Ну ладно. Заскочу как-нибудь.

- Заскакивай как-нибудь.

Девушка направилась в сторону кухни, а Александр вернулся на свое место.

- Кто бы мог подумать, что я здесь старую знакомую встречу. Может и в правду говорят, что Москва – большая деревня. Тут ни от кого не укроешься и постоянно кого-то встречаешь.

- Приятная девушка. – Я и сама не поняла, что именно происходило со мной в данный момент. То ли я просто приревновала Александра к незнакомой девушке, то ли посчитала за неуважение по отношению ко мне, что он так откровенно положил руку на чужую задницу, совершенно не думая о том, что я все вижу и слышу и это мне, мягко говоря, может быть очень даже неприятно.

- Да, есть в ней что-то...

- Ты хочешь сказать, что в ней есть какая-то изюминка?

- Я хочу сказать, что в кое-каких вещах она настоящая мастерица. Такую захочешь не забудешь. Слишком много приятных воспоминаний.

- Тогда почему ты не сделал из нее известную модель? – спросила я все тем же ревнивым голосом.

- Потому что я этим не занимаюсь. Если я решил тебе помочь, то это не означает, что я помогаю всем девушкам. Я не благотворительная служба. Если из нее получилась хорошая официантка, это не значит, что получилась бы хорошая модель.

- Но ты же сказал, что она искусная мастерица...

- Сказал. В постели ей и в самом деле нет равных. По крайней мере я не встречал...

- Оставь, пожалуйста, свои постельные похождения при себе, – резко перебила я Александра и допила свое вино до самого дна.

Александр рассмеялся, взял меня за руку и посмотрел мне в глаза.

- Анжелка, ты что, ревнуешь, что ли?

- Вот еще...

- А мне кажется, что ревнуешь.

- В том-то и дело, что тебе кажется.

Пожинав, Александр еще на несколько минут задержался около своей старой знакомой, не забывая при этом поглаживать ее по округлым ягодицам. Девушка заметно смущалась и чувствовала определенную неловкость – ведь Александр приехал в ресторан не один. Устав ловить на себе испуганные взгляды девушки и посчитав свое присутствие лишним, я вышла на улицу и встала у машины.

- Послушай, а ты чего убежала? – Александр выскочил следом за мной и быстро открыл дверь машины.

- Я не убежала. Я ушла.

- Тогда почему ты ушла?

- Потому, что ужин уже окончился и потому, что у меня нет никакого желания смотреть, как ты откровенно любезничаешь с другой девушкой. Да и не только любезничаешь.

- Еще говоришь, что не ревнуешь! Александр завел мотор. Я не смогла удержаться, чтобы не высказать свое несогласие.

- Я не ревновала. Просто мне было неприятно. Мне показалось, что ты меня унизил, что ли... Я понимаю, между нами ничего нет. Но это как-то некрасиво...

- А может это и в самом деле произошло оттого, что у нас с тобой ничего нет.

Александр наклонился ко мне совсем близко и поцеловал прямо в губы. Я не дала ему пощечину, не отклонилась и уж тем более не начала на него кричать. Я сидела, словно статуя, и боялась пошевелиться. «У Александра большие связи. Будь с ним поласковее. Он реально может тебе помочь. Заинтересуй его чем-нибудь. Ты же знаешь, чем умная женщина может заинтересовать неглупого мужчину», - прозвучали у меня в голове слова Димы.

Отъехав от ресторана на приличное расстояние, мы оба услышали как в машине что-то застучало. Александр резко затормозил. Испуганно посмотрев по сторонам я с ужасом отметила, что в неприятной темноте не видно ни огонька - никакого жилья.

- Саш, что случилось? Почему мы встали? - осторожно спросила я.

- Если не ошибаюсь, у нас прокололо колесо. - Он обреченно развел руками и вышел из машины.

Я выскочила следом за ним и тоже принялась рассматривать злосчастное колесо. Оно было не просто спущено. Его «зажевало» в полном смысле этого слова. Покосившись в сторону темного леса, я съезжилась.

- Саш, а у тебя запасное колесо есть?

- В том-то и дело, что нет. Если бы было... Я химчистку в машине делал и колесо, как на зло, выложил. Хотел обратно положить и забыл. Попробовать накачать, что ли... Насос у меня есть. Только вряд ли что получится. Видишь, как «зажевало».

- А ты попробуй.

- Конечно, попробую. Не ночевать же здесь.

- А если не получится?

- Если не получится, будем мозговать дальше.

Около пятнадцати минут Александр возился с колесом в надежде привести его в рабочее состояние. Я расхаживала взад и вперед и думала о той девушке из ресторана, о свободных отношениях, которые навязывал такой тяжелый и жестокий город Москва.

- Саш, ну что, получается?

Александр встал, пнул насос ногой и раздраженно сказал:

- Ни хрена не получается, блин, и где ж мы его прокололи? Все ж нормально было. Похоже, у ресторана.

- У ресторана?

- Ну да!. Мы ж не так далеко отъехали. Видимо, какой-то гад решил преподнести нам сюрприз. Какой-нибудь Викин крендель. Увидел, что я ее трогаю за самые интимные места и решил меня наказать. Только по-козлячьи как-то он меня наказал. Если бы он мне сейчас под руку попал, я бы его, ей Богу, убил. А может я ошибаюсь.

- Конечно, ошибаешься.

- С чего ты так решила?

- С того, что незачем Викиному кренделю тебе колеса спускать. Представь, что если бы оно у ресторана спустило, тогда бы ты ее дальше за интимные места держал. А того глядишь и ночевать остался. Если такой крендель действительно в наличии имеется, то он бы просто этого не пережил.

- В том-то и дело, что он мне его так технично проколол, чтобы оно долго спускало, и я бы смог отъехать на приличное расстояние. Расчетливый гад.

Александр подошел ко мне совсем близко и уткнувшись в мою шею тяжело задышал.

- Послушай, сегодня вечер какой-то непонятный. Все вроде против нас. Странно складываются обстоятельства. Очень даже странно... А там, в ресторане, ты очень даже сильно меня ревновала.

- Глупости.

- А мне кажется, что это не глупости... Знаешь, а я бы хотел, чтобы ты меня ревновала. Я бы очень этого хотел.

- Почему?

- Потому, что ты особенная. Когда я увидел тебя в первый раз, я сразу понял, что ты особенная. Я говорю вполне серьезно. В Москве слишком много швали. Не разменивайся на всякую шелуху. Будь со мной. Будь с мной, и я сделаю все для того, чтобы твоя мечта осуществилась.

- Как это - быть с тобой?

- Просто будь со мной. Все остальное я беру на себя. Анжел, я хочу тебя...

- Что?

- Я хочу тебя...

- Прямо сейчас?

- А почему бы и нет! В конце концов, нас подтолкнули к этому обстоятельства. Если у нас спустило колесо, значит это какой-то знак...

- Ты хочешь сказать, что спущенное колесо - верный путь к интиму?

- А почему бы и нет...

- Но ведь колесо нужно делать...
- Не переживай. Мы его обязательно сделаем. Не будем же мы здесь ночевать. Я позвоню в техпомощь на дорогах и сюда приедут.
- Так звони.
- Позвоню, только немного позже.
- Почему?
- Потому, что я уже давно хочу тебя.
- Прямо здесь?! - У меня закружилась голова и меня слегка затрясло.
- Прямо здесь и прямо сейчас. Ты даже не представляешь, как сильно ты хороша... Как же ты хороша...

Расстегнув мою обтягивающую джинсовую блузку, Саша поцеловал мою грудь и прошептал:

- Ты еще прекраснее, чем я ожидал.

Когда Саша расстегивал молнию на моих брюках и поглаживал мой живот, я закрыла глаза и вдруг вспомнила слова отца, который с презрением относился к моей красоте и всегда называл меня шлюхой. Он говорил, что в Москве я обязательно пойду по рукам. Наверное отец был прав. Я пошла по рукам. Я в руках Александра... Посадив меня на капот «Мерседеса», Александр стянул с меня брюки и задрал вверх мои ноги.

- Нет, - прошептала я, но не оказала при этом сопротивления.
- Да, - настоял Александр и развел мои ноги пошире. - Да... Да... Ты же сама этого хочешь. Я знаю, ты хочешь этого сама.

Я блаженно улыбнулась и посмотрела на довольно красивое накаченное тело Александра., Красивые плечи, поистине красивая мужская грудь... и даже такое красивое родимое пятно, расположенное на таком необычном месте, как правый сосок... Довольно редкое родимое пятно, словно этот человек - меченный, а если этот человек меченный, то, бесспорно, он особенный.

- У тебя такое необычное родимое пятно, прямо на соске...
- Тебе не нравится?
- Мне все в тебе нравится... Буквально все...

«Ты же знаешь, чем умная женщина может привлечь неглупого мужчину», звучали у меня в голове слова Дмитрия.

Я закрыла глаза и в который раз подумала, что отец прав. Еще совсем недавно я представляла себя принцессой, а сама стала шлюхой. Обыкновенной шлюхой, которую имеют прямо на капоте «Мерседеса». И все же... Все же я женщина, а это значит, что я не могла не почувствовать ту страсть, которая охватила все мое тело... Саша - мужчина, значит, ему свойственны слабости мужского пола. А ведь там, где у мужчины появляются слабости, у женщины появляется сила, и эта сила подчиняет себе мужские слабости.

Я с самого раннего детства слышала о том, что миром правят мужчины, что все в их руках. У мужчин есть все для того, чтобы быть хозяевами жизни. У них есть деньги, сила и конечно же власть. Все высокие посты всегда занимают мужчины. Мужчины правят миром, а женщины правят мужчинами. Что ж, неплохую аксиому я вывела. У женщин есть красота, сексуальность и хитрость... С таким арсеналом, конечно же, не сможешь управлять миром, но с таким арсеналом можно запросто управлять мужчинами. Я не могу добиться власти над миром, но я могу добиться власти над мужчинами или хотя бы над одним из них. Я постараюсь, и я уверена, что у меня это получится. Если я буду умной и изучу все мужские слабости, то хотя бы несколько мужчин у меня будут в кармане. Я буду тщательно собирать эти слабости и обрету силу, а если у меня будет сила, то у меня обязательно будет власть...

У меня будет власть над мужчинами, а если у меня будет власть над мужчинами, то у меня будет власть над миром...

Улыбнувшись, я задвигалась в такт Александру и замерла только тогда, когда мы оба получили мощную, ни с чем несравнимую разрядку. Я усвоила одну хорошую истину. Можно быть скупой в чем угодно, но только не в сексе. Излишняя сексуальная щедрость поможет навсегда привязать к себе мужчину. Когда все закончилось, Александр почувствовал себя самым счастливым человеком на свете и стал буквально распинаться в многочисленных благодарностях. Он смотрел на меня, как на чудо, и выглядел так, будто у него началась новая жизнь.

- Никогда бы не подумал, что ты такая страстная партнерша. Я, наверное, кричал от удовольствия, как резанный.
- Кричал. - Я рассмеялась, слезла с капота машины и принялась натягивать джинсы.
- Может повторим? - никак не хотел успокоиться Александр.
- Может и повторим, но только не сейчас и не здесь. Давай разберемся со спущенным колесом, а то не очень-то приятно сидеть со спущенным колесом у самого леса.
- А мне был очень приятно. Я бы сидел так всю жизнь.
- Я не то имела в виду. Я имела в виду, что ты должен заняться машиной.
- Как скажешь. Слово женщины - закон.

Я улыбнулась и подумала, что именно с этого начинается власть.

Достав из кармана мобильный телефон, Александр отошел в сторону и принялся кому-то звонить.

- Не переживай! - обернулся он. - Сейчас я или техпомощь вызову, или кто-то из друзей приедет, привезет запаску! - громко крикнул он мне и отошел еще на несколько шагов.

Я направилась в сторону небольшого обрыва, чтобы Александр мог спокойно поговорить, не обращая на меня внимания. В этот момент позади меня послышался шум незнакомой машины. Я резко остановилась. Не мог же кто-то из Сашиных друзей приехать за такой короткий промежуток времени. Конечно, не мог. Решив вернуться обратно, я сделала несколько шагов в сторону Сашиного «Мерседеса». Рядом с мерсом остановилась иномарка, которая просто слепила своими включенными фарами. Я видела, как из незнакомой машины вышли двое мужчин и направились к Саше. Вернее, я не видела этих мужчин, я видела их силуэты.

Окружающая темнота и резкий свет фар сделали свое дело – у меня заслезились глаза.

– Саш, это кто?! – громко крикнула я и направилась к незнакомцам, которые, по всей вероятности, остановились для того, чтобы оказать нам помощь. По крайней мере я думала именно так. Но я здорово ошибалась.

– Анжела! Беги!!! – словно гром сред ясного неба прозвучали слова Александра. – Слышишь, беги!!! Беги, если хочешь жить!!!

Но я не побежала. Я стояла, как вкопанная, и безумными глазами смотрела на происходящее.

Что значит – беги?! Куда?! Зачем?! От кого?! Что значит беги, если хочешь жить?! Неужели, если я не убегу, меня кто-то сможет убить?! Зачем?! По какой причине?! За что?! Получается, что эти двое приехали сюда не для того, чтобы нам помочь... Они приехали сюда, чтобы угнать почти новый, безупречный «Мерседес» и убить его хозяина... Но как я могу оставить Александра и куда-то бежать? Это подло, это ужасно! А как же портфолио?! Как же карьера модели?! Как же красивая, роскошная и счастливая московская жизнь?! Кто мне ее даст? Александр мне ее обещал... Он единственный человек в этой жизни, который пообещал мне то, что я хочу больше всего на свете.

Я понимала, что моя собственная жизнь намного дороже, по крайней мере для меня, это уж точно. Но я не могла бросить на произвол человека, который за короткий промежуток времени стал мне необычайно дорог, которому, вопреки всему, я все же поверила и отдала свою нехитрую судьбу в его знающие мужские руки.

У машины стояли трое. Александр и двое незнакомых мужчин. Внимательно приглядевшись, я увидела, что эти двое были в масках. В самых настоящих черных масках с вырезанными дырочками для глаз, носа и рта. Мужчины в масках стояли к Александру впрыток, а один из них держал у его виска пистолет. Закрыв рот ладонью, чтобы не закричать, я прикусила нижнюю губу до крови и с ужасом осознала, что ничем не могу помочь. Что хотят эти люди? Денег? Наверное денег, потому что почти все убийства происходят именно из-за них... Из-за этих проклятых денег. На этот раз я оказалась права. Один из мужчин по-прежнему держал пистолет, а другой вытащил из кармана Саши бумажник и рассматривал его содержимое. Видимо, денег в бумажнике было немного, потому что мужчина ударил Александра кулаком по лицу и стал требовать еще денег. Александр что-то невнятно бормотал разбитыми губами, но мужчины не реагировали на его слова и всем своим видом показывали, что с минуты на минуту они будут готовы к более решительным действиям.

– Кот, мочи его, да и все! Что с ним церемониться?! Его бредни выслушивать, только время терять. Делаем мокрую да и сваливаем отсюда.

Услышав последние слова, я окончательно поняла, что жизнь Александра висит на тоненьком волоске и, спрятавшись за высокие кусты, не придумала ничего лучшего, как закричать во все горло:

– Эй, вы!!!! Сюда едет милиция!!! Слышите, я вызвала милицию!!! Она уже совсем рядом! Она будет через несколько секунд! У вас еще есть возможность не сесть за решетку! У вас еще есть небольшой запас времени! Слышите, они приедут через несколько секунд!!! Оставьте Сашу в покое и уезжайте! Вас никто не будет искать!!! Я вам обещаю, вас никто не будет искать!!!

Я орала с такой силой, что у меня заболело горло. Мне показалось, что еще немного, и я оглохну от собственного крика.

- Там девка какая-то орет, - сказал один бандит другому и нажал на курок. Прогремел громкий выстрел, и Александр рухнул на землю. Самое страшное, что выстрел был не единственным. Следом за ним прозвучал следующий. А потом еще... Убрав ладонь ото рта, я истерично закричала и, что было сил, бросилась прочь.

- Клиент готов, - услышала я неприятный мужской голос. - Все. Откинул копыта. Теперь нужно отравить следом за ним девку. Щас я ее найду.

Я и сама не знаю, куда я бежала. Куда глядят глаза. Падала, поднималась и бежала опять... Я бежала в сторону леса, надеясь там укрыться. При этом я кричала: «Помогите!!!», совершенно не понимая, что в лесу мне вряд ли кто-то сможет помочь. Это и являлось моей самой главной ошибкой. Мои преследователи отслеживали мои передвижения по моему крику и не выпускали меня из виду. Когда прозвучал выстрел, я закричала еще громче и поняла, что моя жизнь может оборваться в любую минуту. Сейчас меня убьют точно так же, как убили Александра. Господи, как же это все нелепо! Глупо и нелепо! Умереть только за то, что я стала ненужной свидетельницей страшного преступления. Но ведь по этой причине погибают многие... У меня уже не хватало дыхания, я просто-напросто задышалась. У меня закололо в правом боку так сильно, что я уже и сама перестала понимать, отчего так громко кричу - от острой пронзительной боли, буквально раздирающей мой бок, или оттого, что мне невыносимо страшно. Конечно, в данной ситуации мне было бы намного разумнее спрятаться и где-нибудь отсидеться, и я понимала, что должна укрыться и переждать пока отступит опасность, но мои ноги отказывались меня слушаться и хотя бы на секунду остановиться. Меня отказывались слушаться не только мои ноги. Мне перестало подчиняться мое тело, моя шея и моя голова. Я понимала, что я должна обернуться, чтобы посмотреть, насколько близко преследователи, оторвалась ли я от них хоть на немного, но моя шея была недвижимой, она не хотела мне подчиниться.

Когда позади меня раздался еще один выстрел, я попыталась заорать еще громче, но из моей груди вырывались только слабые, еле слышные хрипы. Не заметив крутого обрыва, я кубарем покатила вниз, с ужасом ощущая, что мое лицо царапают ветки деревьев, а мое тело бьется об острые камни.

Мне показалось, что я катилась целую вечность... И все же, когда я, наконец, остановилась и смогла поднять голову, я увидела, что мои преследователи в масках стоят на самом краю обрыва и прикидывают, каким образом им удобнее всего спуститься. Значит, у меня еще есть время... Время для того, чтобы убежать, а точнее, для того, чтобы остаться живой.

Морщась от раздирающей боли, я встала и увидела, что нахожусь у самого берега реки. Моим единственным спасением является вода. Уж что-что, а плавала я всегда просто отлично. Скинув уже давно мешавшую обувь, я прыгнула в воду и поплыла к противоположному берегу. Не знаю, откуда у меня взялись силы... Я слышала, как стреляли по воде, мне приходилось нырять, а потом я плыла дальше. Я плыла и чувствовала, как мне холодно... бог мой, как же мне было холодно! Вода казалась ледяной. Странно, ведь сейчас середина лета. Сейчас середина лета... Я закрыла глаза и подумала, что уже умерла... Я была одна-одинешенька на середине чужой незнакомой реки. Я плыла и дрожала то ли от холода, а то ли от страха, в ушах громко пульсировала кровь. А может это была не кровь, может это был холодный, порывистый ветер...

Чем ближе я приближалась к берегу, тем меньше и меньше я боялась. Закрыв глаза, я начала читать молитву, которой научила меня моя мать и которую она заставляла меня читать, когда я была маленькой девочкой.

Совершенно обессиленная, мокрая и трясущаяся от страха, я вылезла на берег и обхватив колени руками громко заревела. Затем подняла голову и посмотрела на свои окровавленные руки и ободранные колени. Больше всего на свете мне хотелось, чтобы меня пожалели... Чтобы моя милая, ласковая мамочка прижала меня к себе, успокоила, сказала какие-нибудь утешающие слова, я бы положила голову на ее родные колени и тихонько поплакала. Мама всегда говорила мне, что для того, чтобы все прошло, необходимо по-настоящему выплакаться. По-настоящему прочувствовать свою горе и выплеснуть его наружу... Когда оно полностью уйдет наружу, станет намного легче.

Наплакавшись, я прислушалась. Было совсем тихо. Ни выстрелов, ни этих двоих в масках. Перед глазами встала чудовищная картина: безжизненно падающий на землю Александр, его глаза, полные боли и ужаса, его перекошенный рот, словно он хотел закричать... Хотел, но не смог. Я всматривалась в темноту, но пока не замечала никакой опасности. Я не знаю, сколько времени я просидела, но смогла успокоиться, встать и пойти вдоль реки. Каждый шаг давался мне с трудом. Хотелось кричать, звать на помощь, рыдать, закатить самую настоящую истерику оттого, что я совершенно одна, никого нет рядом, а значит, меня никто не выслушает и уж тем более не успокоит. В успокоении я сейчас нуждалась больше всего на свете.

Я шла крайне осторожно, опасаясь все же, что опасность не отступила. Как только я представляла Александра мертвым, мне становилось еще хуже. Если бы он мог предвидеть, что произойдет, он бы обязательно что-то предпринял... Начался дождь, впрочем, он мне особо не помешал, потому что я и без того была мокрая. Дождь смывал грязь с моей одежды, но он не мог смыть слезы с моей души. Эти частые капли... Я переставала понимать, что именно это было - капли дождя или слезы. Смахнув пот тыльной стороной ладони, я глубоко вздохнула и неожиданно для себя сказала вслух:

- Москва слезам не верит. Она вообще ничему не верит, а уж тем более слезам. Господи, какая же она жестокая, эта Москва. Какая же она жестокая... В нашей деревне намного проще... У нас и народ совсем другой. Он добрее, что ли... Точно, он добрее. Наверное для того, чтобы Москва тебе поверила, в ней нужно родиться, а я родилась красивой, но черт знает где. В деревне моя красота никому не нужна. Не могу же я свою фигуру на картофельном поле демонстрировать. Да, видимо, и в Москве она не особенно-то пригодилась. И все же я не хочу возвращаться в свою деревню. Не хочу работать на огороде! Не хочу! Не хочу быть похороненной на деревенском кладбище! Не хочу! У нас там у всех одна программа, и она всегда неизменна. Родился, закончил деревенскую школу, устроился на ферму и... умер. Когда умер, тебя похоронят на деревенском кладбище. Живые приходят на это кладбище навестить мертвых, а затем попадают туда сами. И никто из нашей деревни никогда не вырвался из этого замкнутого круга. Никогда. Дома я постоянно крутилась перед зеркалом и думала только об одном - как изменить свою жизнь. Как? Как сделать так, чтобы моя внешность кому-то пригодилась. Как? Я всегда знала, если в меня вложить немного денег, я буду просто неотразимой. Я буду сводить мужчин с ума и строить свою жизнь так, как того требуют правила высшего света. По ночам мне снились странные сны, где я была в роли кинозвезды. Мне всегда хотелось стать личностью. А еще... Еще мне хотелось никогда не умирать. Никогда... Я знала, что у меня есть один редкостный дар - излучать яркий свет и дарить его людям. Я не просто излучаю этот свет, но и охотно делюсь им с окружающими. Я всегда любила мечтать и никогда не боялась, что мои мечты не сбудутся. Никогда. Я не любила разговоры односельчан о том, что поселок, в котором я живу, хоть и небольшой, но зато свой, до самой гробовой доски, до последнего вдоха. Мол, деревня маленькая, да удаленькая. Тут все свое, все родное, нет беготни и толчеи. Мне казалось, что наши называют Москву деревней, потому что завидуют. Завидуют тем, кто в ней живет. Живя в своей деревне или в своем поселке (место, где я жила, называли по-разному), я задавала себе один и тот же вопрос:

«Что впереди?» и долго не находила ответа. Когда я первый раз в жизни увидела Москву, мне показалось, что это мой город, что я с ним обязательно справлюсь и буду жить в нем, как рыба в воде. Когда я ступила на Московский перрон в первый раз, у меня в глубине души было ощущение, что передо мной открылись двери волшебного замка, в котором лежат бесценные сокровища. До них рукой подать, нужно только дотянуться. Я знала, что все мои мечты сбудутся, превратятся в реальность. Что мои деревенские одноклассники будут с гордостью называть мою фамилию, гордиться тем, что когда-то учились со мной в одном классе. И даже когда я умру, церковь безоговорочно причислит меня к лику святых и перед моим изображением будут обязательно зажигать свечу. Да, это поистине сложно – родиться принцессой на деревенской земле. Господи, как же это сложно... На деревенской земле рождаются крестьяне, которые любят эту самую землю, тщательно ее обрабатывают и с огромным удовольствием пожинают плоды. Как же тяжело родиться на этой земле принцессой, которая не умеет на ней работать, не хочет и, самое главное, никогда не сможет себя заставить, потому что принцессы любят делать только то, что им хочется и никогда не возьмутся за то, к чему не лежит их душа. Как тяжело жить с крестьянами, делить с ними быт и вести беседы, когда в тебе течет королевская кровь. Как же это тяжело. Я не ожидала, что Москва настолько жестокая. Господи, какая же она жестокая, эта Москва... А приезжих-то она как не любит! Она просто ненавидит приезжих. Вот и приезжай после этого в Москву... Вот и приезжай...

Замолчав, я поняла, что разговариваю сама с собой. Наверное я просто сошла с ума. Конечно, такое увидеть... На моем месте сошла бы с ума любая девушка.

...Неожиданно я услышала чьи-то голоса. Я напрягла слух. Где-то совсем близко разговаривали люди. Где-то там, за стеной ближайших деревьев. Я всхлипнула, отчаянно смахнула слезы и пошла к людям...

Глава 5

Пробравшись между деревьями, я вышла на просторную поляну и увидела несколько незнакомых машин. В свете фар о чем-то оживленно беседовали мужчины. Вернее, они не просто беседовали. Разговор шел на повышенных тонах. Это было похоже на какую-то «стрелку», сходку, которую устраивают подальше от человеческих глаз. Река, лес, удаленность от жилья... Они чувствовали себя свободно, не таились, не оглядывались по сторонам, похоже, при необходимости готовы были достать оружие. Впервые за последнее время у меня сработал здравый рассудок, и я притаилась за деревом. Выходить на поляну и просить у незнакомых мужчин помощи слишком рискованно. Сначала надо понять, кто эти люди и для чего они здесь собрались.

По-прежнему шел дождь. Странно, но я к нему уже привыкла. Мокрый облегающий джинсовый костюм стягивал мою фигуру, словно тугий корсет. Мокрые спутанные волосы лезли в глаза. А еще кровь, сочившаяся из ран. Кровь, перемешанная с дождем...

- Все, мужики, по-моему пора разбежаться, - сказал тот, что стоял у довольно дорого джипа. - Дело сделано. Я думаю, НИ у кого нет претензий.

Андрей должен считаться пропавшим без вести. Никто и никогда не должен знать о том, что он мертв. Если всплывет его смерть, мы все попадем в жуткую ловушку. Мы лишимся того, что имеем. Конечно, жалко, что мы не можем похоронить его по-человечески. Так сложились обстоятельства, и мы ничего не можем изменить. Конечно, мы могли купить место на кладбище и похоронить его под другим именем, но на любом кладбище так много любопытных

глаз... Мы будем его навещать здесь. И никаких памятников. Лишние подозрения нам ни к чему. Каждый из нас может найти это место с закрытыми глазами. Мы его чувствуем... Чувствуем тот свет, который пробивается из земли там, где захоронен Андрей.

Мужчина встал на колени и припал губами к земле. Поцеловав ее несколько раз, он встал и даже не отряхнул брюки. Его примеру последовали остальные.

- Яков, а что решим по поводу родственников? - спросил тот, что встал с колен последним.

Как договорились. Для родственников он будет тоже пропавшим без вести, - ответил Яков. - Жена, дети, мать, теща - пусть все остаются в неведении. О смерти Андрея знаем только мы пятеро, и в этой тайне никогда не будет шестого. Предлагаю посадить на месте захоронения Андрея пять елочек. Посадим плотным кольцом. Это будет добрый знак того, что мы, пятеро его близких друзей, всегда о нем помним, любим его и по-мужски скорбим. Только давайте побыстрее, мы и так уже промокли до нитки.

Мужчины достали лопаты, а я вытерла пот со лба и постаралась сдержать захлестнувшие меня эмоции. В моей ситуации лучше всего быть ниже травы, тише воды, не подавать никаких признаков жизни, потому что это совсем не те люди, которые могут помочь. Свидетельницей одного преступления я уже была со всеми вытекающими отсюда последствиями. Теперь я стала свидетельницей каких-то загадочных похорон человека по имени Андрей. Получается, что я вновь ненужный свидетель, а ненужных свидетелей, как правило, убирают. Все это я хорошо понимала и, несмотря на паническое чувство страха, могла оценить ситуацию именно так, как она того заслуживала. И в тоже время я понимала, что совершенно не знаю, где нахожусь и как мне выбраться к людям. Перспектива остаться в лесу одной вселяла в меня дикий ужас, чувство полной безысходности бросало в озноб.

Пока мужчины сажали деревья, я не сводила глаз со стоящего неподалеку джипа, принадлежавшего Якову, и пыталась рассмотреть, есть там кто-нибудь или нет. Передняя дверь была открыта. Когда практически все мужчины оказались ко мне спиной, я метнулась вперед, пулей влетела в джип, перелезла на заднее сиденье и притаилась.

Я не знала, что меня ждет дальше. Ясно было одно - джип обязательно привезет меня к людям, и я должна выбраться из него незамеченной. Точно так же, как я в него забралась. Буквально вжавшись в кожаное кресло, я старалась не дышать. Мне было страшно. И именно в этот момент я с особой теплотой подумала о своем поселке и о той спокойной жизни, которой я в нем жила. Вспомнилась соседка Варвара. Мы жили в соседних домах и выросли в одном дворе. Она раньше меня уехала покорять Москву, но вернулась ровно через два месяца. Вернулась совсем другим человеком. Из тихой, милой, доброй девушки за небольшой промежуток времени она превратилась черт знает в кого. Сломанная, нервная, озлобленная, она не желала ни с кем обсуждать свою несостоявшуюся жизнь. Но самое ужасное - ей казалось, что теперь, всю жизнь на ней будет клеймо неудачницы, хотя в общем-то, по большому счету, деревенским было совершенно наплевать, куда и зачем она ездила. Варвара пришла проводить меня, когда я уезжала в Москву. Я стояла с дорожной сумкой, слушала наставления наших деревенских и ждала автобуса. Варвара стояла рядом и беспрестанно курила. Я чувствовала, что она хочет мне что-то сказать, но она молчала. Она просто курила. Она очень нервничала, и сигарета то и дело падала у нее из рук. Она тушила ее ногой и доставала из пачки очередную...

Очнувшись от воспоминаний, я сжала кулаки так, что руки пронзила страшная боль. Надо ждать... Ждать, когда мужчины наконец разойдутся и сядут в свои машины. Оказалось, что ждать пришлось совсем недолго. Не прошло и нескольких минут, как мужчины распрощались

и разошлись по своим машинам. Машин ровно пять, мужчин пятеро. Значит, я просчитала все правильно. В джип, в который я забралась, больше никто не сядет.

Я молила бога только об одном – чтобы случайно не чихнуть, не застонать от боли и панического страха. Яков помахал рукой товарищам, завел мотор и посмотрел в зеркало заднего вида. Я буквально вжалась в кресло и ощутила, что просто облилась холодным потом. Когда машина, наконец, тронулась, я уткнулась носом в кресло и принялась мечтать. Да, как ни странно, но даже в этой чудовищной ситуации я принялась мечтать, потому что мечтать я могла везде и сколько угодно. Я мечтала о том, что Яков, выбравшись из этого страшного леса, поедет не в какой-нибудь загородный коттедж, в котором он проживает с семьей, а направится к самому центру города и там вольется в сумасшедший поток уличного движения. В конце концов город не лес, в городе не так страшно. По крайней мере я смогу закричать, выскочить на любом светофоре прямо посреди шумного проспекта и побежать туда, где толпится народ, бросится на шею первому встречному, выплакаться, рассказать ему о том, что со мною произошло. Хорошо бы выскочить из машины где-нибудь у вокзала, потому что у вокзала всегда толпится народ: одни рвутся в город, а другие, наоборот, спешат побыстрее из него выбраться. Ни привокзальная сутолока, ни радость людей от долгожданных встреч, ни слезы от чересчур тяжелых расставаний не помешали бы мне найти плечо, на котором бы я смогла выплакаться.

«Только бы этот гребаный Яков ехал в город, – как заклинание твердила я про себя. – Только бы он поехал в город».

Я уже и сама не понимала, какие чувства вызывал у меня город, в который я приехала. Еще совсем недавно мне казалось, что мое место здесь, и я смогу жить только в Москве. До недавнего времени мне нравилось в ней буквально все, я испытывала пьянящую радость, любясь ее сказочной красотой, жадно впитывала звуки огромной разношерстной толпы и будоражащий ритм. Мне даже казалось, что у меня есть какое-то родство с этим городом. Словно мы одной крови... Просто судьба закинула меня в глухую, бесперспективную деревню. Но есть же такое понятие, как зов крови. Вот я и приехала в Москву. Что-то меня звало, что-то сработало внутри. Я приехала, чтобы завоевать этот город. А потом я встретила Александра, пообещавшего сделать из меня известную модель. Это была судьба, вернее, шанс, который дала мне судьба. Не использовать его было бы по меньшей мере глупо. Я помню, как я растерялась, когда лицом к лицу столкнулась с городом, о котором грезила с самого раннего детства. Помню, я встала посреди шумной площади и... поняла, что мне просто некуда идти. В кармане – только адрес дальних знакомых. Я смотрела на эти большие многоэтажные дома, как зачарованная. Город казался мне просто волшебным. «Господи, как же ты красива, Москва... Как ты красива...» – шептала я и смотрела по сторонам восхищенным взглядом. А когда я села в автобус и стала проезжать мимо различных ресторанов, казино и красивых реклам ночных клубов, я смахнула слезы и подумала: «Именно такое королевство достойно настоящей принцессы. Проще говоря, оно достойно меня. А я... Я всегда была принцессой и всегда чувствовала в себе королевскую кровь. Даже помогая матери на ферме... Даже стоя за прилавком опустылевшего деревенского магазина. Я всегда знала, что это не мое, что это случайно. Что это просто нелепое недоразумение, глупая ошибка судьбы, неразбериха и какая-то путаница. Я никогда не танцевала на местной дискотеке и никогда не ходила в местный кинотеатр, потому что всегда знала – меня ждут яркие огни настоящих дорогих увеселительных заведений».

Как же быстро все изменилось. Как же быстро... Я боялась не только московских заведений, я боялась и самой Москвы. Здесь могут запросто убить человека только за то, что он далеко не бедный и у него есть «Мерседес» последней модели. Тут могут запросто похоронить лучшего друга ни где-нибудь на кладбище, а прямо посреди леса и держать родных в неведении по

поводу его судьбы. А еще тут живут страшные люди, у которых есть такие же страшные деньги, и живут они по очень страшным правилам. Прямо как отрывок из сказки, которой дети по ночам пугают друг друга. «...В страшном, страшном городе стояли страшные, страшные здания, а в этих страшных, страшных зданиях жили страшные, страшные люди. Страшными, страшными ночами эти страшные, страшные люди делали страшные, страшные дела, от которых жизнь в этом страшном, страшном городе, становилась еще страшнее.» Наверное эта страшная сказка из детства была как раз про Москву.

Мои размышления прервал звонок мобильного телефона Якова. Он быстро вытащил мобильный из кармана и решительно произнес:

- Слушаю.

Затем небольшая пауза.

- Скоро буду. У меня свои дела. Что я делаю? Зоя, я тебе уже тысячу раз говорил, что я зарабатываю деньги. Ну и что, что уже глубокая ночь. У меня рабочий день не нормирован. - Яков ухмыльнулся и дернул плечом. - Почему? Что почему?! Почему у меня рабочий день не нормирован?! Какие дела могут быть ночью?! Отвечаю. У человека, который зарабатывает нормальные деньги, дела могут быть в любое время суток. И ты, между прочим, Зоинька, на эти самые денежки живешь и ни в чем себе не отказываешь. Катаешься, как сыр в масле, покупаешь различные шмотки и жрешь дорогие спиртные напитки в неограниченных количествах. А я, между прочим, не работаю на заводе и у станка не стою! Поэтому ты вопросы, типа где я сейчас нахожусь и что делаю, не задавай. И еще, Зоинька, тебе бы спать пора, а ты, я смотрю, маешься от безделья и пропиваешь деньги, которые я зарабатываю непосильным трудом. Ах, ты еще смеешься! Ты что ржешь, как лошадь?! Прекрати ржать, я сказал! Я бы на твоём месте не смеялся. Ты считаешь, что нам деньги с неба падают, что я ни хрена не делаю?! Зоя, ты зачем так нажралась?! Девочка, ты хоть сама понимаешь, как далеко зашла?! Ты стала алкоголичкой!!! Ты же перестаешь быть человеком, становишься неодушевленной вещью.

Опять пауза. Мне даже показалось, что Яков окончил разговор, но я ошиблась.

- Дорогая, я не обзываюсь. - Перепады в его настроении настораживали. С оглушительного крика он перешел на мягкий, совершенно спокойный тон. - Я же тебе сказал, что не обзываюсь. Я уже давно не в том возрасте, просто называю вещи своими именами. Милая, ты оскорбилась, что я назвал тебя вещью. Но если ты и впредь будешь жрать спиртное в таких количествах, ты и в самом деле скоро станешь для меня использованной вещью. У тебя еще есть шанс исправиться. А пока ты не вещь. Если ты в самое ближайшее время не закончишь жрать свои джины, виски и бренди, я тебя зашью, как делают с самыми безнадежными алкоголиками. Все, дорогая, скоро увидимся. Постарайся уснуть. Ты же знаешь, я не люблю, когда мне в лицо дышат перегаром.

Джип помчался еще быстрее. Я сидела ни жива, ни мертва и боялась, что хозяин джипа услышит, как сильно стучит мое сердце. Мне казалось, что стучит оно чересчур громко. Правда, я никогда не слышала, как стучит чужое сердце на том расстоянии, на котором сидит от меня Яков. Я попыталась слегка приподняться и посмотреть в окно. Впереди была темная трасса. Никаких признаков жилья. Если я все правильно поняла, Яков едет к Зое. Зоя, его жена, страдает от постоянного отсутствия своего супруга и глушит свою боль, называемую одиночеством, тем, что пьет по ночам. Интересно, где живет эта малоприятная семейка? Конечно, малоприятная. Зажравшаяся жена-алкоголичка и муж, по всей вероятности, братской национальности, который морочит жене голову. Где же живет эта семья? Где?

Хорошо, если в Москве. А если опять где-нибудь за городом? Бог мой, мне совсем это не нужно. Мне нужно в город. Туда, где много народа. А если правду сказать, у меня появилось дикое желание приехать на вокзал, купить билет, укатить в свою деревню, забыть все, как страшный сон, полный кошмаров.

Наконец, мы выехали на центральную трассу, и я почувствовала себя значительно лучше, даже подумала, что моя паника была преждевременной. Сейчас мы обязательно приедем в Москву и наверное в самый ее центр, потому что такие люди на таких джипах живут в центре. Приедем на Арбат, Яков остановит машину, и мне... мне будет нужно как-то из нее выйти. Было бы хорошо, если бы он кого-то встретил, с кем-то поговорил. Я бы за это время успела выскочить из машины. Господи, какая чушь у меня в голове! Кого он может встретить посреди ночи! Значит... значит, я должна выйти заранее. Я должна выйти до того, как Яков доедет до своего дома, ведь как только мужчина подъедет к своему дому, он тут же громко хлопнет дверцей и быстро уйдет. А я останусь в машине. Неизвестно на какой срок. Можно, конечно, разбить стекло, но такая дорогая машина обязательно нафарширована сигнализацией и как только она сработает, сразу вернется хозяин. Хорошо, если у меня получится убежать, а если нет? В лучшем случае – тюрьма, в худшем – он меня просто убьет. Нет уж, лучше выскочить на светофоре и где-нибудь в людном месте... Хорошо сказать, но как это сделать? Может быть постучать этого Якова по спине, просунуть голову между спинками сидений и произнести жалобным голосом:

- Яков, будь человеком. Останови, пожалуйста. Мне нужно здесь выйти.

Конечно, Яков бы опешил и резко затормозил. А я... Господи, что ж тогда сделала бы я? Я бы глупо улыбнулась и проговорила со скоростью звука: «Я ничего не видела, ничего не слышала, просто проходила мимо и вообще, я здесь случайно» – а затем кубарем выкатилась бы из машины и бросилась прочь.

Я все думала и думала, как устроить побег, а машина все ехала и ехала по загородной трассе... Я уже начала сожалеть, что забралась в эту машину. Снова зазвонил мобильный, от неожиданности я вздрогнула.

- Зоя. Это опять ты... Послушай, девочка, и чего тебе не спится? Я же русским языком объяснил, что не люблю пьяных женщин, не люблю, когда от них несет перегаром. Я тебе объяснил или нет?!. Ты что, совсем не соображаешь?! Нажралась до поросычьего визга! Короче, Зоя, ты меня окончательно достала. Если я приеду и ты еще не будешь спать, я избыю твою тощую задницу, запомнишь эту ночь на всю жизнь! Буду ровно через пять минут. Помни, ты играешь с огнем!

Меня охватило отчаяние. Я готова была разрыдаться, но страх быть обнаруженной помог мне сдержаться. Боже мой! Он едет не в центр, а в свой загородный дом... Возможность выскочить где-нибудь на светофоре равна нулю, потому что здесь попросту нет светофоров. Я понимала, что отпущенные мне пять минут пролетят, как пять секунд. Я обязана принять новое. Шансы на мое спасение улетучиваются прямо на глазах. Что делать? Закричать? Просить остановиться, выслушать меня, умолять помочь мне? И я уже чуть было не сделала это. Чуть было Не доверилась первому встречному, в сомнительной репутации которого не сомневалась ни минуты. Но в тот момент, когда я уже собралась это сделать, Яков резко притормозил и бросил на заднее сиденье какой-то предмет. Не поворачивая головы, я скосила глаза и взглядом затравленного зверя посмотрела на этот предмет. На моей спине выступил ледяной пот – рядом со мной лежала самая что ни на есть настоящая кобура, из которой виднелся пистолет. Я еще никогда в жизни не видела оружие так близко и вообще считала оружие признаком беды и опасности. Я даже где-то читала, что в доме нельзя держать оружие. Мол,

если в доме есть оружие, оно обязательно выстрелит. Выходит, у Якова бывают моменты, когда он должен пользоваться своим пистолетом...

Машина заехала во двор дома, потом в подземный гараж. Я уже плохо соображала и по-прежнему не сводила глаз с лежащего на заднем сиденье пистолета. Я должна была бы взять пистолет, наставить его на Якова и приказать ехать в Москву. Я понимала, что скоро может быть просто поздно, но ничего не могла с собой поделаться. Страх сковал меня так, что я застыла, как мумия.

Странно, но Яков не вышел из машины. Он нервно закурил сигарету и стал смотреть в мутное окно машины. Я тоже взглянула в окно и содрогнулась. К машине шла молодая женщина в длинной ночной рубашке, с полупустой бутылкой виски в руках. Исхудавшая, взлохмаченная, не совсем опрятная, она была похожа на несчастную полинявшую птицу. К тому же она была далеко не трезвая. Она едва шла, с трудом удерживая равновесие. Ступая босыми ногами по холодному бетону, она продолжала отхлебывать виски. Яков приоткрыл окно, но из машины не вышел. Он нервно курил и стряхивал пепел прямо на пол.

- Яков-, а что ты домой не идешь? - Женщина остановилась в метре от машины, обнимая почти пустую бутылку, как обнимают маленькое дитя.

- Ты же видишь, я курю, - совершенно спокойным голосом ответил Яков.

- Дома покуришь.

- Я, может, посидеть немного хочу. Подумать.

- Дома подумаешь.

- Я и так дома.

- Ты не дома. Ты в гараже.

- Я просил тебя лечь спать. Я же сказал, что скоро буду. Послушай, ты зачем так нажралась?!

- Я не нажралась. Я просто была одна. Я вообще, постоянно, по жизни одна... Яков, скажи, у тебя кто-то есть?

- Я тебе уже тысячу раз говорил, что у меня никого нет.

- Скрываешь... Ты со мной редко спишь. Тебя ко мне совершенно не тянет. Сегодня ты даже назвал меня вещью. А я и есть вещь... Кто я такая?! Конечно, вещь. Вещь, которая тебе надоела и которую ты хочешь заменить новой.

Яков сплюнул прямо на пол и процедил сквозь зубы:

- Пошла вон, пьяная дура.

- А ты? - спросила женщина, как ни в чем не бывало. По всей вероятности она уже привыкла к подобным оскорблениям и научилась на них не реагировать.

- Я скоро приду. Сегодня у меня был слишком тяжелый день, мне хочется побыть одному.

- У тебя был не только тяжелый день, но и тяжелая ночь, - съехидничала пьяная женщина.

- И ночь тоже. Я тебе русским языком сказал, что хочу немного побыть один. Иди в дом.
- Где ты хочешь побыть один? В гараже?!
- Хотя бы и в гараже.
- Почему?
- Я готов быть где угодно, только бы не видеть твоей пьяной рожи! - взорвался Яков. - Неужели ты до сих пор не поняла, что пьяная ты мне неприятна.?!

Женщина не уходила.

- Яков, скажи, ты хоть немного меня любишь? Хоть самую малость? Можешь не отвечать. Я знаю ответ. Ты вообще никогда никого не любил. Ты не умеешь любить людей. Ты умеешь любить только деньги.

У меня заболела голова. Мне стало невыносимо холодно, словно меня пронзил сильный ледяной ветер. Это нервы. Занемели ноги. Больше всего на свете мне хотелось выпрямиться, встать во весь рост. Я поняла, что больше не могу сидеть в бездействии. Не могу! У каждого человека есть определенный запас терпения, но когда он иссякает, человек способен на самые непредсказуемые поступки.

- Яков, я больше так не могу... - вновь заговорила женщина.

- Как?!

- Так.

- Я спрашиваю, как ты не можешь?!

- Так.

- Но как?!

Женщина покачнулась, оперлась о стену и еле слышно сказала:

- Я больше так не могу. Я не могу так жить.

- Как?!

- Так, как мы с тобой живем.

- Ты устала от денег?

- Нет. Мне кажется, ты сам от них устал.

- Ты же знаешь, что я никогда от них не устаю. Дорогуша, тебе нужно было выйти замуж не за меня, а за рабочего, которому не платят зарплату по три месяца. С ним ты бы не стала уставать. Мне кажется, мужчина твоей мечты должен работать именно на заводе. Рано утром уходить на работу, а возвращаться после пяти.

Ты бы варила ему нехитрую похлебку, стирала его спецодежду. А потом ты будешь плодить нищету - нарожаешь ему детей ипустишь их по миру с протянутой рукой, конечно. Потом

опять начнешь пить. Только пить будешь уже не виски, а какой-нибудь самогон. Закусить будем нечем. Но ничего, хлебом занюхаешь. Придется к этому привыкнуть. Каждый день будешь устраивать своему работяге истерики, говорить затертую фразу: «Я больше так не могу».

- Мне не нужен рабочий с завода, – замотала головой пьяная женщина. – Мне нужен ты...

- Ах, тебе нужен я?! Тогда не доводи меня своими пьяными звонками!

От неподвижности мое тело занемело так, что я перестала ощущать его. Хотелось выть от усталости и злости. Мысленно я молила Господа бога только об одном – чтобы эта пьяная женщина как можно скорее ушла к себе в дом, а Яков пошел бы следом за ней. Я совершенно не думала о том, что будет со мной. Главное, чтобы я осталась одна и смогла хотя бы вытянуть занемевшие ноги.

Видно, Господь услышал мою молитву. Яков вышел из машины, громко хлопнув дверью. Вплотную приблизившись к пьяной женщине, он отвесил ей хорошую пощечину.

- Сволочь! Какая же ты сволочь! – забилась в истерике женщина. – Кто дал тебе право поднимать на меня руку?! Чтоб ты сдох! Ты ударил беззащитную женщину!

Яков резко выдохнул:

- Я ударил не женщину. Это совсем другое Я твоя жена, я не женщина?!

- С некоторых пор – да. Ты уже давно потеряла женский облик. Ты когда в последний раз смотрела на себя в зеркало?

- Я каждый день смотрю на себя в зеркало, – заливаясь слезами проговорила жена Якова.

- Я имею в виду без бутылки. В последнее время ты смотришься туда только по пьяни и только обняв бутылку.

Женщина смотрела напряженно, в ее взгляде было какое-то маниакальное упорство.

- На себя посмотри. Ты сам выглядишь, как дерьмо. У тебя глаза красные.

- У меня красные глаза от недосыпа. Я зарабатываю деньги.

Женщина облизала пересохшие губы.

- Яков, а может, мне тоже устроиться на работу?

- Что?!

- Я говорю, может, мне тоже устроиться на работу?

- Кем? – злорадно усмехнулся Яков.

- Ну, кем-нибудь...

- Еще скажи, что сейчас рабочие руки везде нужны.

- Почему ты смеешься? Я пойду на биржу и попробую найти себе какое-нибудь место.

- Успокойся, дорогая. Успокойся. Мне не нужно, чтобы моя жена работала.

Маринка постоянно звонит, - всхлипнула пьяная женщина. - В их косметическом салоне администратор требуется. Она зовет. Почему бы мне не пойти?! Работа не пыльная, и коллектив там хороший.

- Пусть твоя Маринка ищет на свою не пыльную работу другого.

- Но почему?!

- Потому что Маринка должна работать, а ты нет. У твоей шалавы Маринки нет богатого мужа, а у тебя есть. Мне не нужна работающая жена. Тебе что, пить не на что?! Я же никогда не ущемлял тебя в деньгах. Маринка на твоём месте каталась бы, как сыр в масле, и ни о чём не думала. Она спит и видит, чтобы очутиться на твоём месте. Дает всем налево и направо, только ни хрена ей не везет. Это только ты от нормальной жизни ныть умеешь. Сама не знаешь, чего хочешь. Одета, обута, на работу никто не гонит.

- Дело не в этом. Просто я целыми днями одна. Я, как подстреленная птица в золотой клетке. У меня нет ни друзей, ни подруг. Я целыми днями одна дома. Тебя никогда нет. Тебя нет даже ночью. Яков, я больше так не могу... Не могу. Нужно что-то менять. Хоть что-то...

- Дорогая, пошли в дом. Ложись спать и ни о чём не думай. Ты же знаешь, я не люблю перемен. Я их терпеть не могу. Я предпочитаю однообразие, монотонность и - стабильность.

- А я ненавижу однообразие. Если б ты только знал, как я ненавижу однообразие!

- Ты просто много выпила. Пошли, я уложу тебя спать. Пошли в дом.

Женщина поставила на бетонный пол пустую бутылку и жалобно спросила:

- Яков, скажи, а ты меня совсем не хочешь.

- Ты же знаешь, я никогда не сплю с пьяными женщинами. Я ненавижу, когда от жены несет перегаром.

Неожиданно женщина захохотала. Смех был жуткий, истеричный, душераздирающий. Она смеялась и никак не могла остановиться.

- Зоя, прекрати немедленно! Прекрати! - прикрикнул Яков.

- Ещё скажи, что уже глубокая ночь и я разбужу соседей. Тут же никого нет! Можно друг друга поубивать и никто не услышит. - Женщина продолжала смеяться, а из глаз ее хлынули слезы.

- Я же сказал, прекрати немедленно! Над кем ты смеешься?! Надо мной?

Яков ударил жену по лицу. Он смотрел на нее так, как смотрят на умалишенных. Женщины все смеялась. Он снова ударил ее, она резко замолчала и произнесла совсем тихо:

- Немедленно прекрати меня бить. Немедленно. А смеюсь я потому, что с некоторых пор у тебя на меня не стоит. У тебя стоит на кого-то другого.

- Пошли в дом, - вздохнул Яков. - Я устал и хочу спать. У меня завтра много работы.

Он направился к крыльцу, но женщина даже не шелохнулась. Она стояла на месте и тупо смотрела на пустую бутылку виски, стоящую на бетонном полу. Посмотрев на закрытые двери машины, я вдруг сообразила, что Яков не ставил машину на сигнализацию. Значит, я смогу открыть двери и выйти из машины. Только бы поскорее ушла эта пьяная Зоя, закончила бы любоваться выпитой бутылкой и последовала за своей второй половиной.

Ну и семейка! Ну и семейка... Правду говорят, что богатые тоже плачут. У богатых свои причуды. Казалось бы, чего не жить? Дом – полная чаша. Так нет. Не все так хорошо, как кажется на первый взгляд.

Вдруг я почувствовала, что у меня закружилась голова и защекотало в носу. Не удержавшись, я тихонько чихнула, успев закрыть лицо ладонями. Мне показалось, что это было совсем не слышно, но женщина моментально вскинула голову и уставилась на машину взглядом настоящей хищницы.

- Яков, кто там у тебя?!

Мужчина остановился у входа и откровенно зевнул.

- Где?

- В машине.

- Никого.

- Мне показалось, что там кто-то есть. Я что-то слышала...

- Выпей еще больше, увидишь, как на крышу нашего гаража приземлилась летающая тарелка.

- Не говори ерунды! Мне кажется, я начинаю понимать, почему ты не выходил из машины.

- Почему? - раздраженно спросил Яков.

- Потому что ты привез с собой любовницу! Ты хочешь уложить меня спать и провести ее в наш дом!

Яков покрутил пальцем у виска и подошел к жене.

- Когда ты пьяная, ты совсем дура. Да мне нужно памятник поставить за то, что живу с такой. Пойдем, я хочу отключить тут освещение – Он попытался взять ее за руку.

Женщина не двинулась с места. Вероятно, ей что-то подсказала женская интуиция – она оттолкнула руку мужа и ринулась к машине. Когда она открыла заднюю дверь, я сидела на корточках, держала в руках пистолет и смотрела на нее в упор.

- Здравствуйте, – поздоровалась я с ошарашенной женщиной и сняла пистолет с предохранителя...

Глава 6

Женщина побледнела и растерянно переводила взгляд с пистолета на мое лицо и обратно. Потом она попятилась, взвизгнула от страха и закричала:

- Яков, что это?!

С трудом разогнув занемевшие ноги, я села на заднее сиденье и, не выпуская пистолета из рук, произнесла уверенным голосом:

- Я ни что... Я кто... Я не вещь... Я женщина-Яков, не паникуй. Все нормально. Придержи свою пьяную вешалку. Если она сейчас на меня бросится, я прострелю ей голову, и ты останешься без любящей, но пьющей жены.

- Яков, кто это? - снова спросила Зоя, пятясь от машины.

- Зоя, зачем ты спрашиваешь своего мужа? Ты же сама дала мне определение. Я его любовница.

- Любовница?!

Ну да. Любовница от слова любовь. Ты разве не знаешь? Яков привез меня к себе, чтобы заняться любовью, но не учел того, что ты еще не спишь. Он говорил, обычно ты засыпаешь сразу после первой рюмки. Видимо, он недооценил твои возможности. - Я старалась говорить спокойно, но в моем голосе все же чувствовалась дрожь. - Так что, Зоя, ты уж извини, что так получилось, пришлось нам с тобой познакомиться. Я на твоего мужа не претендую, не переживай. А вообще, он неплохой мужик. В наше время, сама знаешь, с нормальными мужиками напряженка. Держись за него руками и ногами и не рыпайся. Ты ноешь, что с деньгами и тяжело, и плохо, а без денег еще тяжелее, поверь мне. Ладно, ребята, мне пора. Яков, дай мне, пожалуйста, ключи от машины. У вас в гостях хорошо, но, кажется, я уже засиделась и мне пора домой. Не буду вам мешать. Желаю вам спокойной ночи и приятных сновидений. А мне пора ехать, не могу же я в гараже всю ночь сидеть. Яков, за машину не переживай. Я оставлю ее... - я замолчала, потому что совершенно не знала, что сказать. Я еще очень плохо знала Москву. - Я оставлю ее у Белорусского вокзала. Завтра заберешь. Поставлю прямо на стоянку. Ключи отдам сторожам, так что ни за что не переживай. На счет секса тоже не бери в голову. Займемся им в следующий раз. И на будущее. Больше никогда не вози девушек на трахатуски, если жена дома. Она хоть пьяная, но все соображает.

- Яков, почему у твоей шалавы в руках пистолет? - взвизгнула Зоя и побледнела еще больше. - Ты привез ее сюда, чтобы меня убить?! Я вам мешаю!!! Я поняла, что я вам мешаю!!! Вы хотите меня убить?!

Опомнившийся Яков замотал головой и постарался успокоить взбесившуюся жену.

- Успокойся и иди в дом. Я сам разберусь с непонятно откуда взявшейся в моей машине девушкой. Я вижу ее в первый раз, можешь мне поверить.

Яков посмотрел на меня в упор, а я глупо и нервно улыбнулась:

- Яков, дай ключи от машины. Мне нужно в город.

- Ты кто и как попала в мою машину?!

- Я твоя любовница.

- Надо же. И давно ты моя любовница?

- Недавно.

- Ты что меня за нос водишь?!

Яков был уже совсем рядом с машиной.

- Еще одно движение, и я стреляю! - В моем голосе появилась далеко не поддельная уверенность. - Стреляю без предупреждения.

- А тебя-то она за что хочет застрелить? - ничего не поняла немного протрезвевшая Зоя. - Вы же сюда приехали, чтобы меня убить! А муж-то мой здесь при чем?! - обернулась она ко мне.

- Наконец-то ты стала понимать, что это никакая не любовница! - рассвирепел Яков. - Хотя на это у тебя мозгов хватило.

Вытянув руку с пистолетом вперед, я откинула упавшую на глаза челку и отчеканила:

- Ключи от машины и отойти к стене! Быстро, я сказала! Быстро!

Яков усмехнулся и достал ключи от машины. Положив их к себе на ладонь он слегка протянул руку и проговорил:

- На, возьми.

Я не решилась взять ключи свободной рукой. Мне показалось, что это закончится не самым лучшим образом.

- Нет, Яков, так не пойдет. Кинь ключи на сиденье.

- Ты не хочешь их брать из моих рук?!

- Нет. Я вообще ничего и никогда не беру из чужих рук.

Лицо Якова стало красным от гнева.

- Ты прямо, как дрессированная псина, - процедил сквозь зубы.

- Сам ты псина. Брось ключи на сиденье! Я тебе ясно сказала.

Неожиданно Зоя снова приблизилась к машине, потопталась на месте и, не сводя перепуганных глаз с пистолета, заговорила:

- Я что-то не понимаю, что здесь происходит?! Яков, а любовница-то у тебя сумасшедшая. Это она так реагирует на то, что я до сих пор не сплю?! И вообще, что за необходимость тащить ее в наш дом? Ну трахались бы в другом месте! Ты ведь хорошо знаешь, что там, где живут, чужих баб не трахают! Я чувствовала, что у тебя кто-то есть. Я ведь это чувствовала! Твои постоянные отлучки из дома, поздние приезды, выключенный мобильный телефон... Я знала, что в твоей жизни появилась другая женщина. Я все это знала. Просто я никогда не могла подумать, что ты можешь привести ее к нам домой. Думала, что для тебя в этой жизни еще есть что-то святое, черта, которую ты не можешь преступить. А теперь я понимаю, что у тебя вообще нет ничего святого и никогда не было.

- Зоя, отойди! Я сам разберусь! - Яков становился все краснее. - Это не любовница. Я сам не знаю, кто это и откуда она взялась. Иди спать. Я сам со всем разберусь.

- С чем ты разберешься?! Ты хочешь, чтобы я оставила вас одних?! Я не могу рисковать, я не знаю, что будет дальше. Или эта сумасшедшая убьет тебя, или вы вместе отправитесь убивать меня.

Поняв, что семейная перебранка может затянуться надолго, а у меня окончательно сдают нервы, я произнесла с той уверенностью в голосе, на которую только была способна:

- Послушайте, вы, двое! Если бы вы только знали, как вы меня достали и как сильно я от вас устала. Мне нужны ключи от машины, и я оставляю вас для дальнейшего выяснения отношений. Яков, если ты в течении минуты не кинешь ключи от машины на заднее сиденье, я стреляю.

Яков вновь протянул руку с ключами, которые лежали на его ладони.

- Зачем же кидать... На, возьми. Как хоть тебя зовут?

- Анжела.

- Я не скажу, что мне приятно, но, тем не менее, знакомство состоялось. Возьми ключи с моей ладони. Если я кину их на сиденье, они могут упасть вниз и тебе придется их искать, а это намного опаснее, чем взять с ладони.

Не знаю почему, но я поверила мужчине и решила взять ключи. Как только я положила руку на его ладонь, мужчина моментально ее сомкнул, быстро выхватил у меня пистолет и вывернул мою руку так, что я заорала от боли и чуть было не потеряла сознание.

- Пусти, больно! - что было сил крикнула я.

Он немного ослабил хватку. Тут же подскочила его жена и принялась бить меня.

- Ах ты, шалава! - приговаривала она. - Будешь знать, как с чужими мужиками шашни заводить! Да какое моральное право ты имела притащиться в мой дом! Найди себе свободного и не зарься на чужого! Это мой мужик, понимаешь, мой!!! Я своим добром делиться не умею. Да и с какой стати я должна с тобой делиться? Я у тебя в долг не брала! Дура малолетняя! В твоём возрасте еще и холостого можно найти, твой поезд еще только начинает набирать обороты. Ты еще молодая, чтобы таскаться с женатыми мужиками! Я бы тебя собственными руками задушила! Вот так взяла бы и задушила! Ненавижу, когда у меня из-под носа воруют! Ненавижу!

Когда Зоя ударила меня по голове, Яков слегка оттолкнул свою истеричную жену, но сам продолжал меня удерживать. Зоя снова попыталась меня ударить.

- Послушай, ты же сейчас ее убьешь! - прикрикнул Яков на жену.

Ну и что! Зато ты никогда не будешь с ней гулять! Будешь по ночам дома, будешь заниматься со мной сексом и все будет опять, как раньше. Ведь эта малолетняя дура возомнила о себе черт знает что! Подумала, что сможет разрушить нашу семью! Ты ей совершенно не нужен, Яков. Ее нужны твои деньги! Посмотри на нее, ведь у нее же на лице написано, что ей нужны твои деньги! Я не позволю, чтобы ты тратился на чужих баб!

Увидев, что Зоя вновь принялась наносить мне удары по голове, Яков отпихнул ее, и она отлетела прямо к стене.

- Ты же можешь ее убить! Дура! Я должен узнать, кто эта девушка, каким образом попала в мою машину.

- Дорогой, ты позабыл, что это не только твой дом, но и мой! Я прожила с тобой годы и, поверь,

они были не самыми лучшими в моей жизни. Поэтому давай не будем делить то, что принадлежит нам обоим, на твое и мое. Ты привез в наш дом любовницу и не даешь мне с ней разобраться. Ты ее защищаешь! Ах ты гад! Если бы ты только знал, какой ты гад!!!

Я плохо помню, что произошло дальше. Окончательно потерявшая контроль женщина бросилась вперед. Раздался оглушительный выстрел и... она повалилась на землю.

- Зоя! Зоя! - закричал Яков и опустился на колени. Я потеряла освободившуюся от его клещей руку и сморщилась от еще не отпустившей меня боли.

- Зоя! Зоя! - звал он.

Из Зоиной груди тоненькой струйкой стекала алая кровь... Несколько секунд она еще боролась за жизнь, но это было только несколько секунд. Яков сидел рядом с ней и смотрел на нее испуганным взглядом. Я стояла от нее в нескольких метрах, холодея от ужаса и прекрасно понимая, что ничем помочь нельзя. Едва теплившаяся жизнь угасала прямо на глазах, не оставляя надежд хоть на какое-нибудь чудо.

Зоя лежала на полу в луже крови. Яков схватил мобильный, чтобы вызвать скорую помощь, но тут же отбросил его, поняв, что уже поздно, все потеряно. Лицо Зои мертвецки побледнело, на нем отразилась нечеловеческая мука, которую она испытывала в последний момент. Я где-то слышала, что умирать не больно, оказывается, очень больно. Теперь я знала это точно, потому что прочитала по зонному лицу. Смерть мгновенно превратила ее во что-то высохшее, неприятное, мрачное. Хотя, возможно, эту пьющую женщину довела до такого состояния не только смерть, но и жизнь... Та жизнь, которая заставила ее пить и мучиться. Ей не с кем было поговорить, нечем заняться. Наверное ее собственная жизнь была лишь слабой тенью на фоне жизни сильного и жесткого мужа. Я смотрела на лежащую Зою, напоминающую восковую фигуру и думала о том, что у нее была за жизнь... Хотела ли я когда-нибудь такой жизни? Такой, как у Зои?! Для чего она жила? Вернее, для кого она жила?! Для Якова?! Это неправильно. Это нехорошо. Нехорошо жить для мужчины, потому что мужчина никогда не поймет и не оценит твою жертву, называемую жизнью. Жизнью женщины...

Я вдруг вспомнила, что там, где я жила раньше, по соседству рядом с нами жила семья - муж и молодая жена. Женщина вышла замуж за человека намного старше ее и посвятила ему свою жизнь... До брака у нее было много поклонников, потому что она была очень общительная, живая, эмоциональная. Надев ей обручальное кольцо, муж разогнал всех поклонников. Он знал, что девушка слишком молода, а значит, слишком податлива. Он хотел слепить из нее тот идеал жены, о котором мечтал долгие годы. Муж запретил ей идти работать, а на все уговоры позволить ездить в город и учиться, отвечал решительным отказом. Он говорил, что в институте у нее будут друзья-студенты, что она узнает другую жизнь и обязательно пойдет по рукам. Мол, другой жизни не должно быть. Такой красавицей может обладать только ее законный хозяин - бог и властелин, который слепил ту женщину, которую хотел. Молодая жена безоглядно верила своему мужу и никогда не противоречила. Она родила двух близнецов и полностью посвятила себя дому. Жила жизнью детей, жизнью мужа и никогда не претендовала на личную жизнь. Никогда. Хотя муж и был достаточно обеспечен, он не покупал ей красивых вещей, не говорил комплименты. Она слишком рано постарела и слишком рано превратилась в ничем непримечательную, обыкновенную женщину. Все мечтала пойти работать, но муж говорил, что работа будет отнимать много времени, мешать воспитанию детей, убавится внимание к мужу. Он высмеивал это ее желание, стараясь в ней выработать устойчивый комплекс неполноценности. Мол, ни на работу, ни на учебу у тебя просто не хватит мозгов. Ты обычная домашняя курица, которая не способна ни на что, кроме ведения домашнего хозяйства. Красота женщины пожухла, глаза стали усталыми, несчастными и

грустными. Муж никогда не давал ей ни возможности, ни стимула следить за собой, и со временем ее фигура расползлась. Разговаривать с ней было не о чем, в постели – скучно. Хотя из молодой девушки она превратилась в зрелую женщину, она по-прежнему была неумелой в постели и совершенно холодной. Муж стал гулять, а женщина стала выпивать. Так печально сложилась судьба той, что положила свою собственную жизнь к ногам мужчины, и так печально сложилась жизнь мужчины, который сделал жену «под себя», не дал раскрыться тому, что было в этой редкой по красоте и обаянию девушке. Возможно, эта история была чем-то схожа и с Зоиней. Возможно... Женщина попала в золотую клетку, о которой она мечтала. Клетку закрыли на ключ и тут же ключи потеряли.

...Наверное это очень страшно, закончить свой путь на земле, не оставив никакой памяти о себе. Жила женщина по имени Зоя, которая вышла замуж за богатого человека и просто растворилась в его богатстве, так и не приобретя душевное тепло, о котором мечтала долгое время-Яков посмотрел в мою сторону. Я слегка покраснела и затрясла головой, словно в лихорадке.

- Яков, я здесь не при чем. Честное слово, я здесь не при чем. Я не хотела, чтобы так получилось. Я даже не могла подумать. Господи, я даже не могла подумать...

- Моя жена умерла. Если бы ты не появилась в нашем доме, она бы не умерла. Она бы осталась жива.

- Но я ее не убивала. Ты же прекрасно знаешь, что я ее не убивала. В тот момент, когда раздался выстрел, в моих руках не было пистолета.

- Ты хочешь сказать, что ее убил я?!

- Что-то вроде того... Я понимаю, что ты тоже не специально это сделал, что все это произошло случайно. Я здесь не при чем. Понимаешь, я здесь не при чем...

Наши с Яковом взгляды встретились, и я не знаю, сколько времени мы друг на друга смотрели. Пристально, пронзительно, проникновенно, даже не думая отвести глаза.

- Яков, извини, что так получилось, – наконец заговорила я. – Конечно, я понимаю, что тут просто глупо приносить какие-то извинения. Но мне больше нечего сказать. Я не хотела. Понимаешь, я не хотела... – щебетала я, пятясь к выходу.

Яков поднял пистолет и наставил его на меня. Я как-то глупо улыбнулась, меня затошнило, закружилась голова. Казалось, еще немного, и я, потеряв сознание, упаду на бетонный пол рядом с Зоей. Посмотрев на Якова жалостливым взглядом, я тихонько всхлипнула и еле слышно произнесла:

- Я должна уйти. Я здесь не при чем... Я сожалею... Очень сожалею, но дай мне уйти... Пожалуйста...

- Если ты сядешь за руль моей машины, я убью тебя прямо за рулем, – сказал Яков каким-то глухим голосом.

- Хорошо. Если ты не даешь мне машину, я пойду пешком. В конце концов, в том лесу, где ты живешь, должен же хоть изредка проезжать какой-то транспорт. Тут же соседи наверно живут. Они же не пешком ходят... Еще раз извини, что так получилось. Извини...

Я шла в сторону выхода на ватных ногах и каждый последующий шаг давался мне с огромным

трудом. Я старалась не оборачиваться, потому что оставила позади себя страшную картину, очень даже страшную. Я оставила позади себя горе и смерть... Я шла бесшумно, с трудом переставляя свои длинные, красивые ноги, обтянутые модными джинсами. Я шла и думала, что я ни в чем не виновата... Я просто приехала в Москву из глухой провинции... Я просто хотела в ней жить... Хотела стать известной моделью и покорить весь мир... Я просто хотела...

Я шла к выходу и чувствовала, как меня охватывает страх, он сковывает меня изнутри, плотно держит в своих тисках. Я шла и знала, что позади меня стоит человек с пистолетом, который может выстрелить мне в спину в любую минуту. Просто нажать на курок и просто выстрелить...

- Стой! - послышался сзади голос Якова. - Стой, я сказал! Стой!

Но я не остановилась. Я шла. Медленно, неуверенно, но я шла. Я хотела только одного. Как можно быстрее покинуть пределы этого дома и как можно быстрее перестать быть причастной к тому, что в нем произошло. Я не знала, откуда у меня появлялись силы, чтобы идти, но я шла.

А затем... Затем раздался странный щелчок, мои ноги подкосились. Какая-то странная боль, пронизывающая мою правую ногу. Я упала и уже ничего не слышала. Абсолютная тишина.

Возможно, я потеряла сознание... А может быть, я уже умерла? Но почему-то я увидела тот мрачный дом, который остался в моем поселке, колхозное поле, вдоль которого я любила гулять. Тогда мне казалось, что у меня вырастают крылья, мне хотелось воспарить и далеко улететь. Это было ужасно - знать, что у тебя растут крылья, а ты гуляешь рядом с колхозным полем. Я понимала, что больше так не может продолжаться, потому что я не родилась такой бескрылой, как мои односельчане, у меня есть крылья. В такие моменты меня охватывала невыносимая тоска по будущему, которое еще не наступило. Я хотела прожить счастливую жизнь, полную достатка и ярких впечатлений. Чтобы эта жизнь прошла вдалеке от этого колхозного поля и никогда, ни на минуту не напоминала бы мне о нем. Я вспомнила свою мать, которая всегда ругала меня за то, что я чрезмерно люблю себя и собственную жизнь. Тогда я научилась делать вид, что слушаю все ее упреки, но пропускала их мимо ушей. Когда я часами простаивала у зеркала, мать раздраженно хлопала дверью и уходила на ферму. А я смотрела на свое отражение и размышляла о том, что с такой внешностью, как у меня, могу сводить мужчин с ума, что я могла бы быть кинозвездой или, на худой конец, отличной манекенщицей. Мать, вернувшись с фермы, говорила, что во мне нет ничего особенного, но я знала - она не права и говорит так только потому, что у нее нет крыльев. Я всегда была особенной.

Потом вспомнился отец, грубый, неотесанный, жестокий мужик, любивший выпить и выругаться матом. Временами он искоса поглядывал в мою сторону и злился, что во мне нет ничего деревенского. Выпив стопку, другую, он обзывал меня шлюхой. Злилась ли я на него когда-нибудь? Не знаю. Наверное тяжело злиться на человека, который принадлежит к другому миру, к тому самому миру, в котором ты никогда не хотела бы остаться, в котором для такой, как ты, просто не было места...

Затем я вспомнила себя, такую молодую и уже такую одинокую... Я вспомнила, как я лежала на железной кровати у себя дома, свернувшись калачиком, и мечтала. Я не гасила ночник, потому что очень боялась темноты. Темноты и мужчин... Соседские дети и одноклассники всегда считали меня довольно замкнутой и конечно же были правы. Чем старше я становилась, тем больше замыкалась в себе. Когда пьяный отец в очередной раз набрасывался на меня со своими пьяными претензиями, я тупо смотрела в окно, а потом срывала с вешалки верхнюю одежду и убегала на улицу. Я шла к реке, садилась на берегу, кусала губы, всхлипывала и отчаянно вытирала слезы платком.

А затем... опять пустота. Гнетущая пустота. Наверно действительно умерла, меня больше нет. Какая глупая, нелепая смерть! Приехала в Москву, чтобы стать известной, и... умерла. Я увидела себя со стороны. Бог мой, а ведь никогда раньше я не видела себя со стороны! Увидела, как я лежу на холодном бетонном полу, совсем недалеко от того места, где лежит Зоя, и не двигаюсь. А надо мною летает смерть. Я даже чувствую ее шуршание. Я боюсь на нее посмотреть, и жмурю глаза. Хотя... хотя мне невыносимо хочется на нее посмотреть, чтобы узнать, есть ли у нее крылья, умеет ли она летать...

Глава 7

Открыв глаза, я увидела, что лежу в небольшой комнате без окон. Горел один-единственный ночник. Небольшая, очень узкая кровать, застеленная довольно симпатичным постельным бельем, темно-синие обои с золочеными узорами, дорогая мебель. Все говорило о том, что я лежу не в каком-то подвале, где бегают тараканы и крысы, а в нормальной, со вкусом обставленной комнате, где отсутствует только дневной свет. Это очень странно, когда в комнате нет окон...

Я попробовала сесть, но почувствовала довольно сильную боль в ноге. Превозмогая боль, я все же села и увидела, что моя нога вполне профессионально забинтована. И тут меня охватил ужас. Страшный, леденящий ужас. Я напряглась и попыталась вспомнить все, что произошло за последние сутки. Бог мой, да в меня же стреляли! В меня стреляли, стреляли – завертелось у меня в голове. И я думала, что меня уже нет. А оказывается я жива. Я просто была без сознания.

Неожиданно дверь открылась, и в комнату вошла пожилая женщина в строгом синем платье, в белоснежном фартуке. Она принесла поднос, на котором стоял фарфоровый чайник и чашка.

Поставив поднос на сервировочный столик, она изобразила подобие улыбки.

- Простите, как вы себя чувствуете?

- Я даже не знаю... Я только пришла в себя, – ответила я нерешительным голосом.

- Это значит, что уже лучше.

- Что, лучше?

- Если вы пришли в себя, значит ваш организм справляется с болезнью.

- Вы так считаете?

- Конечно, это видно и по вашему лицу. У вас появился румянец.

- У меня слабость, кружится голова, меня тошнит. – Я почувствовала в женщине родственную душу, принялась ей жаловаться и чуть было не разревелась. – А еще у меня ногу тянет и мне кажется, что она у меня скоро отнимется.

- Не переживайте. Тошнота и головная боль скоро пройдут. Такое самочувствие бывает всегда, после того, как человек некоторое время находился без сознания. А с ногой придется немного потерпеть. Я принесла вам обезболивающие таблетки. Они действуют очень быстро и эффективно. Попробуйте.

- Простите, а что с моей ногой? – спросила я тихим и совершенно чужим голосом.

Женщина растерялась. Видимо она не ожидала такого вопроса и не знала, что ответить.

- В меня стреляли? – помогла я ей с ответом.

- Да. У вас пулевое ранение правой ноги.

- Пулевое ранение?! Это очень серьезно?

- Слава богу, пуля не застряла в ноге. Она прошла насквозь.

- Прошла насквозь? – Я посмотрела на забинтованную ногу и почувствовала как на моем лбу выступил холодный пот.

- Доверьте, это лучше...

- Лучше чего?

- Лучше, чем резать ногу и доставать из нее пулю. Скоро все пройдет. Я вас уверяю. В этом ранении нет ничего страшного. Я вас уверяю, в дальнейшем не будет никаких последствий.

- Вы считаете, что в огнестрельном ранении нет ничего страшного?

- Я считаю, что в том ранении, которое у вас, ничего страшного нет. Кстати, давайте познакомимся. Меня зовут Вера Анисимовна.

- А меня Анжела.

- Вот и замечательно. Анжел очка, вы должны выпить горячего чая и желательно с медом. Я вам его принесла. Вы не представляете, какой у нас вкусный мед. Я уверена, что вы никогда не пробовали меда вкуснее. Только для начала нужно выпить обезболивающее. Вы увидите, вам сразу станет легче. А насчет меда со мной даже не спорьте. Зеленый чай с жасмином и настоящий липовый мед... Это поднимет с кровати любого. У нас такой мед...

Я тупо смотрела на незнакомую женщину, которая как-то чересчур заботливо, по матерински, наливала мне горячий чай.

- Вера Анисимовна? Вы сейчас сказали одну фразу...

- Какую?

- Вы сказали, что у вас вкусный мед.

- Совершенно верно. У нас и в самом деле вкусный мед.

- А у кого это у вас?

Женщина чуть было не уронила чайник.

- У меня и у Якова Владимировича. Нет, я сказала неправильно. Всегда вкусный мед в доме Якова Владимировича.

- А вы ему кем приходитеесь? Вы его мать?

- Нет, что вы, - смутилась женщина. - Я его домработница.

- Значит, я в доме Якова Владимировича... - слабым голосом проговорила я и страдальчески посмотрела на домработницу. Если Яков положил меня в комнате без окон, значит, он боится, что я сбегу, а раз боится, что я сбегу, значит, не хочет меня выпускать в ближайшее время. Значит, он что-то задумал... Что мог задумать мужчина, который не знает, каким образом я оказалась в его машине, который считает меня виноватой в смерти его жены и который в меня стрелял?! Мне стало совсем плохо, и у меня началось сердцебиение. Возможно, Яков хочет сдать меня в милицию, обвинив в гибели своей жены. У него деньги и положение. Ему поверят. А у меня... У меня ничего нет... Ничего, кроме неприятностей и личных амбиций, от которых в ближайшее время не останется даже следа. Кому нужна лимита, кто мне поверит?! Меня посадят в тюрьму, и на этом моя московская эпопея закончится.

От этих мыслей у меня страшно заболела голова и помутнело в глазах. Я взяла чашку чая, услужливо протянутую мне Верой Анисимовной, и нерешительно спросила:

- А я могу попить чай и уехать домой?

- Что? - удивилась женщина.

- Я говорю, я могу попить чай и уехать домой? А еще лучше было бы, если бы я попила его уже дома. У меня тоже есть зеленый чай с жасмином. А насчет меда... Знаете, я его не очень-то и люблю... Но если хотите, можете дать мне баночку.

Я попыталась встать с кровати, и это мне удалось, хотя и с большим трудом.

- Я могу идти?

- Куда? - захлопала глазами перепуганная Вера Анисимовна.

- Домой, - почти взмолилась я. - К себе домой.

- Немедленно сядьте! Якову Владимировичу не понравится, что вы встали!

- Ничего страшного. - Я поставила чашку на стол и попробовала сделать шаг вперед. - Ничего страшного. Я и не хочу угождать Якову Владимировичу и не горю желанием... Я сама по себе...

- Яков Владимирович приказал мне не сводить с вас глаз. Он сказал, чтобы вы пока жили в этой комнате...

- Но ведь здесь нет окон...

- А зачем они вам нужны?

- Вы меня спрашиваете, зачем человеку нужны окна? Тут что, весь дом без окон?

- Нет. Только одна комната. Супруга Якова Владимировича была любительницей ВЕШИТЬ. Якову Владимировичу это не нравилось. Иногда он ее наказывал и закрывал в этой комнате. А окон тут нет потому, что она могла их разбить.

- Получается, здесь что-то вроде тюрьмы...

- Что-то в этом роде.

- Хорошо. Ваш хозяин наказывал жену за пьянство, а меня он за что наказал?! Меня наказывать не за что. Я сама пить не люблю и другим не советую. Я, пожалуй, пойду...

- Нет! - Женщина преградила мне дорогу. Якову Владимировичу это не понравится...

- А мне плевать.

- На что?

- На Якова Владимировича и на то, что ему понравится, а что нет. Мне плевать! - с раздражением заговорила я и вдруг поняла, что избрала неправильную тактику. Мне не стоит пытаться бежать из дома. Судя по боевому настроению домработницы, это невозможно. Я в ловушке. Мне нужно ослабить бдительность врага и, по-моему, я знаю, каким именно образом мне удастся это сделать.

За спиной Веры Анисимовны показался Яков. Он выглядел не самым лучшим образом. Какой-то осунувшийся, усталый, бледный. Я медленно попятилась к кровати и, преодолевая боль, села.

- Здравствуйте, - нерешительно произнесла я.

- Здравствуйте. - Яков недобро взглянул на меня и достал сигарету.

- Вера Анисимовна, а это кто? - обратилась я к домработнице.

- Как кто?! Это Яков Владимирович. А вы что, разве не знаете?

- Нет, - замотала я головой. - В первый раз вижу этого человека.

- Как это в первый раз?!

- В первый раз. Значит, это и есть Яков Владимирович? Теперь буду знать. А я никак не могла понять, о каком Якове Владимировиче вы говорили.

- Вы хотите сказать, что вы его не знаете?!

- Нет. А откуда я могу его знать?! Я вообще не понимаю, каким образом я попала в этот дом.

Домработница удивленно пожала плечами.

- Она вас не знает... Может у нее что-то с памятью? Но ведь она назвала свое имя.

Назвала. Меня зовут Анжела. Больше я ничего не помню. Хотя нет. Я помню, что я жила в деревне или поселке... В общем, в какой-то глухой провинции. Мне было там очень плохо. Даже чересчур плохо. Я долгое время мучилась, а потом решила ухать в Москву. Чтобы стать известной. - Я говорила и чувствовала, как кровь пульсирует у меня в висках. - Наверное это было глупо - ехать в Москву, чтобы стать известной. В Москве полно своих знаменитостей. Они тут на каждом шагу. Но меня пригласил один человек... Правда, я не помню ни его имени, ни того, как он выглядит. Он обещал сделать меня известной. Говорил, что по мне плачет модельный бизнес, что я могу украсить обложку любого модного журнала... Я хорошо помню, что он это сказал. А дальше... Дальше ничего не помню. Нет, помню, как я вышла на перрон, помню, что испугалась многоэтажных зданий, но больше всего на свете я испугалась того, что в этом городе меня никто не ждал.

Я замолчала и осторожно взглянула на курившего Якова. Затем облизнула пересохшие губы и продолжила:

- Я не знаю, каким образом очутилась в этом доме. Думаю, что попала в него случайно. Наверное я доставила вам много хлопот. Кто-то прострелил мне ногу, а я даже не знаю, кто. Я читала и слышала, что Москва – криминальный город, но и подумать не могла, что до такой степени. Скажите, а где вы меня нашли? Где-нибудь на дороге? Я вам очень признательна. Наверное вы очень добрые люди, если с таким пониманием относитесь к чужому горю. Я даже не знаю, как вас отблагодарить... У меня ничего нет. Я бедная девушка из глухой провинции и еще не заработала денег. Получается, что я перед вами в долгу. Вот увидите, как только я заработаю, я сделаю вам какой-нибудь ценный подарок. Обязательно сделаю. У меня не получилось стать известной и остаться в Москве, придется вернуться обратно в поселок. Это ужасно, но у меня нет другого выхода. Не всем же быть известными! Прямо от вас поеду на вокзал, вернусь домой... Я не буду обращаться в милицию, выяснять, кто ранил меня и за что. Все равно милиция никого не найдет, да и не нужно мне этого. Я девушка тихая, мирная... Ничего не вижу. Никого не знаю... Мне бы только до своей деревни добраться, а больше меня ничего не интересует...

Я замолчала и многозначительно посмотрела на Якова.

- Ты все сказала? – наконец нарушил молчание он.

- Все.

- Молодец, а то я уже устал ждать.

Яков перевел взгляд на домработницу.

- Вера Анисимовна, вы свободны. Когда понадобится, я вас позову. У меня будет разговор. Можете идти.

Домработница послушно кивнула головой и прошептала:

- По-моему, у девушки амнезия. Ее тошнит и у нее кружится голова. Наверное она очень сильно ударилась головой, когда упала на бетонный пол. Похоже, у нее сотрясение мозга...

- Я сейчас выясню про ее сотрясение, – недобрым голосом произнес Яков и метнул в сторону домработницы раздраженный взгляд.

Женщина хотела было ретироваться, но я громко ее окликнула и затряслась, как в лихорадке.

- Вера Анисимовна, не уходите, пожалуйста. Не оставляйте меня наедине с этим незнакомым мужчиной. У него глаза недобрые, а я всегда боялась мужчин с недобрыми глазами. Я вообще мужчин боюсь. Я еще с детства боюсь летучих мышей, тараканов и мужчин. У меня по отношению к ним какой-то нездоровый страх. Вы летучих мышей видели? Нет. А я видела. Вот вам крест, они у нас в деревне летают. И знаете, что в них самое страшное? Глаза. У них безумные глаза! У вашего Якова Владимировича глаза тоже безумные... Я же вам говорила, что тараканов боюсь, а у него что-то есть от таракана. Того и гляди куда-нибудь заползет. Я тараканов всегда ногой давлю и этого бы задавила, да у меня нога прострелена. Мне наступать больно. Я вас очень прошу, не оставляйте меня, пожалуйста, один на один с незнакомым мужчиной.

- Да какой он незнакомый. Это же Яков Владимирович, мой хозяин, – испуганно воскликнула

домработница.

- Это для вас он хозяин, для вас он Яков Владимирович, а я его совершенно не знаю. У меня он ассоциируется с летучей мышью или с домашним откормленным тараканом...

- Хватит! —не выдержал Яков и метнул в сторону ничего не понимающей женщины озлобленный взгляд. - Я сказал, хватит! Вы свободны, отправляйтесь к себе! Вон отсюда!

- Простите, Яков Владимирович... Простите... - пробормотала женщина и выскочила из комнаты.

Яков захлопнул дверь ногой и сел.

- Я хотел, чтобы ты заткнулась. - Его голос был полон злобы и не предвещал ничего хорошего.

- Я заткнулась, - кивнула я.

- Для того, чтобы ты заткнулась, мне пришлось накричать на женщину, которая служит мне верой и правдой и много лет работает в моем доме. Я никогда не кричал на нее.

- Я сожалею...

- Сожалеть будешь в другом месте.

- Я правда сожалею.

Послушай, ты, ненормальная, ты давай, заканчивай ломать комедию по поводу того, что ничего не помнишь. Я твоим спектаклем сыт. Нечего меня за лоха держать...

- Я и в самом деле ничего больше не помню.

- Не понимаю, зачем тебе нужно это вранье! Ты хочешь сказать, что не помнишь, кто прострелил тебе ногу?

- Нет. Я честное слово не помню. Наверное это был несчастный случай А в общем, это не имеет значения. Объясни лучше, как я сюда попала. У меня очень сильно болит и кружится голова. Я плохо соображаю.

- Хватит! - Яков вскочил и отвесил мне довольно крепкую, пощечину.

Я вскрикнула.

- Хватит! Запомни, девочка, я не из тех, перед кем можно ломать комедию. Я не из тех! Я вообще не понимаю откуда ты взялась и что тебе от меня надо. Именно это я и хочу выяснить.

Я всхлипнула, словно маленькая девочка, и, не выдержав, тихонько заплакала.

- Я хочу домой... Я хочу уехать к себе домой...

- Куда?

В свою деревню... Я помню свой адрес. Яков, отправь меня, пожалуйста, домой. Ну, пожалуйста! Я больше не хочу жить в Москве, потому что не люблю ее! Я ненавижу Москву! Она очень жестокая, она для жестоких людей. А я не такая, я добрая. Я деревенская. У нас в

деревне все добрые, потому что у нас там делить нечего. Я согласна надеть кирзовые сапоги, телогрейку и работать на поле. Я и корову могу подоить при необходимости... Отправь меня домой. Я больше никогда в жизни не вернусь в Москву. Я тебе обещаю.

У меня началась самая настоящая истерика. Я стала бить кулаками в глухую жесткую стенку.

- Я больше тут не могу! Я хочу домой! Я устала бояться!

Меня насторожила тишина. Я посмотрела на Якова и увидела, что он набирает в шприц какое-то лекарство.

- Что это? Зачем? - с ужасом прошептала я.

- Я хочу дать тебе снотворное.

- Зачем? Я не хочу снотворное. Я хочу в свою деревню.

- Вот во сне и побываешь в своей деревне. Походишь в кирзовых сапогах, поработаешь на картофельном поле, подоишь корову, потреплешься с односельчанами о прошлогоднем урожае...

- Не надо снотворное! - Я с ужасом смотрела на шприц в руках Якова и думала - сейчас он сделает мне укол, я закрою глаза и усну навеки. Возможно, в шприце не снотворное, а яд, и этот человек хочет меня убить. Просто уколоть и убить...

- Не надо, - взмолилась я. - Не надо. Я знаю, что могу не проснуться. Я знаю...

Но Яков был непреклонен. Он набрал лекарство в шприц и подошел ко мне совсем близко. Я хотела было подняться, но почувствовала острую боль в ноге.

- Ложись на живот или на бок.

- Нет!

- Ложись, я сказал...

- Нет! - Я затрясла головой. - Нет! Ты хочешь меня убить! Я знаю, что ты хочешь меня убить! Я не проснусь! Я больше никогда не проснусь!

- Не говори ерунды, - спокойно сказал Яков. - Мне незачем тебя убивать. Ты нужна мне живая.

- Нужна?

На лице Якова появилась злобная гримаса.

- Ты единственный свидетель и должна выступить на суде.

- Я - свидетель? Чего?

- Свидетель того, как погибла моя жена.

- Твоя жена?! Но я ничего не видела.

- Не знаю, может ты держишь меня за дурака и ломаешь комедию. Наверно ты выбрала

именно такую тактику. Но ты нужна мне в суде. Я не могу убить единственного свидетеля, запомни это.

- Но ведь я ничего не видела.

- Моя жена была большой любительницей по части выпить. Борьба с ней не имело смысла. В последнее время на почве пьянства у нее начиналась белая горячка, и тогда она сама не ведала, что творила. Недавно напилась до такой степени, что, когда я приехал домой, она стала кричать, что я совершенно не уделяю ей внимания, что ей скучно жить, достала пистолет и пыталась учинить суицид.

- Что учинить?

Суицид. Покончить с собой. У нее психика была нарушена. Она уже состояла на учете у психиатра, у нее был свой психоаналитик. Ты что, не знаешь, что у всех пьющих нарушена психика?!

- У нас в деревне все мужики пьющие...

- Значит твоя деревня с ярко выраженными психическими отклонениями. Значит у тебя одни психи живут.

- Психи?!

- Так вот, моя жена устала от роскоши. Ей стала сниться деревня, из которой она приехала.

- Ты женился на деревенской?

- Наверно, это была моя ошибка. Я женился на деревенской. Как говорится, из грязи - в князи. Когда чересчур нажиралась, тоже мне орала, что корову доить умеет. Что ей все надоело, что лучше уж надеть резиновые сапоги, повязать косынку и уйти на кукурузное поле.

- Куда уйти?

- На кукурузное поле. А что тебя так удивляет?

- У нас нет кукурузного поля. Только картофельное...

- А у нее было кукурузное. Получается, у каждой деревни - свое поле. Ты картошку собирала, а она кукурузу. Суть не в этом. Суть в том, что она как была пьющая деревенская баба, так ею и осталась. Я не смог сделать из нее человека. Нельзя бабу из дерьма вытаскивать. Придет время и ее в это дерьмо опять тянуть будет. Говорят, это корнями называется. Короче, у моей жены чердак снесло, и она сама себя застрелила. Пистолет, наверно, тайком от меня купила.

- Но я ничего не видела, - уже в который раз повторила я.

- А на суде ты будешь говорить, что все видела! Скажешь, что ты подруга моей жены, приехала к ней в гости из деревни. Подтвердишь, что Зоя страшно пила... Если ты на суде что-то сделаешь не так или скажешь, что у тебя с ногой, я убью тебя прямо в зале суда. Мне уже терять нечего...

Неожиданно Яков взял меня за подбородок и притянул к себе. Я с ужасом посмотрела на шприц, который он держал в другой руке, и заплакала.

- А теперь говори правду! Как ты очутилась в моей машине? Кто тебя подослал? На кого ты работаешь?!
- Ни на кого я не работаю... - жалобно простонала я. - Я приехала из деревни...
- Пристрелю! Быстро отвечай! Как ты очутилась в моей машине?!
- Не знаю... Честное слово. Я ничего не помню. Покажи меня врачу. Вера Анисимовна сказала правильно. Наверное я очень сильно ударилась головой, когда падала. Меня мутит. Я думаю, что у меня сотрясение мозга.
- При сотрясении мозга память не теряют.
- Но я не знаю, что со мной случилось. Мне кажется, что я пережила что-то страшное...
- И что же такое страшное ты пережила? - Хитрые глаза Якова сузились.
- Не помню. Думаю, что я пережила какой-то шок, нервное потрясение.
- Ну вот, сейчас поспишь и все вспомнишь!
- Я хочу домой...
- Нет, милая, насчет дома тебе пока придется забыть. В этом году соберут картофельный урожай без тебя. Ты будешь ждать суда. Мне нужно списать смерть жены.
- А где я буду ждать суда?
- В этой комнате.
- В этой комнате?! - Я чуть было не потеряла сознание.
- А что тебе не нравится?
- Но ведь здесь нет окон!
- Зачем они тебе?
- Станный вопрос. Странно спрашивать, зачем человеку окна, из которых идет дневной свет. Господи, как же здесь страшно! Похоже на тюрьму.
- Милая, да ты просто никогда не сидела в тюрьме! Если хочешь, могу устроить. Это не сложно. Пара пустяков. Нет ничего легче, чем посадить человека в тюрьму, а особенно в такой стране, как наша, где у человека нет вообще никаких прав. Хочешь, я тебя обвиню в смерти моей жены? Хочешь, скажу, что ты ее застрелила?
- Что?!
- Что слышала. Тогда не рыпайся и делай все, что я тебе говорю. Ложись на живот или на бок.

Шприц, который держал Яков, был уже совсем близко, но я не двигалась и в упор смотрела на мужчину, с которым так не кстати свела меня судьба. Яков не стал больше ждать и воткнул мне шприц прямо в здоровую ногу. Я вскрикнула, но уже в следующее мгновение мне вдруг стало спокойно, все безразлично - хорошо. Яков аккуратно положил меня на кровать и

прикрыл одеялом.

- Уйти она собралась... - ворчал Яков и мне казалось, что говорит он откуда-то издалека, хоть был совсем рядом. - Твоя одежда была в крови. Вера Анисимовна сожгла ее в камине. На тебе одни трусы и бинты. И куда ты собралась в таком виде?!

Я улыбнулась и пыталась поднять голову, чтобы посмотреть, во что я одета, но у меня ничего не получилось. Я вдруг подумала, что я почти голая перед незнакомым мужчиной и что этому мужчине совсем не нужна моя нагота. А еще я подумала о джинсовом костюме, который сожгла Вера Анисимовна, о том, что этот костюм я должна вернуть Галине, ведь я обещала. Увижу ли я теперь Галину? Если и увижу, то когда?

Моя голова тяжелела с каждой минутой, глаза слипались. Тело становилось легким, почти невесомым, но самое странное - мне захотелось любви. Постыдной, неприличной любви. Прямо как тогда, ночью, на капоте Сашиного «Мерседеса»... Ночь, лес и два совокупающихся тела...

- Яков... Яков... - позвала я и почувствовала, как пересохли мои губы. Еще немного, и я уже не смогу издать ни единого звука. - Яков, останься со мной... Если бы ты знал, как я хочу тебя...

Яков устало улыбнулся и вышел из комнаты, громко хлопнув при этом дверью.

- Дурак, - с трудом простонала я. - Какой же дурак! Его женщина хочет, а он ушел. Вот и пойдди, пойми этих мужиков...

Мне снился Александр, то, как он лихорадочно меня раздевал. Как закрыл мой рот поцелуем. Его руки нежно касались моего тела, двигаясь все ниже и ниже... Они касались каждого моего изгиба, и я чувствовала сладкое возбуждение, оно разливалось по всему телу... Мы двигались с ним в одном ритме пока не произошел мощный одновременный взрыв, который бросил нас в пучину мощного экстаза. Я полулежала на капоте «Мерседеса». Сашка тяжело дышал и все еще сжимал меня в своих объятиях. Он не желал отпускать меня и мысленно молил о том, чтобы это блаженство длилась вечно. А я... Я чувствовала не испытанную ранее невесомость и никак не могла поверить, что тело другого человека способно приносить такую неопишуемую радость. Затем мы опять занялись любовью и на этот раз мне было еще лучше. Я занималась любовью и думала о том, что мы совершенно чужие и очень разные. Этот мужчина не принадлежит мне, а я не принадлежу ему. Наверное вообще крайне редко бывает, чтобы мужчина принадлежит только одной женщине, а женщина принадлежит только одному мужчине. Я для него просто очередная победа на любовном фронте, впрочем, как и он для меня... Возможно, мы никогда больше не увидимся, останутся только воспоминания. Господи, и кто только придумал эти воспоминания, кто их только придумал! Воспоминания от слова помнить, а помнить можно, как хорошее, так и плохое... Но это будут очень хорошие воспоминания, потому что мне было очень хорошо.

Глава 8

Прошел ровно месяц.

Целый месяц я ни разу не выходила из комнаты, в которой не было окон, и ни разу не видела Якова. Я общалась только с вежливой и заботливой Верой Анисимовной, которая делала мне перевязки и подкармливала всякими печеными вкусностями. Мы подолгу беседовали о моей прошлой жизни, но как только доходили до того момента, как я приехала покорять Москву, беседа прекращалась. Я упорно повторяла, что ничего не помню. Со временем домработница

безоговорочно поверила в мою амнезию. Она рассказала, что Яков Владимирович похоронил жену, что ему тяжело, он очень страдает.

Сказать, что мне было в этой комнате плохо, значит ничего не сказать. Меня кормили, за мной ухаживали, мне давали свежие газеты и самые модные женские журналы, но... в этой комнате не было окон.

Временам на меня нападала хандра, я плакала, опускались руки. Вера Анисимовна уговаривала меня не расстраиваться, дождаться суда, уверяла, что после суда меня сразу отпустят на волю.

Время шло медленно. Каждый день тянулся долго, долго. Меня по-прежнему держали в комнате без окон в ожидании какого-то непонятого суда...

Порой мне казалось, что я нахожусь в этой комнате уже год, что никакого суда и вовсе не будет, что впереди нет никакого просвета. В один из таких унылых, ничем непримечательных дней в комнату вошла домработница с какой-то одеждой в руках и с тревогой посмотрела на меня.

- Анжелочка, ну как ваше самочувствие? Вы что-нибудь хотите?

- Хочу.

- Что?

- Я хочу умереть...

- Не говорите глупостей, - испуганно произнесла женщина. - Вы такая молодая, такая красивая. У вас вся жизнь впереди. Я серьезно спрашиваю. Вы что-нибудь хотите?

- А я серьезно вам отвечаю. Я хочу уснуть и никогда не проснуться... Я хочу, чтобы Яков меня убил, но только не держал в этой комнате без окон. Я хочу, чтобы эта страшная полоса жизни закончилась, а еще... еще я хочу домой. Я хочу к маме. Вера Анисимовна, а Яков часто закрывал здесь свою жену?

- Иногда. - Видимо, эта тема была женщине неприятна, и она опустила глаза.

- Зачем?

- Она очень сильно пила...

- И что, разве за это можно такое творить с женщиной?!

- Она, когда пила, могла наделать глупостей.

- А Яков женился до того, как у него появился этот дом?

- Он женился намного раньше.

- А строил этот дом сам?

- Что вы... Яков Владимирович никогда сам ничего не строит. Он принадлежит к тем людям, которые финансируют. Он не умеет класть кирпичи, но умеет делать деньги. Мне кажется, это намного ценнее, чем уметь класть кирпичи.

- Я просто неправильно выразилась. Я спрашивала о том, покупал ли Яков готовый дом или оплачивал стройку.

- Он оплачивал стройку.

- Понятно. Тогда получается, что эту комнату строили для его жены. Господи, кто б только знал, как я хочу умереть... Вера Анисимовна, я больше так не могу!

- Анжела, возьмите себя в руки. Яков Владимирович хочет вас видеть.

Я подняла голову и пристально посмотрела на женщину.

- Что вы сказали?

- Вас ждет Яков Владимирович.

- Он сейчас сюда придет?

- Нет, он ждет вас в гостиной.

- Вы хотите сказать, что я смогу выйти из этой комнаты?

- Конечно. Вы должны подняться наверх. На стуле белье и одежда.

Не веря своим ушам, я встала с кровати и принялась одеваться. Дорогое женское белье, как ни странно, было мне впору и говорило о том, что у того, кто его выбирал, был изысканный вкус.

- А где вы взяли белье?

- Яков Владимирович вчера за ним специально в «Дикую орхидею» ездил.

- Сам?

- Своей покойной жене он всегда покупал белье сам.

Услышав «покойная жена», я съежилась.

Поверх восхитительного нижнего белья я надела не менее восхитительное платье и посмотрела на себя в зеркало. Что ж, неплохо. Даже очень неплохо. Только эта непонятная бледность... и черные широкие круги под глазами... Раньше у меня их не было.

- Вера Анисимовна, как я выгляжу?

- Как настоящая леди.

- Так уж и леди?

- На деревенскую девушку вы совсем не похожи. Такую красоту невозможно представить в кирзовых сапогах на картофельном поле. Вы королева.

- Я тоже об этом всегда думала. Несправедливо родиться королевой в провинции. Господи, как же это несправедливо!

- Я думаю, совсем не страшно родиться королевой в провинции. Страшно в ней остаться на всю жизнь.

Я безнадежно развела руками.

- Оттого, что я чувствую себя королевой, мне ничуть не легче. Кому я нужна в этой столице? Ну кому?! Тут своих королев полно.

- Вы не правы Анжелочка. Вы в корне не правы. - Домработница прищурила глаза, я впервые заметила в них хитрость.

- В чем я не права?

- На самом деле королев очень мало. В наше время развелось слишком много ушлого бабья... По-другому таких женщин просто не назовешь. Вы другая. Я, как вас увидела, сразу поняла, что вы особенная. Вы не баба и никогда ею не будете. Вы королева и вам нужен трон.

- Трон?!

- Трон.

- Вы шутите? - нервно улыбнулась я. - И где же мне его взять?

- Подумайте хорошенько...

Я поправила упавшую на глаза челку.

- Вы что-то не договариваете. Я не понимаю, к чему вы клоните...

Вера Анисимовна смотрела на меня в упор. На ее лице не дрогнул ни один мускул, она была совершенно спокойна.

- Яков Владимирович вдовец, - ровным голосом заговорила она. - Он похоронил жену. Теперь он свободный мужчина. Вернее, пока свободный. Такие бывают свободными недолго. Они очень быстро женятся.

- Почему?

- Потому что у них много денег.

- Потому что у них много денег?! - Я замерла и смотрела на Веру Анисимовну ничего не понимающим взглядом.

- У вас есть шанс сесть на его трон. У вас есть хороший шанс...

- Вы так считаете?

- Я это знаю. Сейчас он в таком состоянии, когда его нужно утешить. У него умерла жена, он очень скорбит по этому поводу. Мужчина не часто нуждается в утешении. Вы попали в нужное время в нужное место. Мне кажется, что сейчас обстоятельства сложились как нельзя лучше.

- Но эта комната... - Я почувствовала, что мне не хватает воздуха. - Эта комната без окон...

- Любая девушка с улицы мечтала бы очутиться в этом особняке стоимостью больше миллиона долларов в плену у такого роскошного мужчины, как Яков Владимирович.

- Но эта комната...

- Если вам удастся стать его женой, никогда не пейте. Не будете пить, никогда не очутитесь в этой комнате.

- Вера Анисимовна, а вам-то зачем это надо? - испуганно спросила я.

- Мне?..

- Вам.

- Мне далеко не безразлично, какая хозяйка ступит на порог этого дома. Мне здесь жить и работать до самой смерти. Покойная хозяйка Зоя попила у меня слишком много крови, мне с ней было достаточно тяжело. Я думаю, что с вами мы могли бы прекрасно поладить.

- Вас интересует, какая в доме будет хозяйка?

Вот именно. Какая будет хозяйка, такая и атмосфера будет в доме. Пойдемте, Анжелочка, нам пора. Яков Владимирович не любит ждать.

Я вновь посмотрела на свое отражение в зеркале и тихо спросила:

- Сколько времени я здесь?

- Почти два месяца...

- Бог мой, это же так много!

- Вам это кажется. Время летит очень быстро.

- Я постарела за эти почти два месяца?

- Не говорите глупостей. Вы хорошо выглядите.

- Но я очень бледная.

- Это оттого, что давно не были на свежем воздухе. Но ничего, это поправимо. Осталось совсем немного.

Мы прошли в довольно роскошную гостиную посреди которой лежала огромная тигровая шкура. У самого дальнего окна сидел Яков и курил трубку. Я не могла оторвать глаз от тигровой шкуры - неужели тигры бывают такими большими, прямо настоящие акселераты!

- Яков Владимирович, уверяю вас, девушка не обманывает, - донесся до меня шепот домработницы. - Видимо, она и в самом деле пережила шок да еще при падении ударилась головой о бетонный пол. Удар был очень сильный. Довольно серьезное сотрясение головного мозга. Я консультировалась с одним опытным врачом, он говорит, что такое возможно.

- Вы уверены?

- Да. Я очень много с ней беседовала. Уверяю вас, она ничего не помнит.

- Вы так заступаетесь за эту девушку...

- Она мне очень симпатична. Я нахожу ее очень милой и очень чистой. Даже не верится, что в наших деревнях есть такие уникальные создания. Настоящие самородки.

- Вы уверены, что она из деревни?
 - Да. Она мне очень много про нее рассказывала. Мать, работающая на ферме от зари до зари. Отец, пьющий самогонку с утра до ночи. Ее родители и сами не поняли, что сотворили чудо. Она исключительная натура. Я вас уверяю.
 - : Такие комплименты вы никогда не говорили раньше, даже моей покойной жене.
 - Вы же знаете, я тоже любила Зою. До того, как начала пить, она была неплохой девушкой. Это потом она стала истеричкой, устраивающей вам чудовищные скандалы. Но все же с самого начала вашего знакомства с Зоей в ней не было самого главного.
 - Чего в ней не было?
 - В ней никогда не чувствовалась королевская кровь. Она была крестьянкой, а таким не прижиться во дворце.
 - А в этой, значит, чувствуется королевская кровь?
 - В этой - да...
 - Я не пойму, вы меня сватаете, что ли?! - В голосе Якова прозвучала угроза.
 - Да нет, что вы. Я просто сказала вам свое мнение.
 - Оно меня не интересует. Вы свободны.
- Вера Анисимовна кивнула и быстро удалилась.
- Как только мы остались с Яковом один на один, я прекратила рассматривать тигровую шкуру и подняла голову.
- Как ты себя чувствуешь? - поинтересовался он.
 - Спасибо. Ничего, - холодно ответила я.
 - Что-нибудь беспокоит?
 - Почти ничего. Только...
 - Что, только? - Яков сдвинул брови и внимательно посмотрел на меня.
 - Отсутствие памяти...
 - Ты что, и в правду ничего не помнишь?
 - Да. Я не помню, как я с тобой познакомилась. Как очутилась в этом доме. Вообще ничего не помню.
 - Если ты и в самом деле ничего не помнишь, тебя необходимо показать специалистам.
 - Меня не нужно показывать специалистам. Меня нужно просто выпустить из этого дома. Я больше не могу сидеть в этой комнате. Мне кажется, что еще немного, и я не только потеряю память. Еще немного, и я просто сойду с ума.

Я подошла к окну, в которое лился дневной свет, и почувствовала как у меня потекли слезы.

- Мне даже больно смотреть на дневной свет, - грустно сказала я и отвернулась от окна.

Видимо, на Якова это очень сильно подействовало. Он встал, достал носовой платок и любезно протянул его мне.

- На, вытри.

- Спасибо.

Я взяла платок и вытерла слезы. Яков подошел ко мне и как-то по-отечески заботливо прижал меня к себе.

- Ну, все. Успокойся. Самое страшное уже позади.

- Мне все равно страшно. - В тот момент я не разыгрывала из себя перепуганную девушку. Мой голос дрожал по-настоящему.

- Чего ты боишься?

- Не знаю...

Яков прижал меня еще сильнее, желая показать, что защитит меня, что пока он со мной, мне ничто не угрожает. Это странно, когда мужчина крепко прижимает тебя к себе, а ты совсем не чувствуешь его тепла... Наоборот, мое тело рядом с ним заледенело, а мозг лихорадочно заработал. Я осторожно высвободилась.

- Яков, я больше так не могу... Я должна знать правду. Скажи, пожалуйста, кто ты? Как я попала в твой дом? Кто в меня стрелял и почему ты меня здесь держишь?

Яков залился краской и принялся переминаться с ноги на ногу.

- Ты в самом деле ничего не помнишь?

- Не знаю, что я должна сделать, чтобы ты мне поверил. Я говорю тебе в тысячный раз, что ничего не помню.

- Хорошо. Сейчас все объясню, только давай для начала что-нибудь выпьем. Как ты на счет шашлычка и красного вина?

- Насчет этого я всегда смотрю положительно.

Яков взял меня за руку и повел к выходу.

- Куда мы идем?

- В охотничий домик.

- Зачем?

- Делать шашлык и пить вино.

Как только мы вышли на улицу, я вновь ощутила боль в глазах, они заслезились. Пришлось

воспользовалась платком, который дал мне Яков. Охотничий домик, стоящий неподалеку от роскошного особняка, показался мне самым настоящим раем. Старинный стол с массивными позолоченными подсвечниками, старинные дубовые стулья, шашлычница и целая коллекция дорогих вин... Яков налил нам по бокалу вина и занялся приготовлением шашлыка. Я наслаждалась вином и думала о том, насколько все-таки странный этот город, Москва. Для кого-то он город мечты, город неограниченных возможностей, город, в котором можно сделать блестящую карьеру, а для меня он стал самым настоящим адом. Этот город доказал мне, что не каждый человек может стать звездой. Я уже не была уверена в том, что мне когда-нибудь удастся оказаться на подиуме, улыбаться с обложки модных журналов своей, как мне всегда казалось, восхитительной улыбкой, удастся достичь славы.

Я смотрела на мужчину, который так искусно управлялся с шашлыком, и думала о том, что в словах Веры Анисимовны есть толк. У этого мужчины много денег... А если у мужчины много денег, значит, он может подарить мне обеспеченную жизнь. Этот мужчина может не только вытащить меня из нищеты, в которой я жила долги годы, и подарить мне обеспеченную жизнь, он может купить мне место на подиуме и заплатить модному журналу, чтобы на его обложке появилось мое лицо. Ведь почти все нынешние звезды стали таковыми благодаря своим мужьям или богатым влиятельным любовникам. Своим успехом они всецело обязаны «спонсорам». Конечно, и мужья, и любовники со временем начинают желать о том, что сделали из своей близкой женщины звезду. Звезды или бросают этих мужчин, или держат в постоянном страхе, что обязательно бросят.

Яков может стать для меня очередной ступенькой в достижении цели. Если я хорошенько постараюсь... А я постараюсь. Я должна постараться. Должна стать для него загадкой или даже тайной, которую он захотел бы постичь. Чем глубже мужчина проникает в эту тайну, тем труднее и труднее она ему дается. Кто-то сравнил женщину с китайской шкатулкой: открываешь одну, а внутри обязательно оказывается другая, открываешь ее, а там следующая... И так до бесконечности. Как же он был прав!

Я не сводила с Якова глаз и сама не заметила, как опустел мой бокал. Яков, словно следил за каждым моим движением, тут же наполнил его до самых краев. Улыбнувшись, я сделала очередной глоток и посмотрела на Якова задумчивым взглядом. Видимо, вино ударило ему в голову, он раскраснелся.

- Анжела, что-то не так? - спросил он. - Ты так на меня смотришь...

- На тебя приятно смотреть. Ты очень красивый мужчина.

Яков покраснел еще больше. Я по-прежнему не сводила с него заинтересованного взгляда. Судьба свела меня с этим мужчиной в ночном лесу, где он похоронил своего друга. Значит, этот Яков не так прост. Наверняка он занимается чем-то противозаконным. Но у него есть деньги, а это довольно веский аргумент в его пользу. Можно закрыть глаза на то, чем он занимается. Я слышала, что сейчас большие деньги зарабатываются только противозаконным путем. В такое время мы живем...

Если бы я смогла заинтересовать Якова, я бы подтолкнула его к тому, чтобы он сделал меня звездой... В который раз я пожалела, что родилась на этот свет со странным изъяном. Я прожила годы, но так и не обрела способности проявлять свои чувства... Если они когда-то и появлялись, то угасали так же быстро, как возникали. Но чаще всего их просто не было. Признаться, я даже не знала, хорошо это или плохо. Скорее всего, плохо, потому, что женщина должна кого-то любить, в ней это заложено природой и совсем не обязательно, чтобы ей отвечали взаимностью, потому что любовь тем и ценна, что она никогда не дается легко, а

познается в страданиях. Если мы страдаем, значит мы любим, а если мы любим, значит страдаем. А может быть это и хорошо... Может быть бесчувственной намного легче. Одно я знаю твердо – ни один мужчина не сможет мною владеть, я принадлежу только себе. Мужчина будет владеть моим телом, но никогда не овладеет моей душой...

Яков поставил на стол блюдо с умопомрачительным шашлыком и сел рядом со мной. Он явно нервничал.

- Вера Анисимовна Наверное поведала тебе о том, что моя жена слишком много пила, – заговорил он. Голос его звучал совсем глухо.

- Я знаю. Я ведь почти два месяца прожила в ее комнате-тюрьме.

- Пойми, у меня не было другого выхода. Когда Зоя напивалась, она сама не ведала, что творила. Ее психика была не в порядке. Прогрессировал не только ее алкоголизм, прогрессировали ее психические отклонения. Когда я закрывал ее в комнате, она прекращала буянить и засыпала. Так вот, я это говорю к тому, что время, прошедшее со дня ее смерти, самое страшное в моей жизни.

- Почему?

- Я похоронил жену, справил девять и сорок дней... И все это время я нахожусь под следствием.

- Ты? Под следствием?! – Я чуть было не выронила бокал. – Почему?

- Потому, что у меня много денег.

Я удивленно пожала плечами.

- А мне всегда казалось, что если у человека есть деньги, то у него вообще нет никаких проблем.

Яков покачал головой.

- Чем больше денег, тем больше проблем, – вздохнул он.

- А мне казалось, что за деньги все можно купить, и суд тоже.

- И я это делаю. Но есть люди, которым я мешаю. Они завидуют мне и готовы платить большие деньги за то, чтобы засадить меня за решетку любым способом.

- Тебя могут посадить? – Дрожащими руками я поставила бокал на стол.

- Меня не посадят. Меня никогда не посадят. Просто лишняя нервотрепка. Кое-кому хочется пощекотать мои нервы. Что ж, я к этому готов: Завтра суд. Вернее, фиктивный суд. Решение уже есть: «Я не виновен».

- А в чем тебя обвиняют?

- Меня не в чем обвинять. Этот суд – дело рук одного из моих врагов. Дело построено так, что я якобы убил свою жену.

Открыв рот, я не могла произнести ни единого слова. Яков не обратил внимания на мою

реакцию и принялся медленно потягивать вино. Как только состояние ступора, в которое я впала, прошло, я слегка наклонилась к Якову и осторожно спросила:

- Но ты же не убивал?

- Понятное дело, нет. Хотя Зоя очень сильно пила и доставляла мне много хлопот, я очень ее любил и никогда бы не сделал ей плохо. Жаль, что ты ничего не помнишь, ведь только ты могла бы объяснить, что произошло.

- Я?!

Ты. В тот вечер я вернулся поздно. Сидел в офисе до глубокой ночи, нужно было подготовить новые документы, от которых многое зависело. У моей жены не было подруг, и к нам редко кто приезжал. Зоя всегда вела уединенный образ жизни, единственным ее другом было спиртное, я тоже не большой любитель принимать гостей. Ну, звоню домой предупредить, что задержусь, чтобы она не ждала меня к ужину, ужинала одна и легла спать. Так вот, я звоню, а жена мне говорит, что у нее гостья. Мол, к ней приехала подруга. Я спрашиваю, что за подруга, потому что знаю - у нее их нет. Она сказала, что вы недавно познакомились. Правда, не сказала, где именно. Она дала тебе адрес, пригласила в гости, и ты к ней приехала.

- Я приехала? - Я нервно захлопала глазами и тяжело задышала.

- Ты. - Яков прищурился, в его взгляде появилось что-то зловещее. - Но ты говоришь, что ничего не помнишь...

- Я действительно ничего не помню. - Я попыталась взять себя в руки. - Я и в самом деле ничего не помню.

- Именно поэтому я пытаюсь тебе объяснить, каким именно образом ты попала в этот дом.

- Получается, что я была подругой твоей жены?

- Насчет дружбы не знаю, но вы где-то познакомились, и ты приехала к ней.

- А где мы могли познакомиться?

Яков пожал плечами.

- Я хотел узнать у тебя, но ты, как на зло, ничего не помнишь. В общем, ты приехала к нам в дом... Вера Анисимовна говорит, что вы много пили и горланили песни. Затем включили музыку и стали танцевать. Музыка орала громко, а вы пытались ее перекричать.

Домработница испугалась и заглянула к вам в комнату. Она сказала, что вы обе еле стояли на ногах, пили текилу прямо из горла и орал матерные песни. Вера Анисимовна сделала вам замечание, сказала, что в любую минуту может приехать Яков Владимирович и то, что он увидит в этой комнате, ему может очень даже не понравиться. Зоя послала домработницу к чертовой матери. Спустя какое-то время стало тихо. И раздался выстрел. Вера Анисимовна не сразу поняла, что это выстрел, решила посмотреть, что происходит. Она увидела страшную картину. Ты лежала без сознания. У тебя была прострелена правая нога. Зоя держала пистолет дулом к себе, тупо смотрела на курок, затем перевела свой пьяный взгляд на испуганную домработницу и выстрелила себе в грудь. Получается, что сначала она стрельнула тебе в ногу, а затем застрелила себя...

Несмотря на полную растерянность, я все же сообразила, что выдумка Якова не так уж плоха. Было бы намного хуже, если бы он сделал виновной меня, сказал, что это я сначала убила Зою, а затем выстрелила себе в ногу.

- И Вера Анисимова все это видела? - осторожно поинтересовалась я.

- И видела, и слышала. Теперь ты понимаешь, каким образом ты очутилась в нашем доме?

- Понимаю. - Я опустила глаза и пробурчала: - Только я никогда в жизни не пила мексиканскую водку. Я крепкие напитки вообще пить не могу.

- Поверь мне, в тот вечер ты глушила текилу, как настоящий алкоголик.

Наши взгляды встретились. Он смотрел на меня в упор, словно пытался понять, что я чувствую после этого рассказа.

- В этом деле много неясных вещей. Например, где Зоя взяла пистолет. Он не зарегистрирован. Почему прострелила тебе ногу? Почему убила себя? Слишком много неясного, а у тебя, как назло, потеряна память.

- Но ведь Вера Анисимовна тоже свидетель.

- Конечно. Она завтра выступит на суде.

- А что, завтра суд?

- Я уже тебе сказал, что это формальность. Завтра с меня снимут все обвинения.

- Тебя обвинили в смерти жены?

- Да ведь я уже говорил, один человек использовал мою трагедию против меня самого. Сейчас я выпущен под подписку. Меня подставили... Завтра ты поедешь со мной и выступишь в суде. Скажешь, что помнишь все подробности. Придумай какую-нибудь сказку о том, где и при каких обстоятельствах ты познакомилась с моей покойной женой.

- Придумать сказку?

- Ну да. Ты же не можешь вспомнить, как вы познакомились на самом деле.

Воцарилось молчание. Яков нарушил его первым.

- О чем ты думаешь?

- О том, что завтра суд. После суда я смогу покинуть этот дом?

Яков чуть было не подавился, но все же утвердительно кивнул.

- Конечно. Ты же сама понимаешь, я больше не могу держать тебя взаперти. А куда ты пойдешь?

- Не знаю. Я еще об этом не думала.

- Но ведь ты ничего не помнишь. Ты даже не помнишь, где остановилась в Москве.

- Может быть вернусь в свою деревню.

Блюдо с шашлыком опустело, бутылка вина была пустой. Яков потянулся ко мне и взял меня за руку.

- Тепло, а у тебя рука холодная.

- Наверное это от твоего рассказа. Все, что я услышала, меня просто потрясло.

- Ты не представляешь, как сильно это потрясло меня. Я знал, что у моей жены нарушена психика, но не думал, что до такой степени. Дай вторую руку. Она тоже холодная?

- Холодная.

- Хочешь погрею?

- Хочу...

Яков взял мои ладони в свои и крепко их поцеловал.

Затем он встал и обнял меня сзади.

- Ты очень красивая... Знаешь об этом?

- Знаю.

- Откуда?

- Так все говорят, кто меня видит.

- Но я еще не говорил. Ты очень красивая. Тебе приятно слышать это от меня? Ты же знаешь, что я - не все.

- Мне приятно...

Я обвила шею Якова руками и жадно его поцеловала. Он ответил мне и крепко сжал меня в своих объятиях.

- Мне кажется, я сойду с ума от наслаждения, - прошептал он мне на ухо.

Я улыбнулась и почувствовала, что где-то внизу у меня становится горячо и мокро и что мои безумно дорогие трусики, купленные Яковым в «Дикой орхидее», постепенно пропитываются влагой. Яков стал расстегивать мое платье, но я слегка отстранила его и прошептала:

- Только не здесь.

- А где? - с трудом справляясь с нарастающим волнением спросил он.

- В твоей спальне.

- А почему не хочешь здесь? При свечах?

- Я хочу, чтобы это произошло в твоей спальне.

- Как скажешь.

Яков взял меня на руки и понес из охотничьего домика в свой дом. Я закрыла глаза и подумала о том, что не каждый мужчина положит женщину на ту кровать, где на протяжении нескольких лет спал со своей женой. Я не хотела, чтобы эту ночь Яков принял за очередную интрижку, я хотела, чтобы он понял, что это очень серьезно и очень надолго... Я хотела спать на хозяйской кровати как законная хозяйка...

Глава 9

Я лежала рядом с Яковом и думала - судьба занесла меня в чужой дом, здесь чужая жизнь, около меня совершенно чужой мужчина... Наверное когда близость происходит по любви, все бывает совсем по-другому. Как бы я хотела сейчас быть с человеком, которого бы я полюбила, который полюбил бы меня и был бы готов отдать за меня свою жизнь. С ним я была бы самой распутной шлюхой в постели, самым профессиональным поваром на кухне, самой очаровательной хозяйкой для гостей и настоящей девственницей в окружении его друзей. Да, именно такой хотелось мне быть. Именно такой...

Я проснулась оттого, что почувствовала пристальный взгляд. Яков придиричливо рассматривал мое голое тело.

- Доброе утро, Анжела.

- Доброе утро.

- Оно и в самом деле доброе, потому что я встретил его рядом с тобой.

- Я даже не помню, как я вчера уснула, - слегка засмушалась я.

Вчера ты очень устала. Наверное я просто тебя замучил. Никак не мог насытиться твоим красивым телом. Сегодня мне придется тебя немного потревожить. Сегодня судебный процесс.

- Ты переживаешь?

- Нет. Я же тебе говорил, это необходимо, чтобы закончить все формальности и чтобы тот человек понял, что проиграл... Хотя, в общем-то, он уже давно это понял...

Я перевернулась на живот, выгнулась, как кошка, и посмотрела на Якова.

- Скажи, а тяжело быть богатым?

- Ну, как тебе сказать! - рассмеялся Яков. - Это не тяжело, это опасно.

- Почему?

- Потому, что я живу в такой стране, как Россия.

- Почему же не уедешь за границу?

- Я еще не настолько богат, чтобы позволить себе это. Но в недалеком будущем это обязательно произойдет.

- Ты уедешь?

- Придет время и придется уехать. Это случится тогда, когда мне здесь будут просто не давать

возможности жить, когда я пойму, что не смогу здесь больше развивать свое дело, увеличивать свой капитал. В нашей стране есть богатые люди, но я отлично знаю, как им тяжело. Некоторые уже давно на том свете, а некоторые пытаются жить сами по себе, никуда не лезть. Но это невозможно... Невозможно иметь большие деньги и жить сам по себе.

Я положила голову Якову на грудь и прошептала:

- Яков, а что такое деньги?

Он засмеялся и погладил меня по голове.

- Деньги - это власть... Это опять же реальная опасность, потому что если у тебя есть деньги, ты будешь всегда на виду. Деньги - это стабильная, сытая жизнь. А еще, деньги - это невроты, ранние инфаркты, депрессии и другие не самые лучшие состояния организма.

- Странно получается. Кто беден, тот всегда мечтает о деньгах и считает их самым великим даром на свете. Кто богат, тот совершенно спокойно заявляет о том, что деньги - это зло. По-твоему, деньги - это зло?

- Ну не такое уж это и зло, - Яков поцеловал меня в макушку. - Когда ты живешь без денег, вот это настоящее зло. Ты же сама говорила мне, что за деньги можно купить все.

- А вот и не все.

- Ты так считаешь?

- Я так считаю.

Яков взял меня за подбородок и слегка приподнял мою голову. В его взгляде появилось что-то хищное, совсем недоброе.

- И что же нельзя купить за деньги?

- Любовь.

- Что?!

- Любовь, - повторила я спокойным и ровным голосом. - Любовь - Яков громко рассмеялся, на его глазах появились слезы.

- Девочка моя, ты еще слишком молода. Ты хоть знаешь, что такое любовь?!

- Догадываюсь.

- Так вот, я хочу чтобы ты знала, любовь - это самая продажная девка, которая только бывает на свете. Любовь - это шлюха, понимаешь, шлюха! Это проститутка, которая бежит от наших к вашим. Она дает всем, у кого больше денег.

Я тут же убрала голову с груди Якова и резко поднялась.

- Правду говорят, что деньги портят людей. Ты слишком циничен. Любовь - это самое чистое и святое чувство, которое только может быть на этой земле. Любовь - это Божий дар, которым щедро наградила нас матушка природа.

Яков вновь рассмеялся.

- Анжел, ты что, обиделась?

- Нет.

- Не ври, я же вижу, ты обиделась. Еще скажи, что на дураков не обижаются.

- На дураков не обижаются.

- Вот скажи, разве ты не продалась бы за деньги?

- Я никогда не зарабатывала на жизнь проституцией, - резко ответила я.

- Извини. Я совсем не это имел в виду. Я хотел спросить, ты вышла бы замуж из-за денег?

- Нет, - ни минуты не раздумывая, ответила я. - Никогда. Я выйду замуж только за того человека, которого полюблю.

- Я тебе не верю. Ты говоришь так только потому, что ты еще молода.

- Это твое право. Я и не думаю тебя переубедить, но мне все же кажется, что ты слишком цинично относишься к тому, к чему так относиться нельзя.

- Ну все-таки, а если бы состоятельный мужчина предложил тебе руку и сердце, ты бы за него пошла?

- Только в том случае, если бы я его полюбила...

- Ты бы отказалась и уехала жить в свою деревню? Снова надела кирзовые сапоги и пошла бы работать в поле?

- Вот именно. А если бы мне повстречался тракторист, которого бы я полюбила, я с радостью вышла бы за него замуж и всю жизнь прожила с ним в любви и согласии.

- Еще скажи, что ты бы родила ему детей. Пустила бы их по миру с протянутой рукой.

- Я бы не пустила их по миру. Я бы радовалась тому, что приносит мой тракторист.

- И сколько бы он приносил?

- Сколько бы ни приносил, все бы было наше. Мое и детей.

- Дура ты. - Яков смотрел на меня, словно на сумасшедшую.

- Сам такой.

- Можно подумать, что если бы у тебя в женихах был и банкир, и тракторист, ты бы предпочла тракториста.

- Если бы я его полюбила, то да.

- И за что же можно полюбить тракториста?!

- Задущу.

- За что?!

- Задушу...

- Да мужика нужно любить за то, что он может зарабатывать деньги. За то, что он добытчик в конце концов!

- Это тоже немаловажный аспект. Но помимо способности зарабатывать деньги у мужика должна быть душа.

Несмотря на перепалку, я не могла не заметить, что Яков по-прежнему не сводит с меня своих глаз, и улыбнулась. Я рассчитала все правильно. Чтобы заинтересовать богатого мужчину, нужно сделать вид, что тебя совершенно не интересуют его деньги. Большое богатство похоже на болезнь. Богатым постоянно кажется, что их просто используют, что всех интересует только их капитал. Зачастую они замыкаются в себе, их мучит недоверие к тем, кто их окружает...

- Анжел, нам пора вставать. - Яков ласково потрепал меня за ухо. - Ты не обращай на меня внимания. Просто ты говоришь такие вещи.

- Какие?

- Которые я уже не слышал тысячу лет.

- А ты уже живешь тысячу лет?

- Это я так, образно сказал. Современные женщины совсем не так рассуждают, как ты.

- И как же рассуждают современные женщины?

- Их, кроме денег, вообще ничего не интересует. А ты... Не пойму, ты так говоришь, потому что молода или потому что деревенская. Хотя у деревенских девиц сейчас тоже острые зубки. Только и смотрят, кого и где съесть. С виду невинные создания, а на деле...

- Ты хочешь сказать, что они алчные?

- Алчные - слишком слабо сказано. К хорошему привыкаешь быстро. К деньгам тоже надо уметь привыкнуть. Особенно когда человек в жизни ничего не имел. Когда человек всю жизнь сидел на голодняке и его вдруг подпустили к деньгам, он просто теряет голову.

Яков посмотрел на часы и скинул с себя покрывало.

- Анжела. Мы опаздываем. Спускаемся, пьем кофе и уезжаем.

- А может, мы попьем кофе в постели? - я приблизилась к Якову и стала нежно поглаживать его живот.

- В постели?

- Нуда...

- Ты хочешь, чтобы я тебе его принес?

- Ну почему ты? На это есть Вера Анисимовна.

Яков немного смутился, и я не смогла этого не заметить.

- Яков, я сказала что-то не так?

- Нет. Я не хочу, чтобы домработница видела нас вместе. Вернее, я неправильно выразился. Не хочу, чтобы она видела нас на этой кровати.

- Ты меня стыдишься?

- Нет. Наверное это не совсем прилично. Прошел такой малый срок, а я уже лежу на этой кровати с тобой...

- Для тебя так важно чужое мнение?

Моя домработница – далеко не чужой человек. Вера Анисимовна служит верой и правдой в моем доме много лет, и она была очень привязана к моей жене. Очень...

- Тогда извини.

Я хотела встать и начать одеваться, но Яков остановил меня.

- Погоди.

Он снял телефонную трубку и попросил Веру Анисимовну принести в спальню кофе.

- Спасибо, – прошептала я.

На прикроватной тумбочке, стоявшей со стороны Якова, была фотография Зои. Красивая, смеющаяся и счастливая, она смотрела на меня прямым и открытым взглядом, и в ее взгляде не было ни злобы, ни сожаления, ни упрека. Я вдруг почувствовала себя неловко и отвернулась. Когда раздался стук в дверь и я обернулась к Якову, Зоиной фотографии уже не было. Яков, словно что-то почувствовал, убрал ее.

Вошла домработница с подносом, на котором красовались две чашки ароматного кофе. Мы сидели в кровати, укрытые одним одеялом. Вера Анисимовна пожелала нам доброго утра, поставила поднос на стол, одобрительно посмотрела на меня и незаметно кивнула мне головой. Это означало, что я молодец и у меня все получается, что теперь в этом доме я не одна, у меня есть союзник.

- По-моему, Вера Анисимовна не имела ничего против того, что увидела нас с тобой в одной кровати, – осторожно сказала я и взяла в руки чашку кофе.

- Ты ей очень даже симпатична.

- Она мне тоже. Милая женщина.

- Это не самое лучшее ее качество.

- А какое самое лучшее?

- Преданность. Она очень преданный человек. Именно поэтому я ей хорошо плачу.

- Послушай, если она живет в твоём доме, питается, зачем ей деньги?

- Она помогает своим детям. У нее две дочери и четверо внуков. У каждой дочери по двое детей и ни у одной нет мужа. Ты можешь себе представить, что значит в наше время остаться одной с двумя детьми и без мужа... Так что у меня домработница золотая.

Пока мы ехали в суд, Яков учил меня тому, как я должна вести себя на суде. Мы сидели на заднем сиденье и обсуждали все, вплоть до мельчайших подробностей. Впереди, рядом с водителем, сидела Вера Анисимовна, которая должна была тоже выступить на суде в качестве свидетеля, не менее главного, чем я. Хоть Яков и уверял меня, что этот суд лишь для галочки, что уже давно все схвачено, за все заплачено, а решение давно составлено, только не обнародовано, я чувствовала непонятный страх, справиться с которым мне никак не удавалось. Яков же, наоборот, был совершенно спокоен. Он считал судебный процесс несерьезным и говорил, что это ничто иное, как обыкновенная потеря драгоценного времени, а время - деньги, бесполезно потраченное время - потерянные деньги.

- Ты не переживай, - с особой нежностью шептал он мне на ухо. - Не переживай. Ты необыкновенная женщина. Ты сделаешь все правильно.

Ты принадлежишь к тому типу женщин, которые никогда не перестанут удивлять мужчину.

- Ты говоришь мне комплименты?

- Поверь, я знаю толк в женщинах.

- Откуда ты знаешь, если долгое время был женат?

- Поверь, женатый мужчина знает толк в женщинах намного больше, чем неженатый.

Яков говорил и говорил, а я вдруг перестала его слушать... Я подумала о том, что отношения Зои и Якова начинались точно так же, как у Якова со мной. Роскошный мужчина и бедная, деревенская девушка... Как Зоя смогла женить на себе Якова и чем ей удалось завоевать его расположение? Обычно богатые женихи ищут себе спутницу жизни из своего круга, которую было бы не стыдно представить друзьям. Кому в наше время нужна бедная девушка?! Никому. Быть может у них действительно была любовь. А любовь - такое необъяснимое чувство... Иногда она соединяет совершенно несовместимых людей. Богатые мужчины женятся на девушках бедных, как церковные крысы, депутаты государственной думы - на проститутках, известные, состоявшиеся личности - на педикюр-шах... В жизни случается всякое.

Яков... На ком же теперь женится Яков? Наверное брак со спивающейся женщиной успел его измотать, и он вряд ли захочет попасть в малопривлекательную кабалу, называемую браком, так быстро. Между браками должен быть перерыв до тех пор, пока мужчине опять захочется того, чтобы кто-то дышал ночью в затылок... Заинтересовать мужчину трудно, даже очень трудно. А такой мужчина может купить себе любую женщину по его выбору. Но Яков сам дал мне подсказку. Его не нужно заинтересовывать, его нужно удивлять. Его надо постоянно удивлять, тем самым подогревая его нарастающий интерес. Ну что ж, Яков, что-то, а удивлять я умею. Этого у меня не отнять.

На судебном процессе было совсем не так страшно, как я представляла себе. Когда очередь дошла до свидетелей, первой выступила Вера Анисимовна. Она упрекала покойную жену Якова в беспорядочном пьянстве, психических отклонениях и неадекватных действиях. После Веры Анисимовны выступил психиатр, который в течение долгого времени наблюдал не совсем нормальную Зою. Врач предоставил различные справки и заключения, где была отображена склонность женщины к суициду. Она сама не раз говорила врачу, что хотела бы уйти из жизни. Пока говорили другие, я ерзала на жестком стуле. Наконец, очередь дошла до меня. Я

рассказала о том, что родилась в той же деревне, где родилась Зоя, что еще в самом раннем детстве Зоя отличалась повышенной возбудимостью и далеко нестандартным поведением. Что мы не виделись много лет, а когда случайно встретились, она пригласила меня к себе, чтобы показать мне ту роскошную жизнь, которую она получила благодаря богатому мужу. Я поехала, мне было интересно увидеть, как живут богатые люди. Когда я приехала к Зое в гости, она была пьяная и, судя по ее виду, я поняла, что она пьет постоянно. В этот вечер она была какая-то отрешенная, постоянно говорила о том, что ей все надоело, что она больше не может так жить, потому что ей невыносимо скучно и ее просто тошнит от роскоши. Она угощала меня мексиканской водкой и все повторяла, что это ее любимое зелье, что она может пить его литрами. Я быстро опьянела, потому что еще никогда не пила крепкие напитки в таких количествах. Мы вспоминали наш поселок, затем стали горланить песни и вести себя не самым пристойным образом. Неожиданно Зоя выключила музыку, снова заговорила, что больше не может так жить и что уже давно подумывает о том, чтобы расстаться с этой опостылевшей жизнью, что она ото всего устала. Поначалу я думала, что она просто перепила, но когда я увидела, что она достала пистолет, я поняла – она не шутит. Я попыталась ее остановить. Но Зоя совершенно меня не слушала. Смотрела на пистолет каким-то особенным, безумным взглядом. Она сняла пистолет с предохранителя, я пыталась ее остановить, но Зоя закричала, чтобы я немедленно убиралась прочь и выстрелила мне в ногу. Меня пронзила острая боль, я успела увидеть, как Зоя наставила на себя пистолет и выстрелила в грудь. От страшного шока, который я испытала после того, что увидела, и от чудовищной боли, я потеряла сознание и очнулась уже только в больнице. Там я пробыла почти два месяца. Я обвела бесстрашным взглядом судей и присяжных, а потом продолжала.

- Когда я выписывалась из больницы и узнала о том, что Якова Владимировича обвиняют в смерти его жены, я пришла в замешательство.

Ведь когда это все произошло, Якова Владимировича просто не было дома. Я знаю, что на него пали подозрения потому, что на пистолете были найдены отпечатки его пальцев. Так вот, я вас уверяю, что Зоя, когда рассказывала о своей жизни, сказала и о том, что купила пистолет тайком от мужа у каких-то бродяг. Нечаянно его нашел Яков Владимирович и устроил ей грандиозный скандал. Он хотел было поехать сдать его в милицию, но Зоя на коленях умоляла Якова Владимировича не делать этого. Мол, это пистолет ее одной очень близкой знакомой, которая попросила его временно подержать у себя и, что она не может подвести знакомую. Яков Владимирович был непреклонен. Тогда Зоя поклялась, что завтра же отдаст пистолет хозяйке и больше никогда в жизни не возьмет в руки оружие. Яков Владимирович очень любил свою жену и поверил ей на слово. На следующий день, когда он спросил ее о пистолете, Зоя поклялась, что отдала его. Что было дальше, вы хорошо знаете... Наверное именно по этой причине на пистолете оказались отпечатки пальцев Якова Владимировича. Мужчине тяжело говорить о том, что любимая женщина его просто-напросто обманула. Возможно, в глубине души он винит себя. Он винит себя в том, что послушал жену и не отнес пистолет в милицию. Я не знаю, в чем можно обвинять человека, который пошел на поводу у той, которую он любил... Ведь любая любовь должна быть построена на доверии, без него просто не может быть любви. Мы всегда слепо доверяем тем, кого любим, зачастую обжигаемся и ошибаемся, но это любовь, и нас не за что винить...

Закончив свою речь, я посмотрел на Якова и увидела его заинтересованный и удивленный взгляд. Я опять его удивила. Я удивила его еще раз... А еще я увидела какую-то незнакомую женщину средних лет, которую я никогда не видела ранее. Она не выступала на суде, Странно, но эта женщина не выступила на суде ни в качестве свидетеля и ни в каком другом качестве. Она просто сидела и буквально ловила каждое мое слово. Вне всякого сомнения она сильно переживала, но только за кого? За Якова? Если за него, то интересно, кем она ему приходится?

Просто знакомой или какой-нибудь дальней родственницей? Я не нашла ответа на этот вопрос, да мне и некогда было его искать. Я еще раз взглянула на женщину и отметила, что она потрясающе выглядит. В глаза бросалась ее ухоженность, умение следить за собой. Что ж, это дело хорошее. Только возможно оно тогда, когда у тебя есть деньги...

- Вопрос к свидетелю, - вдруг, донеслось до моего слуха.

- Пожалуйста, я отвечу на любой ваш вопрос, - все тем же ровным и спокойным голосом произнесла я.

- Скажите, а в каких отношениях вы состоите с обвиняемым, сидящим на скамье подсудимых?

- Ни в каких, - не моргнув глазом ответила я, словно только и ждала подобного вопроса.

- Вы были знакомы с ним ранее?

- К сожалению, нет. Сегодня я увидела Якова Владимировича впервые. Я сказала, к сожалению, потому что как только мне довелось познакомиться с Яковым Владимировичем, я увидела в нем кристально чистого, благородного и честного мужчину. Я просто восхищена этим мужественным и стойким человеком. Я надеюсь, что сегодняшний суд примет правильное решение и избавит этого порядочного человека от дурной славы. С первого взгляда видно, что с потерей любимой супруги у Якова Владимировича ушла часть его самого.

Я села на свое место, еще раз посмотрела на Якова и принялась ждать приговора суда. У меня засосало под ложечкой, мне стало трудно дышать. Я и сама не знаю почему я испытывала подобное состояние, ведь, по большому счету, Яков был совершенно чужой для меня человек. Когда прозвучало: «Не виновен!», я радостно посмотрела на Якова и совсем не кстати захлопала в ладоши. Яков встал и со словами: «Наконец этот дурацкий спектакль закончился», вышел из зала. Я подождала пару минут и вышла следом за ним. Дверь машины Якова Владимировича, стоявшей прямо у ступенек, была распахнута. Я постояла с минуту, не обращая внимания на приказной возглас Якова «Ангела, садись в машину», и быстро пошла прочь. Машина поехала за мной. Я ускорила шаг. Машина перегнала меня и преградила мне дорогу. Вышел ничего не понимающий Яков и, как всегда, когда он нервничал, закурил сигарету. При этом он все же выглядел победителем в глазах которого читалось все - триумф, желание жить, делать деньги... - Ангела, ты чего в машину не садишься?

- Зачем?

- Как зачем? - не понял он.

- Зачем я должна садиться в машину?

- Домой поедем.

- Зачем?

- Что значит, зачем?

- Ты поедешь к себе домой, а зачем я к тебе поеду? Я все, что могла, для тебя сделала. Выполнила все, что от меня требовалось. Думаю, теперь я тебе без надобности. Разбегаемся. Ты идешь своей дорогой, а я своей.

- Ангела, сегодня в суде ты говорила просто прекрасно. Я знаю, что ты делала это только для

меня и, по-моему, это у тебя получилось очень даже замечательно. Теперь я твой должник. Пойми, я не могу тебя так отпустить!

- Ты хочешь посадить меня в комнату без окон?! Наверное в твоём доме так заведено. Кто-то обязательно должен сидеть в комнате без окон...

- Не говори ерунды. Хочешь, мы где-нибудь поужинаем? Хочешь, поедем ко мне в охотничий домик? Куда ты, если даже не знаешь, где живешь? Ты же ничего не помнишь...

Мне показалось, что сейчас Яков открыт как никогда. Он сбросил привычную маску цинизма и смотрел на меня растерянным взглядом.

- Можешь пока у меня пожить. Пока мы чего-нибудь не придумаем с жильем, - неуверенно сказал он.

- Спасибо. Я пожила у тебя почти два месяца. Этого достаточно, чтобы больше никогда не вернуться в твой дом.

- Но ведь у тебя нет денег. За то, что ты для меня сделала, я должен тебе заплатить. Это стоит денег, и я их тебе дам.

- Это ничего не стоит. Ты сам говорил, что это формальность. Я ее выполнила. И не мерь это на деньги. Что касается меня, то я делала все исключительно ради тебя и ничего больше. Я же уже сказала, в этой жизни не все продается и не все покупается.

Из машины выглянула взволнованная Вера Анисимовна и растерянно развела руками.

- Анжела, девочка, ты куда собралась? Ты, наверное, проголодалась? Поехали! Я вас с Яковым Владимировичем покормлю чем-нибудь вкусеньким. Поехали, вы же с утра, кроме кофе, ничего во рту не держали. У меня сегодня исключительные щи.

- Что у вас сегодня?

- Щи.

- Вы Якова Владимировича ими кормите... А я... Я не голодна.

Яков взял меня за руку и заглянул мне в глаза.

- Анжела, я не пойму, что случилось?

- Ничего не случилось.

- Ну ведь тебе же некуда идти?! - Он начал терять терпение.

- Куда-нибудь да приду...

- Поехали, я дам тебе денег.

- Я уже сказала, что все, что я для тебя делала, я делала не за деньги. Давай больше не будем на эту тему.

- Если ты не хочешь брать деньги таким образом, я могу дать их тебе взаймы. Сколько тебе нужно одолжить?

- Нисколько.

- Ну чего ты от меня добиваешься? Поехали домой.

На лице Якова вдруг появилась усталость. Он достал валидол и положил таблетку под язык. Не знаю, зачем это было сделано – то ли для того, чтобы произвести на меня впечатление человека, которому очень плохо и вызвать жалость, то ли потому, что у него и в самом деле защемило сердце.

- Чего ты от меня добиваешься? Чтобы я прямо сейчас на тебе женился? Но ведь я жену только сорок дней как похоронил... Должен пройти хотя бы год...

- Я этого не говорила, – сердито затрясла я головой.

- А мне кажется, ты добиваешься именно этого.

На моих глазах появились слезы, я поняла, что я проиграла, что мне никогда не заполучить этого богатого мужчину. Я решила, что Яков совершенно ко мне ничего не чувствует. Он просто боится. Не верит мне до конца и боится, что ко мне может вернуться память и тогда наступит беда. Все, что произошло между нами вчера, было просто случайным, ни к чему не обязывающим. Королева осталась без королевства. Тем более, королевство-то было чужим. Я улыбнулась и уже хотела было двинуться дальше, но Яков обнял меня, а мне... мне вдруг стало необъяснимо спокойно.

Из машины вышла Вера Анисимовна и посмотрела на меня ласковым взглядом.

- Анжела, поехали, вы не представляете, какие вкусные у меня щи!

- Ну если только щи... – улыбнулась я ей в ответ и села в машину.

В машине я закрыла глаза и подумала, а почему, собственно, мне не попробовать еще раз. Еще один раз попытаться пробраться в роскошное королевство...

Глава 10

Щи Веры Анисимовны были и в самом деле очень вкусными и наваристыми. Я сидела напротив Якова, ела и старалась не смотреть ему в глаза. Яков же, наоборот, не сводил с меня глаз и о чем-то усиленно думал.

- Ты на суде такую речь толкнула... Я от тебя такого не ожидал, – восхищенно сказал он.

- Откуда ты можешь знать, чего от меня можно ожидать, а чего нет. Ты же меня совсем не знаешь...

- Ну так уж совсем. – улыбнулся Яков. – Кое-что я все-таки выяснил.

- Например.

- Например, что ты родилась в деревне, что ты страдаешь отсутствием памяти и что совершенно равнодушна к деньгам.

- Это неправда. Людей, равнодушных к деньгам, нет. Я к ним не равнодушна. Я просто никогда не продамсья за деньги. Это совсем разное.

Как только обед был закончен, Яков посмотрел на часы.

- Послушай, моя жена прострелила тебе ногу. Я чувствую перед тобой какую-то ответственность. Хочу дать тебе денег, чтобы ты могла снять квартиру и хотя бы временно обосноваться в Москве. Конечно, ты можешь пожить у меня, но я не знаю, захочешь ли ты это делать. После суда ты стала как-то странно себя вести.

- Ив качестве кого я буду здесь жить? В качестве квартирантки?

- В качестве гостя.

- Хорошее качество. Ничего не скажешь...

Яков вновь посмотрел на часы и заметно изменился в лице. Было ясно, что он очень куда-то торопится.

- Послушай, я должен отъехать по делу, - сказал он. - Обещай, что дождешься меня, и мы обязательно с тобой обо все поговорим.

- Ты этого хочешь?

- Очень.

- Хорошо, я тебя дождусь.

Яков улыбнулся довольной улыбкой и поцеловал меня в щеку.

- А когда ты приедешь?

- Не знаю, думаю, через пару часов. Обещаю, я недолго. Ты можешь пока посидеть в домашнем кинозале и посмотреть какое-нибудь кино. Там очень большая коллекция фильмов.

- Не переживай. Пока тебя не будет, я не буду скучать.

- Только обещай обязательно меня дождаться.

- Я тебе это уже обещала.

- Пообещай еще раз.

- Обещаю.

Наверное Якова удовлетворил мой ответ. Очередной раз чмокнув меня в щеку, он умчался.

Как только я осталась одна, я зашла в темный кинозал и не включая света села. Да, я по-прежнему делаю все правильно. Я не перестаю удивлять Якова и тем самым его притягиваю. Самое главное, быть равнодушной к деньгам Я усмехнулась. Действительно, я никогда в жизни не была так равнодушна к деньгам, как сейчас. Господи, как же это тяжело! Тяжело-то как... Мне было бы намного проще взять у Якова определенную сумму и навсегда покинуть пределы этого дома. Но я могу это сделать в любой момент. Это самый легкий путь к решению всех проблем. А сейчас... сейчас я должна попробовать получить свое королевство. В этом роскошном доме можно попытаться быть счастливой. Если бы Яков полюбил меня, а я полюбила Якова. Если бы это случилось, мы жили бы как в настоящей сказке и ничто и никогда не омрачило бы нашего счастья. Яков бы много работал, преумножал свой капитал. А

я купила бы себе лучших фотографов и место в лучших модных журналах. Яков не мешал бы моей карьере и финансировал все мои проекты. Не думаю, что он смог бы мне отказать, ведь если бы мы состояли в браке, у нас были бы определенные права друг на друга. Мои права бы распространялись на Якова, а если бы мои права распространялись на Якова, то они бы распространялись и на его капитал. Если тебе принадлежит мужчина, значит, тебе принадлежат и его деньги.

- Анжелочка, а вы почему сидите без света? - Я вздрогнула. В распахнутых дверях кинозала стояла Вера Анисимовна.

- Я смотрю фильм... - не придумала я ничего лучшего.

- Фильм?! Но ведь тут ничего не работает.

- А что тут должно работать?

- Как что? - окончательно растерялась женщина. - Проектор.

- Точно, проектор.

- Д и на экране должно быть изображение...

- Точно, на экране должно быть изображение. - Я глупо улыбнулась и тупо уставилась на пустой экран.

- Анжелочка, что с вами? Вы не заболели?

- Я просто задумалась. А что случилось?

- Да нет. Просто к Якову Владимировичу пришла гостья. Я не хотела пускать, но она оказалась очень настырной. Я хотела у вас узнать, когда Яков Владимирович должен приехать. Если не скоро, то я провожу гостью. Может она его и ждет-то напрасно.

- Яков сказал, что приедет через пару часов. А что за гостья?

- Да так, обыкновенная гостья...

- Мне кажется, что вы что-то не договариваете. Кто эта женщина, которую вы пустили в дом?

- Его хорошая знакомая. Я пустила ее только потому, что она и раньше бывала здесь. Яков Владимирович ее иногда пускал...

Вера Анисимовна опустила глаза, и я тут же почувствовала что-то неладное.

- Вы отдыхайте. Я больше не буду вас беспокоить. Смотрите свой фильм, вернее, нет, смотрите на экран и думайте... Размышляйте, одним словом. Я скажу ей, что она ждет напрасно, что Яков Владимирович приедет поздно ночью. Она звонила ему по мобильному телефону, но сегодня такой тяжелый день с этим судом. Все из головы вылетает. Яков Владимирович куда-то опаздывал и забыл мобильный у входа на тумбочке.

- Он забыл мобильный?

- Забыл, но вы не переживайте. Он же сказал, что скоро приедет.

Домработница вышла, а меня охватило какое-то необъяснимое волнение. К Якову, на которого я пока не имею прав, пришла женщина, и я почувствовала малоприятный укол ревности. Возможно, эта женщина пришла По работе. Наверное у них с Яковым какие то общие дела, случилось что-то срочное, она не смогла дозвониться и решила приехать к нему домой...

Не успела я закончить свои размышления, как Вера Анисимовна вернулась и заговорила взволнованным голосом:

- Анжелочка, вы извините, ради Бога, что не даю вам отдыхать, но...
- Ничего страшного. Эта женщина не ушла?
- Нет. Я уж и сама не рада, что впустила ее в дом. Она хочет вас видеть.
- Меня? - Я не поверила своим ушам.
- Вас...
- Не может быть...
- Я вас уверяю. Она назвала ваше имя. Она так и сказала «Пригласите мне, пожалуйста, Анжелу».
- А откуда она про меня знает?
- Наверное ей о вас рассказал Яков Владимирович.
- Это его родственница?
- Нет. Это его знакомая. - Сказав эту фразу Вера Анисимовна опять опустила глаза и тем самым окончательно привела меня в замешательство. - Знаете, Анжелочка, я думаю, что вам не стоит с ней встречаться. Скажу, что вы заняты и сделаю все возможное, чтобы побыстрее выпроводить ее.

Как только домработница вышла из кинозала, я тут же встала и пошла следом за ней. У двери гостиной я услышала как Вера Анисимовна принялась объяснять гостье, что Яков Владимирович будет нескоро и что не имеет никакого смысла его ждать. А еще она назвала мое имя. Мол, Анжела очень устала в суде и сейчас отдыхает. Гостья сказала, что особо никуда не торопится и попросила Веру Анисимовну сварить ей чашечку кофе. Растерянная, раскрасневшаяся, Вера Анисимовна нехотя направилась на кухню, чтобы исполнить желание назойливой гостии.

Решив, что я имею полное право посмотреть на того, кто нанес Якову неожиданный визит, я вошла в гостиную и поздоровалась... с той самой женщиной-незнакомкой, которая сидела в зале суда и ловила каждое мое слово.

- Здравствуйте, - нерешительно сказала я и исподлобья посмотрела на женщину. Сейчас она выглядела еще лучше, чем на заседании суда. Она поменяла платье на более яркое и стала еще утонченнее. Ее ухоженность бросалась в глаза, а матовые оттенки косметики говорили о том, что она относится к разряду дорогих женщин. Мужчины слегка побаиваются таких и стараются обходить стороной, потому что они просто уверены - за всем этим уже стоит богатый мужчина. Такая женщина всегда при мужчине, точнее говоря, такая дорогая женщина всегда на дорогом содержании очень богатого мужчины.

- Здравствуй, Анжела! Мы с тобой виделись сегодня в суде. Ты меня помнишь?

- Да, я вас видела. Вас трудно не запомнить. Вы женщина, на которую все обращают внимание.

- Спасибо. Ты тоже очень красивая и приятная девушка. Не стесняйся, проходи. Ну, что ты стоишь в дверях? Чувствуй себя, как дома, или ты уже почувствовала, что это может быть твоим домом? Сейчас прислуга сварит нам кофе.

Я прошла к креслу и нерешительно села. Может быть эта женщина приходится Якову сестрой, если так уверенно ведет себя в его доме. Что ж, мне необходимо дружить не только с самим Яковым, но и с его родственниками. Я улыбнулась, постаралась взять себя в руки и закинула ногу на ногу.

- Мне было приятно наблюдать за тем, как отчаянно ты защищала Якова в суде, - приветливо улыбнулась мне женщина. - Ты делала это с душой. Словно...

- Словно, что?

- Словно ты его любишь...

Я покраснела.

- Да нет, что вы... Я не люблю Якова, но я очень хорошо к нему отношусь. Я еще не успела его полюбить... Хотя, кто его знает, жизнь такая сложная штука, в ней невозможно что-то предугадать... Мне его жалко. Его несправедливо обвинили в том, чего нет. Я просто за справедливость...

- Анжелочка, да ты, я смотрю, борец за справедливость! - рассмеялась женщина. - В наше время это большая редкость. Ты делала это за деньги или безвозмездно?

- Мне ничего не надо. Мне просто хотелось помочь честному человеку.

- Хороший порыв.

В это время в комнату вошла Вера Анисимовна с двумя чашечками ароматного кофе.

- Приятного аппетита, - сквозь зубы пробурчала она и посмотрела в сторону гостьи недобрым взглядом.

Я дружелюбно кивнула домработнице, показывая, что ей не стоит переживать по поводу незваной гостьи.

- Вера Анисимовна, не переживайте все хорошо... Мы просто кофе поьем.

Домработница пожала плечами и ушла.

- А что, она и в правду переживает? - усмехнулась Женщина.

- Она переживает, что Яков Владимирович вернется нескоро и что вам долго придется ждать.

Ей не стоит переживать. У меня масса свободного времени. Я специально спланировала так, чтобы сегодня освободиться. Расправилась со всеми своими делами еще вчера. А ты, я смотрю, Анжелочка, в этом доме уже как своя. Даже Вера Анисимовна и та за тебя переживает.

- Мы с ней очень хорошо друг к другу относимся. Вера Анисимовна очень добрая женщина. Такие милые и отзывчивые женщины встречаются крайне редко.

- На тебя, Анжелочка, посмотришь, так просто диву даешься. Все у тебя хорошие, добрые и милые. Создается впечатление, что в мире вообще нет грубых и злых людей.

- Вы не правы. Просто в этом доме мне встретились очень хорошие люди.

- Ну так дай Бог, чтобы такие люди встречались тебе и дальше. Кстати, а я тебе так и не представилась. Меня зовут Тамара.

- Ну а как меня зовут, вы знаете... Вы же сами назвали меня Анжелой.

- Да, Анжелочка, я и в самом деле про вас очень много знаю.

- Откуда?

- От Якова Владимировича.

- От Якова Владимировича?!

- Да, а что вас так удивляет?

- Он вам все рассказал?

- Яков делится со мной всем. У нас нет друг от друга секретов.

- Я угадала. Вы его сестра.

- Нет, что вы... Я была единственным ребенком в семье.

- Тогда кем вы ему приходитеесь?

- Ну, как вам сказать...

- Говорите как есть. Вы его родственница?

- Что-то в этом роде. Я его любовница.

- Кто?!

- Я его любовница.

Я покачнулась и чуть было не упала со стула.

- Простите, вы сказали, что вы его любовница?

- Да, деточка. Я его любовница вот уже несколько лет.

- Но ведь у Якова только два месяца как погибла жена...

- Ну и что. Дорогая моя, да будет тебе известно, у большинства женатых мужчин, а особенно у таких роскошных и щедрых, как Яков, всегда есть любовница, несмотря на наличие обожаемой жены. Им по штату положено, понимаешь?

- Пытаюсь.

- Ты еще слишком молода, чтобы понять подобные вещи. Вот немного подрастешь и обязательно все поймешь. Несколько лет назад я встретила мужчину своей мечты...

- Вы встретили мужчину?!..

Да, девочка моя. Послушай меня и не перебивай. Я хочу кое-что тебе рассказать. Так вот, я встретила Якова. До того, как стать любовницей, я тоже была женой и боготворила своего мужа. Замужество – сложная, противоречивая штука. В нем есть как хорошие, так и плохие стороны. Единственное, что меня больше всего прельщало в браке, это чувство защищенности. Когда ты в браке, ты действительно защищен. Ты защищен от внешнего мира, от окружающих тебя людей и от тех невыносимых условий и обстоятельств, в которые ставит тебя жестокая жизнь. Я всегда считала свой брак безоблачным и долгое время не могла поверить тому, что в нем образовалась капитальная трещина. В жизни моего мужа появилась другая женщина. Вернее, даже не так. Мой муж полюбил другую женщину и, не раздумывая, ушел к ней. Я очень переживала, страдала и именно в этот, не самый лучший момент моей жизни, мне встретился Яков. Яков ничего не скрывал. С самого начала наших отношений я знала, что этот человек женат и что такой, как он, вряд ли когда-нибудь захочет расторгнуть свой брак. Тем не менее, мы встречались долгое время. Ссорились, мирились, расставались и сходились опять. Временами я пыталась увести его из семьи и в который раз приходила к печальному выводу, Яков никогда не уйдет из семьи по собственной воле. Я считала это чудовищной несправедливостью, потому что совершенно хладнокровно разбивала мужские сердца, у меня не было проблем с мужским полом. А тут... Тут мне досталось такое мужское сердце, которое невозможно разбить. Для меня разбить мужское сердце значит полностью его подчинить. С Яковым же у меня этого не получилось. Я была его другом, его любовницей и его любимой. Я всегда была рядом и как только ему требовалось мое общество, бросалась к нему по первому зову. Я не хотела быть любовницей до конца своей жизни, я всегда думала о том, что из меня получится хорошая жена, мне очень хотелось, несмотря на мой возраст, иметь детей. В конце концов, это естественное желание женщины, она по своей природе должна иметь дом, семью. И конечно же меня не мог не беспокоить вопрос, касающийся старости. Что мне готовила в старости моя длительная любовная связь? Ничего, кроме одиночества и ощущения, что жизнь прошла мимо, и ты осталась никому не нужна. Считается, что любовница всегда не права. Всегда права только жена.

Тамара достала платок, и я увидела в ее глазах слезы.

- Ты внимательно меня слушаешь?

- Да, конечно, – с трудом ответила я.

Я всегда считала Якова самым лучшим из всех мужчин. Он был для меня единственным и неповторимым. Говорят, что любить, значит понимать. Так вот... Я понимала Якова. Я уважала то, что в его жизни есть ценности, которые он не может предать. У меня были деньги, положение. Я стала хозяйкой крупной фирмы. У меня не было только Якова. Вернее, он у меня был, но только совсем не в том качестве, в котором я хотела. Когда Яков отправлял Жену отдыхать за границу, он привозил меня в этот дом, и я оставалась здесь ночевать. После бурных любовных утех на супружеской постели, я смотрела на Зоин портрет, который стоял на тумбочке у кровати и думала о том, что я и она совсем не похожи, что у нас разные пути. Все эти годы у меня была сложная жизнь... Не каждая женщина, попавшая на мое место, смогла бы прожить ее так, как прожила ее я. Конечно, та жизнь, которую я сама себе выбрала и которой я жила долгие годы, опасная, но лучше постоянно рисковать, чем жить и знать, что

жизнь проходит мимо. Понимаешь, для меня жизнь без Якова – не жизнь... Говорят, что любовная связь быстро теряет в весе, если она развивается не на равных. Наша с Яковом связь развивалась не на равных. Я всегда отдавала ему всю себя, а он... Он отдавал только половину, потому что вторую половину вынужден был отдавать своей жене. Но, вопреки всему, наша любовная связь не потеряла в весе, а только прибавила. Наверное это произошло потому, что я никогда не хотела победы, я хотела только любви... Я даже стала считать, что в браке нет и не может быть любви, что наша с Яковом форма существования – самая реальная и самая лучшая. А брак... Брак я считала защитой от любви. Яков стал для меня частью моей жизни. Отказаться от части собственной жизни значило бы укоротить свою собственную жизнь.

Тамара немного помолчала, вновь вытерла слезы и продолжила:

– За то время, пока я встречалась с Яковом, у меня было много мужчин. Точнее, у меня было много мужчин, которые предлагали мне руку и сердце. Но я была всегда верна Якову. Всегда... И душой, и телом, и разумом. Я смотрела на брак с другим мужчиной, как на прыжок с шаткого трамплина не куда-нибудь, а в неизвестность. В самую настоящую неизвестность. Теперь все изменилось. Теперь все стало совсем по-другому. Яков свободен, а это значит, что больше никто и ничто не может помешать нашему счастью.

Женщина замолчала и пронзительно взглянула на меня. От ее взгляда на моем теле появились мурашки, и я почувствовала себя не самым лучшим образом.

– Почему вы так на меня смотрите? – спросила я.

– Анжела, девочка, уходи. В этом доме тебе ничего больше не светит. Яков мой, и я никогда не отдам свое счастье. Мне слишком долго пришлось этого ждать. Я пойду на все, чего бы мне это ни стоило.

– Я не понимаю. О чем вы?

– О том, что я тоже женщина и прекрасно понимаю, по какой именно причине ты осталась в этом доме. Девочка моя, я старше тебя, а это значит, что у меня больше жизненного опыта. Я надеюсь, что ты понимаешь, о чем я говорю.

– Не совсем. Я не понимаю, чего вы от меня хотите.

– Чего я от тебя хочу? Я хочу, чтобы ты прямо сейчас покинула этот дом.

– Но...

Никаких но, девочка моя. Ты сослужила Якову хорошую службу. Ты вытасила его на суде... Наверное ты сослужила ему службу не только на суде, но и в постели. Я не сомневаюсь, что ты не упустила момент и показала ему свое мастерство. Но, поверь мне, больше твои услуги не требуются. Теперь этим займусь я. Думаю, у меня это получится не хуже, чем у тебя, а может быть, даже и лучше. Я надеюсь, Яков хорошо заплатил тебе за твою благотворительность. Он щедрый мужчина и любит одаривать людей деньгами по их заслугам.

– О чем вы?

Я залилась краской и от унижения и обиды была готова разреветься в любой момент. Эта женщина действовала на меня просто магнетически, мне хотелось сорваться с места и убежать из этого дома, забыть о нем, как о кошмарном сне.

- Яков сам пригласил меня в дом и попросил обязательно его дожждаться.
- Для чего?
- Я не знаю... Он сказал, что когда приедет, мы обо всем поговорим.
- Странно. Ты считаешь, что у вас есть общие темы для разговоров? Девочка моя, ты, наверное, что-то преувеличиваешь. Яков образованный, материально обеспеченный человек. У него есть деньги, а значит, определенная власть над людьми. А кто ты? Неотесанная деревенщина, у которой никаких перспектив, ни флага, ни родины за душой. Однажды Яков уже женился на неотесанной деревенщине, и мы обе знаем, что из этого вышло. Алкоголичка, выматывающая мужа своими вечными пьянками, которая просто сходила с ума оттого, что никак не могла себя реализовать. Рядом с ней Яков постарел душой, помрачнел и с каждым днем выглядел все хуже и хуже. С деревенскими женщинами покончено раз и навсегда. Якову нужна достойная партия.
- И этой достойной партией будете вы. - В моем голосе появился сарказм и ехидство.
- Поверь мне, девочка моя. Этой достойной партией буду я и никто другой, потому что я и в самом деле его достойна. Яков любит меня, а я люблю Якова, и это ни для кого не секрет.

Я посмотрела на женщину долгим взглядом и встала.

- Я не хочу с вами разговаривать. Простите, но у меня пропало всякое желание. Я обещала Якову, что я его дождусь. Я обязательно его дождусь, но только в другой комнате. Всего доброго.

Женщина властно взмахнула рукой, показывая, чтобы я села на свое место.

- Сядь. Яков не вернется.
- Почему? - Я и сама не поняла как моментально поборолa гордость и села на прежнее место. - Вы сказали, что Яков не вернется... Почему?
- Он не вернется, пока ты не покинешь этот дом.
- Господи, о чем вы говорите...
- О том, что Яков не может сказать тебе это в глаза и попросил меня сделать это.
- Вышутите...
- Девочка моя, я уже далеко не в том возрасте, чтобы так жестоко шутить и играть на чужих чувствах. Яков попросил меня приехать вместо него и серьезно с тобой поговорить.
- О чем?

О том, сколько денег ты хочешь... Только не надо изображать из себя девушку, равнодушную к деньгам. Милая, ты играешь по очень правильным правилам и, возможно, с другим богатеньким Буратино это сработало бы, но только не здесь. Я вижу каждое твое действие на шаг вперед. Я все вижу. Тут твой принцип не работает. Давай поговорим на чистоту, сколько ты хочешь. Только не называй астрономические суммы. Поверь, твои услуги стоят не дорого.

- Какие услуги? - Я никак не могла наладить сорвавшееся дыхание.

- Услуги свидетеля, например. Даже если бы тебя и не было на суде, Якова все равно оправдали бы. Хотя ты и лезла из кожи вон, чтобы он чувствовал себя твоим должником, по большому счету, от тебя ничего не зависело, ничего. Конечно же, нельзя забыть и про твои услуги интимного характера. Хотя я не думаю, что они что-то стоят. На Ленинградке или на Тверской ты бы зарабатывала не так много. Но даже если бы ты устроилась индивидуалкой и принимала клиентов в салоне или в какой-нибудь съемной квартире, ты бы зарабатывала не больше сорока долларов в час. И то для этого тебя надо было бы хорошо приодеть, сделать дорогой макияж и немного обучить искусству любви. Я плачу тебе не за час, а за ночь. Ночь с девушкой легкого поведения стоит двести долларов. Я плачу тебе за ночь четыреста. И конечно же, мы с Яковым не можем не выплатить тебе моральный и физический ущерб после огнестрельного ранения. В общем так, дорогая, я даю тебе ровно три тысячи долларов, и ты навсегда покинешь пределы этого дома. Три тысячи долларов - хорошие деньги, особенно для такой малоимущей девушки, как ты.

Я не могла произнести ни слова и не могла оторвать взгляд от слишком красивого и слишком хищного лица женщины. Видно было, что она много перенесла на своем веку. На меня смотрели жесткие, но грустные глаза. Эта женщина готова биться за свое счастье до последнего, она принадлежала к тому типу женщин, которые строят свою жизнь сами, а не подстраиваются под обстоятельства.

- Я не сказала вам ни одного оскорбительного слова. Вы же, напротив, смешали меня с грязью... Что ж, вас можно понять. Не каждая женщина сможет ходить в любовницах столько времени. Только знайте, что это не дает вам права меня оскорблять. И еще... Тамара, я вам не верю. Я не верю, что Яков велел вам заплатить мне по счетам. Вы все придумали. Что же касается моих интимных услуг... Я спала с Яковым не потому, что я хотела получить с него деньги. Я спала с ним потому, что я хотела с ним переспать.

Женщина резко подняла голову, а ее колючий взгляд пронзил меня насквозь. И все же она держалась с достоинством. Она положила на стол пачку долларов и тихо произнесла:

- Анжела. Возьми, они твои. Не стоит так глупо отказываться от денег. Твоя гордость не вызывает ничего, кроме смеха. Она никому не нужна. Сейчас совсем не то время, чтобы ее кому-то показывать. Эти деньги могут тебе помочь. Ты честно заработала их. Ты играла просто блестяще...

- Я не понимаю, о чем вы.

- Ты прекрасно понимаешь, что я имею в виду. Ты не глупая девушка и хоть молодая, но очень сообразительная. Ты делаешь правильные ходы. Возьми деньги. Я думаю, тебе не каждый день предлагают такую сумму. Все равно Яков никогда на тебе не женится. Он не даст тебе ни копейки и выгонит за ворота этого дома. Ты уйдешь ни с чем.

- Всего доброго. - Я выдавила из себя улыбку и развернулась на сто восемьдесят градусов с намерением покинуть гостиную.

- Постой! - Крик женщины заставил меня остановиться. - Анжела, постой. Ты точно не берешь деньги?

- Нет.

Я больше была не в состоянии говорить. Я хотела только одного - вернуться в кинозал, выключить свет, сесть в кресло и подумать... Я хотела просто подумать. Сейчас мне это было особенно необходимо.

- Ты отказываешься от денег? - вновь донесся до меня вопрос.

- Да.

- Тогда извини.

Я удивленно посмотрела на женщину.

- Простите, что вы сказали?

- Я сказала, чтобы ты меня извинила.

- Хорошо. Тогда уберите деньги. Оставьте их себе на мороженое.

- Убираю. Девочка моя, тут получится слишком много мороженого...

Тамара сунула в сумочку доллары и встала со своего места.

- Анжела, девочка моя. Я решила не ждать возвращения Якова. Ты же сама понимаешь, что я бизнесвумен, а у деловых женщин, прочно стоящих на ногах, всегда напряженка со временем. Я не буду ждать Якова, тем более, что он придет ко мне сам. Сегодня он обещал остаться у меня ночевать. Проводи меня и, пожалуйста, не держи на меня зла. Я просто очень люблю этого человека. Ты сама понимаешь, когда мы любим, мы сами не ведаем, что творим.

- Вас проводит Вера Анисимовна.

- Нет, девочка моя. Проводи меня сама. Старушка домработница всегда меня недолюбливала, и я стараюсь пореже встречаться с ней. Она всегда боялась, что мы с Яковым будем вместе. Она боится элитных женщин, потому что мы знаем себе цену и с прислугой обращаемся именно так, как заслуживает прислуга. Это для тебя она Вера Анисимовна, а для меня - одна из халдеек Якова. Домработница любит деревенских девушек, потому что сама родилась в деревне.

- Вы хотите, чтобы я вас проводила?

- Хочу. Будь доброй и любезной, девочка моя. Уволь меня от общения с халдеями. Они всегда действовали мне на нервы.

- Как знаете...

Выйдя из дома, мы оказались на красивой ухоженной аллее, которая была одной из достопримечательностей этого дома. Некоторое время шли молча.

- Мне всегда нравилась эта аллея. Она выполнена с особым вкусом, - нарушила молчание женщина. - Это я нарисовала Якову эскиз и тщательно разработала проект, выбрала растения, которые могли бы смотреться здесь более интересно.

- Вы так давно знаете Якова? Вы были с ним знакомы до того, как он построил этот дом?

- Я была с ним знакома задолго до того, как он построил этот дом.

- Почему он не ушел от жены и не остался с вами?

- Есть такое понятие, «осенний марафон». В молодости я насмотрелась на романы моих подруг

с женатыми мужчинами, они никогда не заканчивались чем-нибудь хорошим. Наоборот, приносили одни разочарования, слезы и страдания. Когда я познакомилась с Яковом, я воспринимала его только как таблетку от одиночества. Взяла таблетку, запила водой и на время почувствовала себя кому-то нужной. Таблетка действует недолго, но это время было самым счастливым в моей жизни. Когда Яков ехал к жене, «действие таблетки» заканчивалось, и я ждала новой дозы. А затем все это переросло в сложный клубок, который практически невозможно было распутать. Я, как и многие другие, оказалось втянутой в изматывающий душу «осенний марафон». Понимаешь, Яков из тех мужчин, которые не разводятся и тянут двойную лямку до конца своей жизни.

Я испытывала к этой женщине противоречивые чувства. И сострадание, и жалость, и злобу, и даже ненависть. Мне хотелось ее понять, но ее цинизм не позволял мне этого сделать.

Когда мы дошли до ворот, Тамара заговорила снова.

- Вчера я сделала себе подарок... Просто на душе было паршиво, хотелось себя чем-то побаловать. Я купила себе тонированный джип «Мерседес», а теперь сама думаю, нужен он мне или нет. Тебе нравятся такие машины?

- Мне вообще нравятся машины.

- Как, все? И «Жигули» тоже?

- «Жигули» тоже неплохая машина. У нас в соседней деревне на такой директор сельсовета ездит.

- Тогда понятно, откуда у тебя такая любовь ко всем машинам, - малопривратно рассмеялась Тамара. - Не пойму я, зачем ты на богатого мужика нацелилась? Тебе и тракторист какой-нибудь подойдет. У тебя запросов-то вообще никаких нет. Кстати, хочешь я помогу тебе в Москве зацепится и личную жизнь устроить? Могу с одним знакомым сантехником познакомить. Он иногда ко мне приходит краны чинить. Холостой. Зарплату получает без задержек. Шара, халтура... Так что с голоду не помрете. Правда, он иногда любит стопарик, другой пропустить, но это не страшно. Сама знаешь, работяги выпить любят, от этого никуда не денешься.

- Прекратите! - Меня затрясло и, не сдержавшись, я отвесила женщине пощечину. - Немедленно прекратите! Если вы думаете, что за меня некому заступиться, то вы глубоко ошибаетесь.

Тамара прищурила глаза и тяжело задышала. Не кинулась на меня с кулаками, не стала кричать и браниться. Она никак не среагировала на мою пощечину, сдержалась и тихо произнесла:

- Извини. Я и в самом деле перегнула палку. Вижу, ты далеко пойдешь. У тебя слишком много терпения. Чтобы в этой жизни чего-то добиться, нужно иметь огромное терпение, а у тебя оно есть. И в правду говорят, что в деревенских бабах слишком много терпения. У них, нам, москвичкам, поучиться надо. От Зойки муж открыто гулял, а она все терпла и терпела. Слезы с соплями жевала и все равно терпела. Меня иногда от этого терпения просто тошнило. Другая бы не выдержала и все поломала, а она терпела. Это же как себя не уважать надо, чтобы столько терпеть. Ладно, дело прошлое. Давай я тебе лучше похвастаюсь, какой я джип прикупила.

- Мне это совсем не интересно.

- Да ладно, посмотри... Оцени по достоинству. Проводи меня за ворота. Покажи свое гостеприимство. Ты же сейчас в этом доме временно исполняющая обязанности хозяйки дома. Ешь за ее столом, спишь на ее кровати. Скоро начнешь надевать ее платья...

- Не говорите глупости. Всего вам доброго. Я надеюсь, у вас будет все хорошо. Придет время, и вы устанете ходить в вечных любовницах. Вы, наконец, станете чьей-то женой.

- Конечно стану. Не сомневайся. Я обязательно ею стану.

Я вышла за ворота и увидела, что в нескольких метрах от забора стоит блестящий черный джип, от его вида буквально захватывало дух и замирало сердце.

Мы стояли с Тамарой у ворот и не могли отвести друг от друга глаз.

- Я не держу на вас зла, - сказала я, но мне казалось, что не я говорю, а кто-то посторонний. - Я вас понимаю. Конечно, я молода и не могу давать вам советы... Но мне кажется...

- Что тебе кажется? - напряглась женщина.

- Мне кажется, что вы никогда не будете счастливы с Яковом. Яков не женился на вас за столько лет вашего знакомства, и я сомневаюсь, что он женится на вас сейчас. Он должен был сделать свой выбор раньше, намного раньше, и он его сделал, но только не в вашу пользу. Мужчина, который любит, всегда выбирает. А который говорит, что не в состоянии выбрать, тот просто вас использует. Пользуется тем, чего не имеет в браке. Подумайте, нужен ли вам человек, который на протяжении долгого времени проявлял малодушие.

- Ты действительно слишком молода и ничего не знаешь о жизни. Ничего... Придет время, повзрослеешь и будешь смотреть на все совсем другими глазами... Давай, не будем о грустном. Ты лучше посмотри, какая у меня машина и какой у нее салон.

- Желаю вам ровной дороги.

Я стояла и наблюдала за тем, как женщина грациозно садиться за руль, поправляет свою прическу и включает двигатель. Тамара открыла окно и подъехала ко мне.

- Ну как машина?

- Красивая, впрочем, как и вы сама...

Женщина улыбнулась, в ее глазах опять появились слезы...

- Анжелочка, деточка, ты не держи на меня зла. Я ни в чем не виновата. Я просто люблю. Понимаешь, люблю... Когда человек любит, он ни в чем не виноват, потому что он любит. За любовь можно простить все. Ты когда-нибудь любила?

- Нет пока...

- Дай Бог, чтобы когда-нибудь ты полюбила и узнала, что это такое, и чтобы твой мужчина был свободен. Если на твоём пути встретится не свободный мужчина, связанный семейными цепями, беги от него, как от проказы. Слышишь, беги! И не оглядывайся. Беги, как бы тебе ни было больно, потому что потом может стать поздно. Запомни, верный способ остаться одной, это попробовать заполучить чужого мужа.

- Хорошо, я учту все, что вы мне сказали. Я обязательно это учту.

Неожиданно Тамара обернулась и быстро проговорила:

- Ребята, пора действовать. Время пришло. Эта деревенщина окончательно вывела меня из себя!

Ничего не поняв, я попыталась рассмотреть, с кем она разговаривает, но за тонированными стеклами ничего не было видно. Из машины выскочили двое мужчин, одетых в черные маски, я вскрикнула и хотела было броситься к дому, но не успела. Они скрутили мне руки, сунули в рот кляп, затащили в машину и положили прямо на пол между передними и задними сиденьями и придавили меня ногами. От охватившего меня ужаса я закрыла глаза.

- Дорогая, никогда не вставай на пути у тех, кто по-настоящему любит, - послышался жесткий голос Тамары. - Никогда... Я предлагала тебе деньги, но ты не взяла. Нельзя быть такой жадной. Ты не захотела довольствоваться малым, не захотела денег. Ты захотела Якова. Дорогая, я же сразу сказала тебе, что никому его не отдам! Почему ты меня не послушала?

Машина взревела, как зверь, и понесла меня в неизвестность.

Глава 11

Я лежала уткнувшись лицом в пол и тяжело дышала. Мне было себя невероятно жаль... От жуткого отчаяния и невыносимой тревоги хотелось кричать. Но я не могла, потому что во рту у меня был кляп.

Мне так и не удалось заполучить этого богатого мужчину, хотя казалось, я была в двух шагах от намеченной цели. Моя роль безгранично преданной женщины, которая совершенно равнодушна к деньгам, не удалась... Я думала о Зое, о Тамаре, о Якове. О том, почему некоторым мужчинам всегда нужно больше одной женщины и почему любящий свою жену муж, никогда бы не бросивший семью, спит с другой женщиной и старается не разрушать ее надежд... Почему Зоя сносила все унижения? Безоглядно его любила? Получается, что любовь слепа... Бог мой, а ведь любовь действительно слепа! У нее просто-напросто отсутствует зрение. Считала ли Зоя свой брак удачным? Я видела ее всего один единственный раз в жизни, она произвела впечатление глубоко несчастной женщины. У меня было слишком много вопросов, но я не находила ответов...

Я знала, что понравилась Якову. Тому самому Якову, который знает толк в женщинах. Я удивила его... Смогла его удивить... В этом я не сомневалась. Он хотел, чтобы я осталась в его доме, потому что я была для него чем-то новым и необычным, настоящим сюрпризом. Я была и навсегда останусь для него загадкой. Загадкой, которую он не смог разгадать. Очень жаль, что нам с Яковым было отпущено так мало времени, что он так и не смог разбудить во мне чувства, растревожить мою душу и сердце... И конечно же жаль, что мы не смогли постигнуть вечную науку любви, не прочитали ее постельную азбуку... Я бы смогла стать для него феноменом, который постоянно открывает в любви что-то новое, все ее многочисленные грани. Одним словом, у нас все могло быть, но у нас ничего не получилось. Где-то там, вдалеке, остался роскошный дом, принадлежащий Якову. Только с первого взгляда он кажется раем, только с первого взгляда... Мои мысли становились сбивчивыми. Я лежала и чувствовала, как на меня давят чужие ноги. Сильные, накаченные, тяжелые. Будто символ того, что на меня всю жизнь давят мужчины. Давят меня своими ногами. Просто ставят на меня свои ноги и при желании могут их об меня вытереть.

Тамара не пойдет на мокрое дело и вряд ли прикажет меня убить, - вдруг подумала я. Вывезет куда-нибудь в лес, велит своим ребятам хорошенько меня побить, наговорит кучу угроз и с

пожеланиями никогда больше не встретиться навсегда уйдет из моей жизни. Тем не менее, мне было страшно. Я сжала голову руками и старалась справиться с нарастающей тревогой. Нет, Тамара никогда не пойдет на мокрое дело, не позволит меня убить. Она хочет меня испугать. Ей необходимо было убрать меня из дома, и она сделала это. Я попыталась поменять позу, дернуться и скинуть чужие ноги, но это оказалось невозможным.

- Ну что, мальчики, приехали, - услышался усталый голос Тамары.

Тамара вышла из машины и громко хлопнула дверью. «Мальчики» выволокли меня и швырнули на землю. Я огляделась и пришла в ужас. Мы были на городской свалке, огромной и вонючей, смрад был невыносимый. Мужчины подняли меня, Тамара встала напротив, поправила прическу и достала зеркальцу, чтобы припудрить свой носик.

- Ребята, вытащите ей кляп. Здесь она может орать сколько ей вздумается. Все равно никто не услышит.

Сунув косметичку в сумочку, она одарила меня надменным взглядом.

- Анжела, девочка моя, а ты, я смотрю, вся дрожишь. Тебе, что, страшно?

- Я не понимаю, зачем вы меня сюда привезли? - стараясь скрыть дрожь в голосе, проблеяла я.

- Я привезла тебя туда, где твое истинное место.

Тамара повела носом и сморщилась.

- Бог мой, воняет-то как! И как только здесь бомжи живут?! Наверное, уже приняхались. Деточка, для тебя, наверное, это родные запахи. Ты же родилась точно в таком же дерьме!

Я затравленно смотрела на Тамару, стараясь предугадать, как она поведет себя дальше.

К нам стали подтягиваться бомжи, еще недавно увлеченные разбором мусорных куч. Они не скрывали своего любопытства. Один, неопределенного возраста и пола, подошел к Тамаре вплотную и прокашлялся.

- Здравствуйте, люди добрые. Вы к нам по делу пожаловали?

- По делу, - пробурчала Тамара. - Катись прочь.

- Не могу. Я тут самый главный, это моя территория. Тут все порядки мои.

- Это свалка, какая тут территория... Проваливай!

- Это для тебя - свалка, а для меня - моя работа, мой дом. Я имею полное право спросить, для каких целей вы привезли сюда девушку. Провинилась, что ли?

Бомж осмотрел меня с ног до головы и игриво подмигнул.

- Так что, провинилась?

- Провинилась.

- И в чем она провинилась?

- В том, что хотела увести у меня мужика.
- Понятно. Дело житейское. Только к нам в первый раз такую провинившуюся привезли. Все больше тех возят, кто денег должен.
- А что, сюда часто возят? - В голосе Тамары слышалось разочарование. Наверное она думала, что способ мести, который она выбрала, самый изощренный и далеко не распространенный.
- Сюда возят каждый день.
- Так уж и каждый день?
- Ну, почти каждый день. Так вы ее, что... За это дело мочить, что ли, будете? - никак не мог успокоиться бомж.
- Да тебе-то какая разница?! Слышишь, отойди отсюда! Тоже мне, начальник помойки нашелся! - вскипела Тамара.
- Да, начальник! Я начальником был и начальником всегда останусь, - не меньше Тамары разозлился бомж. - Я тебя спрашиваю, ты свою соперницу мочить будешь или нет? Если мочить, то я на нашей территории это сделать не позволю. У нас здесь просто помойка, а не эшафот. К нам обычно готовые трупы привозят.
- Что к вам привозят?
- Готовые трупы. Привозят и нам отдают. Мы сами хороним их так, что комар носу не подточит, ни один мусорщик не найдет. Только, сама понимаешь, мы делаем это за соответствующую плату.
- А деньги вам зачем, если вы со свалки питаетесь и одеваетесь?
- Деньги всем нужны, - ухмыльнулся бомж. - На то они и деньги. На деньги можно себе и новую одежду купить, и новую пищу. И бутылочку чего-нибудь горячительного.
- Ты хочешь сказать, что сюда трупы каждый день привозят?! Никогда не поверю. Тогда это не свалка, а кладбище.

Трупы нам привозят не каждый день, а вот кого-нибудь наказывают каждый день или, точнее сказать, каждую ночь. Сюда обычно привозят людей пугать. Только чем их пугают, непонятно. Мусором, что ли? Так что, люди добрые, я вас сразу предупреждаю, пугать пугайте, а убивать я здесь не позволю. Это мое государство, и здесь я государь, а в своем государстве я учинять беспредел не позволю.

- Да не будет ее никто мочить! Проваливай отсюда! - все больше и больше теряла терпение Тамара. - Сами разберемся!

У меня отлегло от сердца.

- Я против ваших разборок ничего не имею, - продолжал бомж. - Если приехали пугать, то пугайте на здоровье. Пугайте, сколько вам влезет. Только пугаете вы на моей территории, в моем государстве. А нахождение на территории чужого государства денег стоит. Тем более, вы не просто ко мне в гости приехали, а разборы тут чините. Так что, люди добрые, надобно визу оплатить...

- Какую визу?! - Тамара покраснела от злости.

- Обыкновенную! Хочешь деревянными, а хочешь зелеными! - Представитель бомжовской группировки начал терять терпение не меньше Тамары.

- Да на кой черт тебе нужны зеленые, если ты на мусорке живешь?!

Не скажи, голубушка, зеленые нужны всем. И тем, кто на мусорке живет, и тем, кто в благоустроенных квартирах. Зеленый, он и в Африке зеленый. Мы раз в месяц отправляем одного из наших людей в город, чтобы поменять доллары на рубли, а рубли на натуральные продукты. Так что если, голубушка, ты кого из наших у обменного пункта увидишь, не удивляйся.

- Хорошенькая картина, - нервно засмеялась Тамара. - Бомж у обменного пункта!

- А ты как думала... Так что, давай плати по таксе и пугайте, сколько вам лезет. В вашем государстве есть свои законы, а в нашем - свои. И никуда от этих законов не денешься. Плати, красавица, как положено, а я работать пойду. Сегодня работы - непочатый край. Скоро еще одна мусороуборочная машина приедет. Время терять нельзя. Ты занимайся своим делом, а я своим. Ты мне деньги даешь, и я ничего не вижу и ничего не слышу. Только в последний раз повторяю, что беспредел чинить не позволю. У нас здесь все строго. Все, как в аптеке...

Тамара сморщилась, поправила прическу и проговорила злобным голосом:

- Слышишь, мужик! Пошел вон отсюда. Если бы ты у меня денег на бедность попросил, я бы и то подумала, давать их тебе или нет. А ты, я смотрю, тут вымогательством занимаешься. Нехорошо, мужик, ой не хорошо! За это и поплатиться можно...

Бомж раздул ноздри и принял угрожающую позу.

- Я на бедность давно не прошу. На бедность пусть бедные просят.

- А ты, значит, не бедный?

- Не бедный. Я начальник, а начальники никогда бедными не бывают.

- Начальник чего?! Мусорки?!

- Да хотя бы и мусорки...

- Тамар, может этому господину начальнику в бубен дать? - спросил один из державших меня мужчин. - Давай я ему хорошенько в бубен заеду, и дело с концом. Еще бы мы бомжей слушали!

Другие бомжи, стоявшие поодаль, подошли к своему товарищу и, как один, по команде, достали ножи. Тамара побледнела и посмотрела на державших меня мужчин растерянным взглядом.

- Ребята, да тут всем в бубен не дашь. Уж больно их много. Всех не перебьешь. Вон и другие начали подтягиваться. Порядок есть порядок. Мне кажется, что лучше заплатить. Сколько вам я должна? У вас определенная такса?

- У нас строгая такса. Ровно сто долларов. Хочешь долларами, хочешь рублями...

- Сколько?!
- Сто долларов?
- За что?!
- За то, что занимаешься незаконными действиями на нашей территории. Между прочим, твои действия под статью попадают. Так что, голубушка, плати по таксе и меня не держи. Мне работать надо. Сама знаешь, время – деньги. Меня и работа, и люди ждут, а я здесь простаиваю.
- А подешевле?
- Что подешевле?
- Мне кажется, ты крутовато берешь...
- Да это не я так беру. Такса такая. У вас там, в городе, ничего дешевле не бывает. У вас там все только дороже.

Тамара принялась рыться в сумочке.

- Вот жизнь пошла, – разговаривала она сама с собой. – На свалке и то нужно платить. Где ж на вас на всех денег-то наберешься! Еще никогда в жизни бомжам не платила. Достав деньги, она брезгливо протянула их бомжу и спросила:
- Надеюсь, ты сейчас уйдешь?
- Уйду. У нас все по справедливости. Только на бутылочку еще подкинь, и мы в расчете.
- На какую бутылочку?!
- На обыкновенную. Чего-нибудь горячительного. Сегодня грех на бутылочку не подкинуть. У нас завтра свадьба.
- Какая еще свадьба?
- Обыкновенная, – совершенно спокойно заявил бомж. – Ты что, не знаешь, какие свадьбы бывают? У меня сестра замуж выходит. Вон, видишь, какая красавица.

Бомж махнул рукой до неприличия запущенной женщине, разгребавшей мусор. Женщина, если конечно такую можно назвать женщиной, точно такого же неопределенного возраста, улыбнулась и игриво послала воздушный поцелуй.

- О, бог мой! Даже таких замуж берут... Тут черт знает сколько лет не можешь выйти замуж... А эта красавица, значит, выходит.
- Выходит! – хвастливо заявил бомж. —У нее поклонников много. Каждый добивался руки и сердца, но она отдала предпочтение Сереге. Он ее долго обхаживал и смог своего добиться.
- А свадьба где будет?
- Прямо в нашем государстве. Где ж еще. Дома. На родной земле. Гулять всю ночь будем. Пить, гулять, костры жечь.

- А где ж молодые жить-то будут? - Голос Тамары был полон сарказма.
- Мы молодым домик небольшой соорудили из картонных коробок...
- А если дождь пойдет?
- Если идет дождь, сверху клеенка натягивается.
- А зимой?
- До зимы еще дожить надо. Зимой мы себе другие дома мастерим, и костры круглосуточно жжем. Так что, даешь молодым на бутылочку?
- На, держи.

Тамара достала из карманы пятисотрублевую купюру, сунула ее бомжу и в очередной раз брезгливо сморщилась.

- Тут тебе на несколько бутылочек. Послушай, будь другом, сделай так, чтобы я тебя больше не видела.

Бомж вежливо раскланялся и удалился. Следом за ним ушли наблюдавшие за происходящим его собратья.

- Ну что, больше нам никто не мешает, - пропела Тамара с какой то дурацкой интонацией. - Отбуккайте ее хорошенько, пусть знает, что деревенские бабы не самые хитрые и что им совсем не все дозволено, как они о себе возомнили.
- Не надо! - Мои глаза налились слезами, подкосились колени.
- Надо, деточка моя. Надо...

Меня повалили на землю и стали бить ногами. Мужчины били вполне профессионально, нанося сильнейшие удары и не оставляя при этом следов. Я не знаю, сколько времени это продолжалось. Возможно, совсем немного, а возможно, целую вечность. Когда мои мучители закончили свою работу, Тамара поставила мне на грудь ногу, обутую в острую супермодную туфлю, и со злорадством произнесла:

- А теперь внимательно меня слушай, дура деревенская. Запомни раз и навсегда, я сохранила тебе жизнь, и ты должна мне быть благодарна. Чтобы я никогда тебя больше не видела и ничего о тебе не слышала! Даю тебе ровно двадцать четыре часа, чтобы ты уехала в свою деревню, навсегда покинула Москву. Навсегда. Если ты еще когда-нибудь появишься у дома Якова, то знай, пощады не будет. Когда я увидела тебя в первый раз, я сразу поняла, что ты не глупая девушка и все понимаешь с полуслова. Поэтому, дорогая, старайся быть послушной девочкой и ни мне, ни Якову не попадайся на глаза. А за то, что я немного поучила тебя уму-разуму на городской свалке, ты на меня зла не держи. Это чтобы ты не забывала о том, что не все коту масленица. Москва слезам не верит. Езжай на вокзал и проваливай в свою деревню. Если я узнаю, что ты осталась в Москве, жди новых проблем. И еще, девочка моя. Ты помнишь, что я тебе говорила по подводу знакомства с сантехником. Имей в виду. Это предложение остается в силе. Правда, я ничего конкретного тебе не обещаю. Потому что не каждый московский сантехник захочет залезть на деревенскую бабу...

Вытащив из сумочки две стодолларовые купюры, Тамара бросила мне их на грудь и, помолчав

несколько секунд, продолжила:

- Это я с тобой еще благородно поступаю. Думаю, что этих денег вполне хватит, чтобы добраться до твоей деревни. И еще... Если вздумаешь сунуться к ментам, знай, что тебя уже больше нет.

Не убирая своей туфли с моей груди Тамара вновь достала из сумочки пудреницу, припудрила носик и аккуратно подкрасила губы.

- Сегодня я с Яковом иду в ресторан. Он говорит, что я всегда потрясающе выгляжу. Особенно ему нравится цвет моей помады. Он сам мне его подобрал и сам всегда мне ее покупает.

Она одарила меня взглядом, полным презрения, и вместе со ждавшими ее мужчинами направилась к дороге, где стоял ее джип.

Глава 12

Некоторое время я лежала молча и не шевелилась. Подошла какая-то женщина, села рядом со мной и вылила мне на лицо немного воды. Затем протянула мне грязную бутылку и предложила немного выпить. Я яростно замотала головой и попробовала встать.

- Ты как? - голосом, полным сочувствия, поинтересовалась бомжиха.

- Паршиво.

- Выпей воды.

- Спасибо, не хочу.

- Может, тебе принести что покрепче?

- Нет. Спасибо.

Я села и придирчиво оглядела свое тело. Как ни странно, на нем не было ни единого синяка, только сильно болели внутренние органы. Ничего не скажешь, работали профессионалы. Не выдержав, я громко заревела, меня трясло, как в лихорадке. Казалось, каждая клеточка моего тела посылает мне сигнал бедствия. Я чувствовала себя униженной, растоптанной и страшно подавленной. Застонав, я встала на колени, подобрала две сто долларовые бумажки и сунула их в карман. Я возненавидела собственную жизнь и искренне сожалела, что до сих пор жива, уж лучше бы я умерла. Я чувствовала, как сильно обнажились мои нервы.

- Тебе больно? - напомнила о себе сидящая рядом женщина.

- У меня на душе больно...

- Я хорошо знаю, что это такое. У меня тоже часто душа болит.

Я посмотрела на грязную женщину и растерянно пожала плечами. От нее страшно разило. У нее были заплавленные глаза, пересохшие и потрескавшиеся до крови губы... Такие женщины годами не смотрятся в зеркало и совершенно не переживают по поводу того, как они выглядят. Они не пользуются косметикой и не нуждаются в креме... Такие женщины уже давно не женщины. А так, их жалкое подобие. Жалкое, грязное и крайне неприятное... В другой ситуации я бы не смогла сидеть с нею рядом, убежала. В другой ситуации... В другой, но только

не в этой.

- Откуда ты можешь это знать? Откуда ты можешь знать, что такое душа? – спросила я. Сознание мое туманилось.

- У каждого человека есть душа. И у тебя, и у меня, – совершенно спокойно сказала женщина.

- Но как она может у тебя болеть?

- Точно так же, как у тебя. Ведь мы с тобой очень похожи.

- Но чем?

- Мы обе – женщины. Вернее, мы обе родились на этот свет женщинами, нам суждено прожить сложную женскую жизнь. Мы отличаемся тем, что ты зависима. Ты принадлежишь не себе.

Ты принадлежишь тому миру, в котором живешь. А я свободна. Я свободна, у меня нет ни зависимости, ни ограничений. Ты никогда меня не поймешь, потому что ты никогда не жила на свободе.

- Что хорошего в твоей свободе? И для кого или от кого тебе нужно быть свободной? И что именно ты подразумеваешь под словом свобода? Что?

Я принялась перебирать подол платья, стараясь найти более чистое место, чтобы вытереть заплаканное лицо.

; - Свобода, она и есть свобода, – сказала мне женщина. – Она не может быть ни хорошей, ни плохой. Она засасывает быстро и из нее уже нельзя выбраться. Правда, бывают моменты, когда и у меня начинает болеть душа.

- О чем?

- О прошлой жизни.

- А кто у тебя остался в прошлой жизни?

- Семья. Муж, дети.

- И ты их бросила и ушла на свалку?

- Ушла... Понимаешь, одни рождаются свободными, а другие зависимыми. Так вот, я родилась свободной. Я не могу ограничиваться семьей.

- А как же твои дети?

- У них теперь есть новая мать.

- И ты никогда не пыталась их увидеть?

- Один раз попыталась.

- И что?

Из этого ничего не вышло. Мой муж не позволил мне даже приблизиться к ним. Иногда мне

кажется, что все это было не со мной. Вернее, было в другой жизни. А ведь это и в самом деле другая жизнь. Тогда у меня была одна жизнь, а теперь другая. Когда мой муж за мной ухаживал, просыпаясь по утрам, я находила на постели букет цветов. Если это была весна, были подснежники. Если зима – обязательно розы. Если осень – гладиолусы, если лето, то любые цветы. Мужики умеют красиво ухаживать... Умеют... Не все, конечно. Некоторые вообще ни черта не умеют. Да... Так было, когда он за мной ухаживал.

- А ты скучаешь по прошлой жизни?

- Не знаю. Может быть иногда. Тут очень быстро привыкаешь. Моя новая семья теперь тут. Послушай, а ты что натворила? Тебя сюда зачем привезли?

- Меня сюда привезли из-за мужчины, – усмехнулась я.

- Из-за мужчины... Значит, тебя привезла соперница.

- Что-то вроде того.

Все беды в этом мире из-за мужиков. Все. Чего ни коснись, куда не кинься, везде мужик нагадил. Я вот когда мирской жизнью жила, своего любила безбожно, детей ему двоих родила, а затем его со своей лучшей подругой застукала. Страдала страшно. Молодая была, глупая. Это теперь я знаю точно, что кобель, он и в Африке кобель, и если у этого кобеля в одном месте загорелось, то никакая семья его остановить не сможет. Я тогда пить стала безбожно, пыталась каждому встречному свою душу излить. А затем все чаще на рынок стала захаживать. Там, в конце рынка, у мусорных баков всегда бомжи грелись. Они были готовы меня слушать в любую минуту... Ты понимаешь, я искала сострадания. Я всюду искала сострадания, а нашла его именно там. Я смотрела на этих грязных, запущенных, дурно пахнущих, пьяных людей и никак не могла понять, почему они меня слушают. А те чистые, ухоженные люди, сидящие на лавочках во дворах, не хотели слушать ни единого слова, открыто говорили, что им чужие проблемы не нужны, у них полно своих собственных. Они бежали от меня, как от прокаженной, или просто-напросто гнали меня прочь... А ведь я ничего не просила и никому не делала зла. Я хотела только, чтобы меня выслушали. Выслушали, посочувствовали и дали совет.

Я понимающе кивнула женщине и на несколько секунд закрыла глаза. Я смутно понимала, где именно нахожусь, во сне или в реальности. Сажу на городской свалке рядом с бомжихой и разговариваю с ней по душам. Такое даже во сне не приснится. А если бы и приснилось, это был бы самый страшный сон в моей жизни.

- Все наши ошибки из-за мужиков, – как бы сама с собой разговаривала женщина. – Эти непростительные ошибки делают нашу жизнь глупой и ненужной. Знаешь, что самое страшное я вспоминаю о той жизни? – Женщина не дождалась моего ответа и продолжила. – Помню только, что я не смеялась и даже не улыбалась. Ты понимаешь, что это такое – не иметь положительных эмоций? Ты это понимаешь?

- Я еще не была замужем...

- И не торопись. Если тебе некуда идти, можешь оставаться у нас. Будем подружками.

- Где, у вас?

- В нашем государстве.

- В вашем государстве?!
- Только тебе придется работать. У нас лентяев не любят. Мы все находимся на самообеспечении.
- Еще скажи, что вы находитесь на самофинансировании.
- И на самофинансировании тоже. У нас здесь люди разные есть. Тут у одного мужика полный пиджак боевых наград.
- И этот пиджак его?
- Конечно, а чей же еще. Он в наш мир вместе со своей женой пришел. Приятная, милая старушка. Они с собой самое ценное сюда и принесли – пиджак с орденами. Больше у них ничего и не было. Этот пиджак висел на стене, надевать было некуда. Наденешь – люди смеются, дети пальцем показывают, мол, дед старый, из ума выжил. Теперь они у нас живут. И знаешь почему?
- Почему?

Потому что у нас этот пиджак уважают. Когда дед напивается, он встает перед этим пиджаком на колени, прячет слезы, ругает страшную жизнь и благодарит пиджак за то, что он помогает ему пережить неудачи. Даже здесь, на свалке, дед не очерствел и верит в счастье и вечную любовь. Дед-то этот на голову контуженный и ног у него нет. Он их на войне потерял. Понимаешь, здесь его все уважают и для всех он большой авторитет. Ему каждое утро все честь отдают. А что он в том мире видел? Да ничего, потому что никому до него не было дела. Пенсия мизерная. На работу не устроишься – ног нет. Конечно, такие, как он, должны милостыню просить, но не мог он, не мог! Не мог встать на колени, колен у него давно нет! Правда, он тут постоянно по ночам кричит во сне, просыпается... Просыпается и в который раз рассказывает жене о том, как погибли его боевые друзья.

- А как он к вам на свалку попал?
- Обыкновенно. Пришел металлические запчасти искать, чтобы этим хламом приторговывать и хоть как-то сводить концы с концами. Пришел и навсегда остался... А самое главное, что долгое время этот человек жил в одиночестве, потому что обществу он был совершенно не нужен, окружающим было на него наплевать. А здесь... Здесь он понял, что он не одинок, что здесь он нужен. Они с женой соорудили дом из картонных коробок и прекрасно вписались в наше общество. Он тут собирает пластиковые бутылки и банки с крышками. Сюда приезжают люди за товаром и немного платят. Он у нас окреп и на зиму себе очень хорошую землянку вырыл.
- Значит, летом вы живете в домах из картонных коробок, а на зиму роете землянки?
- Совершенно верно.
- А спите-то вы на чем?
- Как на чем? Делаем из тряпок кучи.
- Что-то вроде матрасов?
- Это и есть наш матрасы.

- Ну а тряпки вы где берете?
- На свалке тряпок, хоть обвешайся. Тут не только матрасы можешь делать, но и настоящие перины.
- Так уж и перины...
- Я тебе зуб даю, что перины.
- Да какие тут, к черту, перины?!
- Самые обыкновенные. Может и не такие уж мягкие, но для нас они просто царские.
- Перины на свалке... Кому скажи, не поверят.
- А ты и не говори никому. Главное, чтобы ты сама себе верила.
- Свалка... Господи, кто бы мог подумать, что я когда-нибудь окажусь на свалке. - Я тяжело вздохнула и обхватила голову руками.
- Все мы не думаем о том, что когда-нибудь можем оказаться на свалке. А знаешь, свалка не так страшна, как о ней говорят. - Бомжиха расплылась в беззубой улыбке. - Свалка всегда полна сюрпризов. И вообще, свалка - один большой сюрприз.
- Да какие здесь, к черту, сюрпризы!
- Самые настоящие.
- Ну и где они?
- Вываливаются из кузовов грузовиков с мусором.
- В том то и дело, что с мусором, - грустно улыбнулась я.

А этот мусор полон сюрпризов, - настаивала женщина. - В каждом грузовике можно найти что-то необычное, красивое. Вот я вчера такой шарфик нашла, что тебе и не снилось. Розовый, легкий, почти воздушный. Я его вечером надела и ходила, точно королева.

- Ты так говоришь, будто ты ходила в этом шарфике не по свалке, а по роскошному парку.
- Может быть. Когда находишь красивые вещи, совершенно не думаешь, где именно ты их нашел, на свалке или в парке. Иногда эти вещи вызывают такой восторг, что обитатели свалки и - за них дерутся.
- Зачем?
- Затем, чтобы ими завладеть. Каждый из нас переживает, когда не успевает добраться до грузовика первым. - Женщина посидела в молчании пару минут и продолжила:
- Знаешь... А быть может, я вру... - она смотрела куда-то вдаль, в ее глазах читалась печаль. - Понимаешь, мне здесь хорошо. Я здесь привыкла. Теперь это моя жизнь, и я сама ее выбрала. Но все мы, обитатели свалки, иногда закрываем глаза и начинаем верить, что когда-нибудь вернемся в нормальную жизнь. Мы все привыкли к смраду помойки, к грязи и временами даже не верится, что где-то есть нормальная жизнь. А иногда по ночам она нам снится. Понимаешь,

снится...

Поняв, что я больше не могу так сидеть и выслушивать откровения ни на шутку разговорившейся, что я должна что-то делать, я с трудом встала и потеряла онемевшее тело.

- Они тебе там внутренние органы не сильно помяли? - поинтересовалась бомжиха.

- Вроде бы все на месте.

- Значит, жить будешь. И зачем тебе такой мужик нужен?

- Какой?

- У которого много баб. Из-за которого бабы такие вещи творят. Хотя сейчас наверное бабы из-за любого мужика друг друга грызут. Мужиков нынче мало, а баб много. Вот бабы сами мужиков и испортили. Послушай, оставайся у нас. Мы живем тихо, мирно, никому не мешаем.

Я испуганно посмотрела на женщину и глубоко вздохнула.

- Нет. Спасибо.

- Как знаешь. Смотри, потом будет поздно, - предостерегла меня женщина.

- Я приехала в Москву для того, чтобы оказаться на самой вершине, но только не на самом дне.

- На вершине оказываются единицы. Если все будут на вершине, кто тогда будет на дне? И еще, многие из тех, кто был на вершине, затем с треском падают на самое дно.

Я посмотрела на босые ноги и вспомнила, что мои туфли слетели с ног и остались в машине. Я двинулась вперед, но почувствовала, как что-то острое впилось мне в пятку, и резко остановилась. Это было стекло. Я вынула его. Из ранки сочилась кровь, но я совершенно не чувствовала боли.

- Тут надо осторожнее. Очень много стекол, - заметила бомжиха.

Я подняла голову и огляделась. Разгребающие мусорные кучи бомжи побросали свою работу и с нескрываемым любопытством разглядывали меня.

- Хороша девка, - сказал кто-то совсем рядом. - Хороша! Хорошим девкам всегда хорошо достается... Видимо, падка на чужих мужиков. Вот и получила по заслугам.

Только теперь я с ужасом осознала, что все это - реальность, страшная, опасная действительность, а никакая не галлюцинация. Я поняла, что мне нужно бежать... Как можно быстрее отсюда бежать. Мало ли что могут сотворить со мной бомжи.

- Ну как, девка, очухалась?

- Да.

- Как самочувствие?

- Спасибо. Хорошо.

- Все цело?

- Все.
- Голова кружится?
- Спасибо. Мне уже лучше...
- И почему красивые бабы всегда на мужиков падкие? Их прямо хлебом не корми, дай с чужими мужиками потрахаться. Девка, а ты хоть из-за хорошего мужика пострадала?
- Мужик как мужик. Нормальный.
- Наверное крутой, если за него бабы так бьются. Сексуальный гигант. Силушка-то, наверное, в штанах дай бог каждому. Девка, трахается-то он хорошо?!
- Спасибо, хорошо, - с трудом выдавила я и стала пятиться.
- А ты свою соперницу на свалку привезешь?! Мстить будешь?!
- Нет, что вы... Я мстить не умею...
- Значит, отдаешь мужика?
- Значит, отдаю...
- А может кого из нас выберешь? Кто тебе больше приглянулся? У нас мужики честные, могут и замуж взять!

От страха сердце у меня билось так, что казалось может заглушить голоса бомжей. Я хотела позвать на помощь, но с ужасом поняла, что здесь неоткуда ждать помощи. Нужно было как можно скорее убираться отсюда, но я совершенно не понимала, как это сделать. Босые ноги вязли в мусоре, я едва передвигалась.

- Девка, ты куда собралась? - окликнул меня кто-то из бомжей. - Может, составишь компанию, а то нам здесь одиноко.
- Извините. Я не могу. Я тороплюсь.
- Куда торопишься? Остайся! Лучше, чем у нас, тебе не будет нигде!
- Я тороплюсь...

Я огляделась по сторонам. Кругом мусор и едкие клубы дыма. Определить, где находится шоссе, я не могла.

- Вы что до девчонки цепляетесь?! - вступилась за меня женщина, предлагавшая мне воду. - Что вам от нее надо?! Это моя подруга!

Она обняла меня за плечи и смачно сплюнула.

- Кто посмеет ее тронуть, пусть считает, что тронул меня! Ну, кто первый?

Бомжи замерли, удивленно глядя на мою защитницу.

- Да какая она тебе подруга?! Ее только что привезли сюда! Когда подружиться-то успела?!

- Я сказала, что это моя подруга и баста! Девке и так плохо, а вы еще масла в огонь подливаете! Ее мужик обидел. Понимаете, мужик! А мужики, они обижать умеют! Это я на себе испытала, и я за свои слова отвечаю. Они так обидеть могут, что потом вся жизнь пойдет кувырком. Вы же всегда сострадать умели, так что же теперь с вами случилось! У девки, может, теперь вся жизнь пойдет наперекосяк! Мы здесь собрались потому, что мы все люди... Все... Мы люди! А к нам сюда приезжают нелюди! Мы ушли от обычной жизни, потому что хотели остаться людьми! Только нелюди привозят сюда трупы. Только нелюди привозят сюда слабых, пугают и бьют их. Посмотрите на эту девушку! Посмотрите на ее грустные глаза, попытайтесь в них заглянуть, и вы увидите, как глубоко она несчастна. Ее предали, унизили и растоптали. Нелюди привезли ее, так неужели мы, люди, сможем сделать ей плохо... Неужели?!

Женщина замолчала. Молчали и бомжи.

- Короче, кто тронет ее пальцем, будет иметь дело со мной.
- И как зовут твою подругу?
- Как тебя зовут? - бомжиха по-прежнему не убирала руку с моего плеча.
- Анжела.
- Анжела, я Вера. Не бойся. Тебя тут никто не тронет. Ты хочешь вернуться домой?
- Хочу.
- Не хочешь остаться с нами?
- Нет, думаю, что мне еще рано.
- Смотри. Если тебе будет совсем плохо, можешь всегда на нас рассчитывать. Тяжело - приходи к нам.
- Спасибо.

Вера убрала руку с моего плеча и смачно высморкалась прямо на землю.

- Где ты живешь?
- Я очень плохо знаю Москву и очень давно не была дома. Я снимаю квартиру. Но я знаю свой адрес.
- Значит, ты не москвичка?
- Нет. Я сама деревенская.
- Я тоже деревенская, - улыбнулась беззубой улыбкой Вера. - Я в деревне прожила свои лучшие годы.
- Скажите, а здесь далеко до трассы?
- До основной трассы далеко. Пешком долго идти. Попутки сюда тоже редко заглядывают. Единственный способ побыстрее отсюда выбраться, так это дожидаться очередной мусороуборочной машины. С ней можно не только до трассы, но и до самой Москвы доехать.

Можно, конечно, и на крутой тачке уехать. К вечеру опять кого-нибудь на разборку привезут. Попугать, уму-разуму поучить.

Я очень плохо соображала. Чувствовала только, что больше не могу пребывать в этом страшном кошмаре. У меня не хватит ни сил, ни терпения, чтобы дождаться очередной мусоровоз. Я пыталась взять себя в руки, но у меня ничего не получалось. Ничего.

- Ну что, будешь ждать? - Голос моей так называемой подруги вернул меня в реальность.

- А через сколько она будет?

- Не знаю. У меня расписания нет. Они сегодня до обеда каждые пятнадцать минут ездили. После обеда намного реже... А то смотри, может, на свадьбу останешься? Завтра весело будет. Вся свалка гулять будет.

- Нет, спасибо. Мне надо срочно вернуться.

- Как знаешь. Завтра тут даже гармошка играть будет.

Я беспомощно улыбнулась, обвела бомжей уже менее испуганным взглядом и немного сбивчиво произнесла:

- Ребята, вы очень добрые и человечные. Спасибо вам за то, что вы ничего не сделали мне плохого. Спасибо. Можно, я пойду? Вы меня и правда отпускаете?

- Куда?

- Пойду до трассы пешком.

- Так до ночи будешь идти!

- Ничего страшного. Пусть даже до ночи. Я все равно пойду.

- Будет безопаснее у нас пересидеть, чем одной до трассы идти. - Вера вновь положила руку на мое плечо. - Послушай, у тебя же деньги есть. Я их у тебя видела. Я не ошиблась, есть у тебя деньги?

- Есть.

- А адрес ты свой помнишь?

- Конечно, помню.

- Ну вот и хорошо.

- Что ж хорошего-то?

- Такси можно вызвать.

- Такси?!

- Ну да, если у тебя деньги есть.

- Но ведь для того, чтобы вызвать такси, надо иметь телефон?

- Есть у нас телефон, главное, чтобы деньги были.

Вера посмотрела на стоявшего неподалеку бомжа, того самого, который представился начальником помойки и брал мзду с незваных посетителей его территории.

- Послушай, Георгий, дай телефоном воспользоваться. Нам надо такси вызвать.

- Телефон денег стоит, - сердито произнес Георгий.

- А мы у тебя ничего за бесплатно и не просим. Анжела, дай ему деньги.

В кармане моего платья лежали две стодолларовые купюры. Я достала одну из них и протянула начальнику свалки. Он посмотрел купюру на свет, попробовал на язык и сунул ее в карман. Затем порылся в огромных карманах бесформенных штанов и достал мобильный телефон. Протянув его мне, он смачно сплюнул и прохрипел:

- Только не долго. У меня уже батарея разряжается, а с подзарядкой здесь целая проблема. Подзаряжать тяжело. В моем государстве с электричеством напряженка. Приходится на базу ходить подзаряжать. А за это платить надо.

Мне показалось, что я просто сошла с ума. Я не могла поверить, что держу в руках мобильный телефон. Кто бы мог подумать! Свалка, бомжи и... мобильный телефон.

Начальник свалки не мог не заметить мое удивление и пояснил:

- Ты, девка, не удивляйся. Сейчас время такое. Без связи - никуда. Этот мобильник я в кармане у одного жмурика нашел.

- У кого?!

- У одного жмурика.

- А кто такой жмурик?

- Жмурик - это труп, - важно пояснил мне начальник свалки. - Нам привезли одного жмурика закопать, а из его кармана телефон не вытащили. Правда, он был отключен, но это пустяк. Сейчас телефон включить проще простого.

Я подумала, что жмурик был не из бедных. Телефон дорогой. «Нокиа» последней модели.

- Это «Нокиа». Новый совсем, - сказал бомж.

- Я вижу.

- Мы карточки билайновские покупаем. Очень удобно.

Я взяла и тяжело вздохнула.

- Чего не звонишь? - удивилась Вера.

- Да сюда ни одно такси не поедет.

- С чего ты взяла? Ты же не за бесплатно поедешь.

- Но как я назову адрес?
- Назови, как есть.
- Что, прямо так и сказать - городская свалка?
- Так и скажи.
- Диспетчер подумает, что это розыгрыш.
- Ты говори серьезным голосом и никто ничего не подумает.
- Я не смогу.
- Дай я!

Вера выхватила у меня трубку, набрала справочное, а затем позвонила в заказ такси.

- Але, девушка, здравствуйте. Вы знаете, я работаю на базе, находящейся на территории свалки. У меня не заводится машина. Вы бы не могли прислать такси? Куда ехать?..

Я спешно назвала Вере свой адрес, она продиктовала его диспетчеру. Отдав трубку Георгию, Вера похлопала меня по плечу.

- Ну все, подружка, не переживай. Карета в течение часа будет.

Я посмотрела на Веру взглядом, полным бесконечной благодарности, и почувствовала, как на мои глаза набежали слезы.

- Спасибо. Спасибо тебе огромное. Ты мой адрес запомнила?

- Запомнила.

- Если захочешь вернуться в жизнь, приезжай. Я обязательно тебе помогу.

- А ты если хочешь уйти от той жизни, приезжай тоже. Я тоже тебе помогу, - по-доброму улыбнулась Вера. - Тебя ж здесь никто не обидел?

- Нет, - покачала я головой.

Потому что мы тоже ЛЮДИ. ЛЮДИ! Просто никто не хочет этого понять!!! Никто! Мы не хотим жить, как все! Мы хотим жить в своей стране и по своим законам!!! Так что, Анжелка, смотри, в следующий раз будь осторожна! В том мире, в котором ты живешь, живут НЕЛЮДИ. Понимаешь, НЕЛЮДИ! И с мужиками будь осторожнее. Никогда не доверяй мужикам! Никогда! Если доверишься, очутишься здесь, среди нас!

Вера взглянула на Георгия и неожиданно закричала что было сил:

- Георгий, где твой гребаный магнитофон?!
- Как где? Где всегда, - захлопал глазами Георгий.
- Тащи его сюда!
- Зачем?

- Танцевать будем!
- Танцевать?!
- Вот именно! Ко мне подруга не каждый день приезжает!

Георгий побежал за магнитофоном, а шустрая Вера скинула с себя бесформенный свитер, точно такие же бесформенные штаны и осталась в одной рваной ночной рубашке. Через несколько минут появился Георгий с магнитофоном и бутылкой шампанского. Увидев шампанское, Вера радостно хлопала в ладоши и закричала:

- Молодец Георгий! Молодец! Ты самый настоящий мужик! Самый настоящий из всех мужиков, которых я только знала!
- Я подумал, что тебе не грех выпить шампанского... Ты же не каждый день лучшую подругу в путь провожаешь, - пробубнил Георгий, с треском открыл бутылку, протянул ее Вере и включил музыку. Вера сделала несколько глотков из горла и протянула бутылку мне. Я последовала ее примеру.
- Анжелка, ты танцевать умеешь?
- Умею.
- Тогда давай, забаваем что-нибудь.
- А ты умеешь?
- Умею. Я раньше знаешь где работала?
- Где?
- В стриптизе!
- В стриптизе?!
- А ты думала как?!
- Круто! А где?
- В «Грезах»!
- Солидно!
- А ты думала! Я именно там со своим мужем познакомилась! Я ему приваттанец танцевала. Короче, я так танцевала, что он в ту же самую минуту в меня влюбился! На коленях стоял, цветами задаривал. Умолял, чтобы я стриптиз бросила и замуж за него вышла... Вот я и сделала, как он хотел... Дома сидеть стала, детей рожать, семейный очаг хранить... Ну и получила по заслугам. Молодая была, дурная, не знала, что у мужика на поводу никогда нельзя идти. Они ж, кобели, женских жертв вообще не понимают. Ой не понимают! Это я потом поняла, слишком поздно я это поняла.
- Верка, так ты ж еще совсем молодая. Сколько лет тебе?
- В этом году тридцатник будет.

- А я думала полтинник...
- Что, плохо выгляжу?
- Как тебе сказать... Неужожено, что ли...
- А мне плевать! Мне уже на все плевать! Главное, что у меня душа молодая! Это самое главное. В душе мне восемнадцать. Понимаешь, восемнадцать?! Так мы сегодня танцевать будем?
- Будем!
- Ну что, вперед?
- Вперед! - крикнула я, и мы с Веркой задвигались в такт музыки.

Бомжи, встав в круг, громко хлопали в ладоши и громко орали:

- Молодцы бабы! Молодцы!!!

Мы с Веркой танцевали, передавали друг другу шампанское, пили его из горла. Я отчаянно танцевала, забыв про отбитые внутренности, совершенно не чувствуя боли и... плакала. Королева осталась без королевства, опустилась на самое дно... Мечта о сказочном принце, который распознает во мне королеву и возьмет к себе в свое королевство, улетучилась. Слезы лились все сильнее и сильнее. Я расставалась с мечтой, а с мечтой невыносимо больно расставаться. На то она и мечта.

- Анжелка, давай резче, резче давай!!! - кричала Верка, судорожно извиваясь в танце.
- Даю, Верка! Ох, даю! Даю!!!
- Анжелка, ты мне обещаешь, что больше никогда не будешь доверять мужикам?!
- Обещаю!!!
- Если бы ты знала, что я пережила, когда своего с лучшей подругой в постели застукала! Если бы ты знала! А что он ей говорил! Что говорил-то! Он мне такого никогда в жизни не говорил! Никогда! Ни когда я первого ребенка ему рожала, ни когда второго! Уверял, что говорят о своих чувствах ради показухи, любовь надо делами доказывать, поступками! И доказал... Он мне все доказал! Что он ей говорил! Что говорил! А куда он ее целовал!!!

Анжелка, если бы ты знала, куда он ее целовал!!! Он меня ни разу туда не поцеловал, как бы я ни просила! А ее прямо вылизал всю, словно она медом намазана!

Допив шампанское, Верка швырнула бутылку в сторону и крикнула:

- А ну, народ, не надоело глазеть?! Выходите-ка все танцевать!
- Завтра на свадьбе напляшемся, - стали отнекиваться бомжи.
- Свадьба свадьбой, а моя подруга подругой! Георгий, чего стоишь?! Ты же всю жизнь в ансамбле русской песни и пляски танцевал!
- Так это когда было...

- Какая разница, когда это было... Главное, что раньше одна пляска была, а сейчас совсем другая! А ну, народ, выходи танцевать!

Бомжи, один за другим, подчиняясь Веркиному разудалому настроению, включались в танец. Мы с Веркой обнялись, начали раскачиваться из стороны в сторону и заботливо вытирали друг другу слезы.

- Анжелка, ты к этому мужику не возвращайся! - Верка пыталась перекричать громкую музыку.

- К какому?

- К тому, из-за которого тебя сюда баба вывезла!

- Не буду!

Вот и правильно, пусть она сама с ним долбится! У нормального мужика есть только одна женщина! А если у мужика их две, и он между ними мечется, как дерьмо в унитазе, грош цена ему! Да и не мужик он вовсе!

Неожиданно Георгий выключил магнитофон и выкрикнул:

- Тихо, мобильный звонит! Тихо!!!

Все резко остановились и замерли. Георгий выслушал абонента и склонился в мою сторону:

- Барышня, ваша карета подана! Доброго пути!

До такси мы шли всем скопом. Георгий нес громко кричащий магнитофон. Мы с Веркой шли обнявшись и пританцовывая, а следом за нами пританцовывала наша честная компания... Увидев эту картинку, таксист так перепугался, что никак не мог достать сигарету из пачки.

Я прощалась с Веркой, с Георгием и со всеми остальными. Они стали мне по-настоящему близки.

- Нет, Анжелка, мы не прощаемся! - кричала Верка. - Мы говорим друг другу «до свидания»! Бог даст, свидимся! Ты если в «Грезях» будешь, увидишь девчонок стриптизерш, спроси, кто Верку помнит. Если помнят, передавай привет! Скажи, что я их очень люблю! Они мне иногда по ночам снятся! Скажи, мол, видела Верку, она живет хорошо. На жизнь не жалуется. Живет, как может.

Верка всхлипнула, в ее глазах появились слезы.

- Скажу, Верочка, не переживай. Я все скажу.

Скажи, милая, скажи... Анжелка, запомни наш мобильный. Позвони как-нибудь... Может, в гости соберешься, звони, мы тебя встретим. Может, просто душа у тебя заболит и тебе поговорить захочется. Я же знаю, как страшно может болеть душа. Ой, как она иногда болит... Как болит... В такие минуты надо, чтобы кто-то тебя обязательно выслушал, но там, куда ты едешь, никто слушать не будет. Там народу полно, но никто никого не слышит. Каждый слышит только себя и никого больше! Звони. Обязательно звони, только в себе не держи! Слышишь, это очень плохо! У нас Билайн, а в Билайне входящие звонки с мобильных бесплатные.

- Но у вас же с подзарядкой проблемы. С электричеством тут особо не разгуляешься.
- Не переживай. Георгий на базу лишний раз сходит, подзарядит. В конце концов не каждый же день звонить будешь.
- Хорошо. Я позвоню.
- Запомни номер!
- Запоминаю!
- 8 903...

Глава 13

Когда мои новые друзья и их место обитания скрылись, я устроилась поудобнее и постаралась собраться с мыслями. Случился не самый лучший эпизод моей жизни. Еще один не самый лучший эпизод. И в этом эпизоде опять был мужчина. Получается, что все беды у меня из-за мужчин... Написаны тысячи книг, которые женщины читают не в самые легкие времена своей жизни. Во времена страшных переживаний, метаний, страданий и разочарований. Но почему никто до сих пор не создал реальный учебник женских побед на любовном фронте?! Говорят, что свою судьбу нужно вершить самому. Вот я ее и вершу, только ничего хорошего из этого не получается. Творю, как могу. Сотворила такое, что только чудом осталась жива.

Чтобы завоевать мужчину, его нужно в себя влюбить, затем женить, а дальше его нужно удержать. Влюбить в себя мужчину довольно непросто, это стоит времени и усиленного труда. Женить мужчину еще тяжелее. Тут требуется женская смекалка, природная хитрость и отточенное на других мужчинах женское актерское мастерство. А удержать мужчину тяжелее всего... Это очень большой труд, потому, что романтическая влюбленность с годами рассеивается, наступают серые будни и тогда каждой женщине приходится работать на ниве любви за двоих. Мужчины на этой ниве, к сожалению, работать не любят и не хотят. Женщина ищет ниточки, внимательно их нащупывает, а когда находит, начинает за них тянуть, заставляя мужчину вращаться вокруг своей персоны.

Мне было невыносимо тяжело. Меня трясло, руки заледенели. К горлу подступала тошнота. Все, что произошло в последнее время, навалилось на меня так, что я даже не представляю, как мои бедные тонкие плечи смогли это вынести. Побывав на городской свалке, я стала казаться себе марионеткой с перерезанными нитками. Как жить дальше? Как?! – пронеслась у меня в голове. Говорят, смириться можно с чем угодно, буквально со всем, но как можно смириться с тем, что тебя растоптали, унизили, бросили на помойку?! Перед глазами опять встал Яков. Красивый, властный мужчина с умным, пронзительным взглядом, изящными манерами светского льва со стажем, умеющий стильно и элегантно одеваться, пахнущий головкружительно одеколоном... А самое главное – свободный. Голова моя закружилась. Вера Анисимовна права, такие мужчины редко бывают свободными. Нужно ловить момент. Если ты его не поймашь, его обязательно поймают другая женщина. С таким мужчиной стоит лишь обменяться взглядом и тут же чувствуешь, как по твоему телу прошел ток. А я... Я не просто обменялась с ним взглядом, я была в его постели. И я смогла его заинтересовать. Мне казалось, что он очень страдает от одиночества. Смерть жены разрушила его привычный мир. Ему придется попробовать начать жить сначала... Все же он далеко не безгрешный человек и сделал в этой жизни слишком много неправильных шагов. На протяжении долгих лет он имел любовницу, которой уделял намного больше внимания, чем жене. Его брак не был безоблачным. Я подумала о Тамаре. Эта женщина сочетает в себе довольно противоречивые

качества. Например, кротость и жестокость, строгость и порочность. Она кого-то мне напоминает. Я сосредоточилась и, наконец, поняла. Она похожа на дьяволицу-искусительницу, которая уничтожает всех, кто стоит у нее на пути и мешает достижению ее цели. А цель у нее одна и этой целью является Яков. Именно Яков. Интересно, какая она при Якове? Наверное, не такая уж деловая, независимая, совершенно ни в ком не нуждающаяся женщина. Мне кажется, что при нем она перевоплощается в его тень, в обволакивающее облако, показывает зависимость от человека, которого она хочет видеть рядом. Такая женщина никогда не может раствориться в мужчине, но она может создать иллюзию этого. И мужчина не сможет ей не поверить. В этой женщине есть идеальное сочетание ангельского и демонического начала. Похоже, она не умеет проигрывать... В этом я смогла убедиться сегодня воочию.

Я совершенно не обращала внимания на таксиста. Мне было наплевать на то, что он обо мне думает. Какое, собственно, это имеет значение? Мне просто хотелось закрыть глаза и больше ничего не видеть и не чувствовать. Не чувствовать ни страха, ни отчаяния, ни обиды, ни охватившего меня ужаса, который прочно засел в моем подсознании. Я больше не могла думать о своей жизни, вернее, даже не о жизни, а о том, что от нее осталось. Я устала. Я слишком устала. Я была глубоко несчастна, опустошена, уничтожена и одинока. И все же я знала, что мне нужно выжить, не сгореть от жуткой ненависти к этому жестокому миру, заполнившей мою усталую душу.

- Я первый раз на такой заказ приехал, честное слово! - Таксист говорил и смотрел на меня в зеркало заднего обзора. - На какие только ни ездил, чего только ни видел, а на городской свалке впервые. Девушка, скажите, все это мне приснилось или было на самом деле?

- Все это было на самом деле...

- Неужели вы одна из них?

- А что, похожа?

Таксист улыбнулся.

- Ну как вам сказать... Вы тоже, конечно, не очень... Но немного почище будете. Может, вы просто не хотите выделяться на их фоне?

- Может быть... Я не одна из них. Я просто ездила в гости.

- В гости?

- Ну да. Что здесь удивительного?

- Это ваши друзья?

- Да, это мои друзья, - с уверенностью ответила я. - Каждый может быть одним из них. Мы - это потенциальные они...

- Не скажите. Опуститься на самое дно проще всего, а вот выстоять... Нужно уметь выстоять в любых ситуациях и всегда оставаться человеком.

- Возможно вы правы. В этой жизни у каждого из нас есть своя правда. У каждого своя.

- А насчет звонка с мобильного мне тоже не приснилось?

- Не приснилось.

- Вот это жизнь! – Таксист задохнулся от смеха. – Прямо век науки и техники! Даже у бомжей мобильники есть! Кому расскажешь, не поверят.

- А вы и не рассказывайте никому.

- Конечно, зачем рассказывать, если все равно никто не поверит. И часто вы к своим друзьям ездите?

Таксист вновь посмотрел в зеркало, брезгливо сморщился и открыл окно.

- От меня дурно пахнет? – спросила я.

- Ну как вам сказать...

- Говорите, как есть.

- А вы что, сами не чувствуете?

- Нет. Я уже приноухалась.

- Тогда вам легче.

- Если бы я знала, что не очень хорошо пахну, я бы заказала кабриолет с открытым верхом.

- И он приехал бы прямо к помойке, – иронично заметил таксист.

- Вот именно. Он приехал бы прямо к помойке.

Я откинулась на спинку, закрыла глаза и усталым голосом произнесла:

- Знаете о чем я вас попрошу?

- О чем?

- О том, чтобы вы помолчали. Обиженный таксист замолчал, а я снова стала думать о том, как глубоко я несчастна. Природа создала меня по всем канонам красоты, но закинула в глухую провинцию и не наградила самым главным, что так необходимо женщине. Природа не наградила меня счастьем. Не наградила и все.

Чем ближе я подъезжала к Москве, тем больше и больше меня охватывало чувство бесконечного одиночества, с которым я никак не могла справиться. Я знала, я ощущала, я понимала, что все трудности, которые навалились на меня в последнее время, все больше и больше сводят меня на нет. Мое сердце сжималось от жуткого разочарования. Как грандиозны были мои мечты и как ничтожны и жалки оказались мои успехи. Моим мечтам никогда не суждено воплотиться в жизнь, королеве-самозванке никогда больше не обрести свое надуманное королевство...

Мы подъехали к дому, где я снимала комнату. Я вынула из кармана мятую стодолларовую бумажку и протянула ее таксисту.

- Спасибо. Сдачи не надо.

- Это мне?! - не поверил собственным глазам таксист и поспешил спрятать купюру. - Спасибо, девушка, спасибо. Если еще своих друзей захотите проведать, заказывайте именно мою машину. Я вас с превеликой радостью подвезу, тем более маршрут теперь хорошо знаю. Мы же с вами понимаем, что в такую глушь не каждый водитель поедет. А друзья у вас хорошие... Их и в самом деле проведывать надо, а то они обижаться начнут, скучать. Вы к ним почаще приезжайте. Они же тоже люди и ни в чем не виноваты. Просто судьба так распорядилась. Сами по себе они люди неплохие, просто выбрали именно такой образ жизни. Ведь все жизнь по-разному понимают. Я как-то вез девушку легкого поведения, проще говоря путану, с ночной работы домой, спрашиваю, что такое жизнь, а она мне сказала, что жизнь - шлюха. Вез новобрачных из ЗАГСа, так они сказал, что это любовь. Крупный вор обозвал жизнь воровской сукой. А один известный депутат считает, что это халява. Сплошная халява. И точно. За проезд мне не заплатил. Я ему говорю, мол, господин хороший, по счетчику заплатить бы надо, а он мне ответил: «Государство за все заплатит» и ушел. Я сижу, как дурак, не знаю, что делать. То ли за ним бежать по фэйсу ему надавать, то ли из своего кармана заплатить... Уж больно депутат этот был известный. Его каждый день по телевизору показывают. Девушка, а вы запишите мой телефон, чтобы меня напрямую вызывать. Я вас к вашим друзьям с преобладающей радостью отвезу. Запишите...

- Спасибо, не надо, - отрезала я и вышла из машины.

- Девушка!

Я не знала, что меня ждет. Я сняла комнату на месяц, а прошло уже два. Возможно, в мою комнату поселили кого-то. На улице начинает темнеть, куда же мне деваться? В квартире должна быть Галина... Я нажала на кнопку звонка и затаила дыхание.

Дверь открыла Галина, она громко ахнула и схватилась за сердце.

Несколько часов мы говорили и никак не могли наговориться. Галина внимательно слушала и не сводила с меня глаз. Когда я закончила свой рассказ, она перевела дыхание и вытерла выступивший на лбу пот.

- Ну, мать, ты даешь. Прямо как в том детективе. Убийство Александра, похороны какого-то криминала в лесу, убийство жены этого Якова... И ты на городской свалке...

- Кто бы мог подумать, что моя московская эпопея закончится на городской свалке... - Я улыбнулась сквозь слезы. - Кто бы мог подумать...

- Да еще на какой свалке! - рассмеялась Галина. - На свалке, где живут крутые бомжи, которые гуляют свадьбы на широкую ногу, пьют шампанское из горла и говорят по мобильному телефону.

Я подошла к зеркалу и посмотрела на свое малопривлекательное отражение. Галина открыла балконную дверь.

- От меня пахнет? - спросила я.

- Нет.

- Тогда зачем ты открыла балкон?

- Потому что от тебя не пахнет. От тебя воняет.

- Чем?
- А ты сама как думаешь?
- Я думаю, что от меня пахнет не вкусно.
- Что-то вроде того. Чем разит в тот момент, когда ты подходишь к мусорному баку, чтобы выкинуть мусор.?
- Ну у тебя и сравнения!
- Значит так, лягушка путешественница, слушай меня внимательно. В твоей комнате уже живут другие люди...
- Как?
- Так. Это Москва. Тут все делается быстро. Тем более цена невысокая. Народ сейчас бросается на все, что подешевле. Поживешь пока у меня. А я уж не знала, что и думать. Хотела в милицию заявить, да не стала, потому что ничего про тебя не знаю. Пробовала по телефону звонить, по тому мобильному, на который мы в прошлый раз названивали, а он недоступен.
- Ты звонила Александру?
- Конечно. Откуда я могла знать, что его убили...
- Я оглядела свою грязную одежду и сказала сквозь слезы:
- Я у тебя переночую, а там что-нибудь придумаю. Мне неудобно тебя стеснять.
- Ой, не говори ерунды! Куда ты пойдешь, если у тебя денег нет?!
- Я даже не знаю...
- Поживи пока у меня, а там видно будет. Я тебя устрою на рынок. Торговать будешь. Заработаешь денег и снимешь жилье.
- Ой... Я теперь всю жизнь буду твоей должницей. Всю жизнь...
- Не говори ерунды, - снова отмахнулась Галина. - Как я могу тебя на улицу выкинуть, если ты столько всего перенесла?! Как?! Я же не сука московская, которая вконец омосквилась и может человека в ночь просто так выставить. Если я тебя оставляю, значит оставайся. Только на работу устройся, чтобы на шее у меня не сидела.
- Я сразу куда-нибудь устроюсь. Обещаю. Никакой работой брезговать не буду. Хоть полы мыть, хоть торговать, хоть дворником - подметать. - Я говорила и чувствовала, как мои глаза все больше и больше наполняются слезами.
- Для дворника ты шибко красивая.
- Ну и что... Это же так приятно будет глаз радовать... Красивый дворник... Любо дорого посмотреть.
- Хорошо, что ты хоть сейчас поняла, что тебе в Москве зацепиться надо. Любым способом.

- Галочка, я все понимаю. Если бы ты только знала, как я в свою деревню ехать не хочу. Как не хочу...

Не выдержав, я встала, положила голову Галине на грудь и заревела. Она осторожно погладила мои слипшиеся, грязные волосы, сморщилась и пробурчала:

- Ну, не реви. Не реви. Все будет хорошо. Я тебе обещаю, все будет хорошо. Будет и на нашей улице праздник. Жизнь, она полосатая. Сегодня черная, а завтра будет белая.

- Ни фиги, - заревела я еще громче. - У меня она постоянно черная.

- Значит, скоро будет белая.

- Думаешь, будет?

- Конечно будет.

- Тогда почему она так долго черная?

- Потому, что это Москва. Понимаешь, Москва? Не реви, я сказала. Не реви. Москва слезам не верит! Не верит она им и все!

- Галина, ну почему они решили, что со мной можно поступать таким образом?! Только потому, что за моей спиной никто не стоит?! Потому что у меня нет ни флага, ни Родины, что я провинциалка?! Поэтому?!!

- Ты о чем? - устало спросила Галина.

- О Тамаре, о Якове и об им подобных.

- Ты еще очень легко отделалась. За любовь могут убить. Есть такая категория сумасшедших баб, они готовы сесть за решетку, лишь бы их избранник оставался их собственностью, даже если он сам хочет от них уйти. Милая, тебе еще повезло.

- Да уж, повезло...

- Я тебе говорю, повезло. Могло быть намного хуже. Считай, что ты отделалась легким ушибом или как там говорят, легким испугом.

- Хорошенький легкий ушиб! Мне кажется, что у меня все ребра переломаны и все органы разорваны!

- Если бы так было, ты бы не смогла встать, не то что доехать до моего дома. Я же тебе говорю, что это просто ушибы, и били тебя профессионалы. Потому что нет следов.

- А этот Яков...

- Что Яков?!

Этот гребаный Яков... Какого черта он свалился на мою голову? Он в меня стрелял. Если бы я не разыграла амнезию, то еще неизвестно, чем бы все закончилось. Он поверил в то, что я ничего не помню. Подсознательно я сразу уловила, что он очень опасен.

- Молодец. Значит, ты сыграла крайне правдиво. Не понимаю, почему ты захотела быть

манекенщицей, а не актрисой. Обычно все провинциалки осаждают театральные институты...
Читают басни, стихи, монологи, изображают этюды...

- Ты надо мной смеешься?

- Нет. Думаешь, я не мечтала стать известной артисткой? Мечтала! Да ты найди кого-нибудь, кто бы не мечтал...

- Ты не дослушала про Якова...

- Ну и что там с Яковым?

- После всего, что произошло, он хотел откупиться от меня деньгами, - немного брезгливо сказала я.

- И что тебе не понравилось? Очень даже хорошая форма откупа. Мне нравится, когда мужчины откупаются именно таким способом. Это говорит об их нормальном отношении к жизни.

- Но ведь он в меня стрелял...

- Тем более. Он должен был дать тебе очень хорошую сумму, чтобы ты раз и навсегда забыла о том, кто именно в тебя стрелял и за что. Милая, за то, что он с тобой сотворил, он должен был хорошо тебе заплатить.

- Ты измеряешь все произошедшее деньгами?

- Конечно, а чем по-твоему это еще можно измерить?

- Но ведь я с ним спала... - Я почувствовала, как у меня окончательно задрожал голос. - Нам было хорошо вместе.

- Еще скажи, что это не было похоже на случайную связь...

- Это не было похоже на случайную связь. - На этот раз мой голос был полон уверенности. - Это была ночь, полная страсти. Это была по-настоящему сказочная ночь.

- Еще скажи, что у вас все было по любви.

- Что-то вроде того...

- И откуда ж ей взяться, любви, за такой короткий срок?

- Для того, чтобы возникла любовь, не обязательно ждать годами.

- Мне кажется, я понимаю, к чему ты клонишь... Ты посчитала, что если мужчина нанес тебе огнестрельное ранение, и ты с ним переспала, то он просто обязан быть честным гражданином и на тебе жениться.

Я залилась краской и пробурчала:

- Я совсем не это имела в виду.

- А вот и это! Только знай, дорогая моя, черта с два женится мужик такого уровня. Раскатала

губу! Не по Сеньке шапка. Сама посуди, зачем такому мужику деревенская баба?

- Между прочим, его первая жена тоже была деревенской бабой.

Не забывай, что первый раз все женятся по глупости и по молодости. В зрелости же таких глупостей уже не позволяют себе. Не забывай, все эти годы рядом с ним была такая красивая хищница, как его любовница Тамара, с которой и в высшем обществе не стыдно показаться и дельный совет по бизнесу спросить можно, да и вообще, какой области не коснись, она тебе везде покажет наивысший пилотаж, поверь мне. У таких мужиков всегда весь штат полностью укомплектован. У таких ни одной вакансии нет. Если что-то случилось с женой, на ее место автоматически встает та, которая была всегда рядом и считалась неофициальной женой. Если ты думаешь, что как только Яков женится на Тамаре, станет свободно место любовницы, то не надейся. Думаю, что и на это место есть соответствующая кандидатура. Как говорится, все схвачено, за все заплачено.

- А я, между прочим, спала с ним на его семейной кровати, где он спал со своей женой. - Я говорила это, словно хотела что-то доказать Галине, но и сама не понимала, что именно.

Галина по-прежнему была непреклонна.

- Если мужик трахаться захочет, то ему нет никакой разницы где спать и с кем спать, мужик по своей природе кобель, это ж все говорят.

Я всхлипнула и проговорила, словно в сне:

- Быть может ты права. Быть может Яков ко мне ничего не чувствовал... Возможно он просто захотел женщину, и ему совершенно не было разницы с кем спать в тот момент...

Единственное, что мы теперь должны сделать, - перебила меня Галина, - так это стрясти с Якова деньги. В конце концов он тебе их обещал. А если обещал, пусть дает. Мужик за свои слова отвечать должен, на то он и мужик. Снимешь себе нормальное жилье, встанешь на ноги. Только надо, чтобы Тамара не пронюхала. Надо с ним так встретиться, чтобы она про это не знала, а то опять жди неприятностей. Мы с тобой вместе помозгуем. Я тебе помогу.

- Я с ним по поводу денег вообще встречаться не буду! - Я затряслась, словно в лихорадке, и от возмущения раздула ноздри.

- Куда ты денешься?! По какому еще поводу с ним можно встречаться?! Я что-то другого повода не нахожу. Не по поводу же того, чтобы он на тебе женился. Тогда ты его точно разозлишь, и он пошлет тебя на три веселенькие буквы. А вот по поводу денег - в самый раз будет. Если он мужик при понятиях, то должен прекрасно понимать, что такие вещи очень хорошо оплачиваются. Так что не переживай, стрясем с него денег... Некоторое время не будешь голодать, это я тебе обещаю. А если он щедрый мужчина, то вообще заживешь нормально. Ежели он нам не захочет денег нормально отвалить, мы его шантажировать начнем. И пока своего не получим, не отцепимся. Ты еще даже толком не представляешь, как здорово иметь человека, который тебе должен. Особенно в Москве...

Я замотала головой.

- Со мной все поступают плохо. Все... Как только я приехала в этот город, ни один человек не сделал мне хорошо, ни один... А, собственно, в чем я виновата? В чем? В том, что родилась в деревне и у меня за душой нет ни гроша?! Ни престижного образования, ни Московской прописки, ни богатых родителей, ни связей, ни волосатой руки... Получается, что без всего

этого в Москве просто нечего делать. Получается именно так. А как же в Москве устраиваются другие иногородние? Как?!

- Другие иногородние в Москве нормально устраиваются, поверь мне.

- Каким образом? Мне было бы очень интересно об этом узнать.

- Просто они звезд с неба не хватают.

- В смысле?

- В смысле того, что они не бьют себя в грудь и не кричат, что рождены для того, чтобы красоваться на подиуме и на обложках модных журналов. Они живут реальной жизнью.

- Но ты ведь знаешь, что до осуществления моей мечты было совсем немного. У меня даже портфолио есть. Но человека, который должен был осуществить мою мечту, убили. Поэтому она и не осуществилась.

- Да, насчет этого Александра... Ты вообще о нем забудь, словно его никогда не было. В это дело лучше не лезть, а то опять на свою голову что-нибудь схлопочешь. Я надеюсь, ты не собираешься идти в милицию?

- Ты о чем вообще говоришь?!

- Вот и правильно. Ты ничего не видела и ничего не слышала. Надеюсь, что за своим портфолио ты не поедешь, тем более, что в нем отпала всякая необходимость. Незачем тебе с этим фотографом встречаться.

- Нет. Эта тема для меня закрыта.

- Мне нравится, что иногда ты рассуждаешь здраво.

Все, довольно. С меня хватит. Теперь я буду мстительной птицей феникс и всем воздам по заслугам. Всем! Якову, Тамаре и им подобным! – неожиданно прорвало меня. – Я всегда была глубоко страдающим человеком. Всегда! Я поднимусь из пепла чувств, которые убили во мне эти люди. Я обязательно поднимусь! Поднимусь! Придет время и я всех уничтожу. Я обязательно всех уничтожу.

- Тоже мне, народная мстительница нашлась. Куда бы деться...

- Не смейся. Пройдет немного времени, и ты увидишь все своими глазами.

- Еще скажи, что ты и Тамару накажешь.

- Накажу, – ответила я не моргнув глазом. – Я ее так накажу, что она на всю жизнь запомнит.

Галина слегка от меня отстранилась и сморщилась еще больше.

- Анжел, народная ты моя мстительница, я сейчас, ей-богу, задохнусь. Ей-богу. Послушай, пойдем, ты помоешься. Я, конечно, понимаю, что этот запах тебе, как родной, ты к нему принялась, но будь другом, подумай о близких.

Пока Галина набирала мне ванну, я стояла над унитазом, борясь с приступами рвоты, но у меня ничего не получалось. Чудовищные спазмы страшно сжимали мою грудь и вызывали все

новые и новые приступы. Когда мне стало немного легче и я умыла свое неестественно белое лицо, Галина укоризненно покачала головой и посмотрела на меня задумчивым взглядом.

- Что с тобой?

- Не знаю, - пожала я плечами. - Может, мне что-то отбили?

- Подруга, а ты, случайно, не беременная?

- Что?!

- Что слышала.

Я побледнела еще больше и тяжело задышала.

- От кого? - Я понимала, что задаю глупый вопрос, но не могла его не задать.

- Я откуда знаю?! Может ветром надуло... Я же свечку не держала и понятия не имею кому и сколько раз ты доверила свое тело.

- Ты думаешь, что может быть...

- Я ничего не думаю. Завтра пойдешь к врачу.

- Но...

- Никаких но...

Я легла в ванну и тихо спросила:

- Ты думаешь, это связано с беременностью?

- Не знаю. Я не гинеколог.

Глава 14

Утром следующего дня приступы рвоты повторились, и мы с Галиной решили съездить в частную клинику, чтобы проверить диагноз, о котором мы обе подозревали. Галина закинула ногу на ногу и полностью откинулась на спинку заднего кресла.

- Тебе повезло, что я эту неделю не работаю, - сказала она, когда мы сели в такси. - А то тебе пришлось бы одной в клинику ковылять.

- Ты не представляешь, как я тебе благодарна. Ты так много для меня делаешь!

- Придет время, и ты обязательно меня отблагодаришь.

Достав из сумочки зеркальце, Галина взглянула в него и прикусила нижнюю губу.

- Бог мой, опять новая морщина появилась.

- Не придумывай, у тебя вообще морщин нет.

А ты меня не успокаивай. Я свое лицо хорошо знаю. Думаешь, я этих морщин боюсь? Ни черта.

Я их всех боексом наколю, а если и он помогать престанет, хирургическим путем натяну к такой-то матери. Были бы деньги... С возрастом можно бороться при помощи денег. Получается именно так. Знаешь, а мы с тобой выйдем, как мама и дочка.

- Глупости.

- А вот и не глупости. Заботливая мама решила привести свою дочку к врачу, чтобы проверить ее на беременность. Так вот, доченька моя, - засмеялась Галина, - я хотела бы знать, кому ты давала в последнее время, а кому не давала. И по порядку. Этому давала... Этому давала, а этому не давала...

Я украдкой посмотрела на таксиста, с любопытством наблюдавшего за нами, и крикнула довольно резко:

- Прекрати!

- Прекращаю. Знаешь, Анжелка, если бы ты от Якова забеременела... - Галина мечтательно улыбнулась.

- От Якова?!

- Вот именно, от Якова...

- Что было бы тогда?

- Бог мой, и ты еще спрашиваешь! Тогда бы... Тогда бы мы на него наехали. Если бы он стал отказываться от ребенка, мы бы провели экспертизу, установили отцовство, тогда уже он хрен бы отвертелся.

- А дальше? - Я почувствовала, как к горлу подкатил ком.

Дальше... Дальше мы бы взяли быка за рога. Тебе и твоему ребенку была бы уготована нормальная обеспеченная жизнь. Сотни мужиков, у которых на стороне дети, помогают деньгами и проводят своих детей. А если бы ты от такого богатого павлина забеременела, у которого деньги с задницы валяются, тебе бы вообще повезло. Это твой шанс круто изменить свою жизнь к лучшему. Благодаря ребенку, ты бы из него жилы тянула и кровь пила. А если бы он этого ребенка еще и полюбил... то все, считай, что та жизнь, о которой ты мечтала, у тебя в кармане. Он бы тебе квартиру купил в центре. Машину. Продуктами бы вкусными и дорогими просто заваливал. Про игрушки я вообще молчу. Раз в полгода вас за границу отправлял, чтобы ребенок морским воздухом дышал и рос здоровым. Дорогие санатории и пансионаты... Ты только представь, какая жизнь бы у тебя была, если бы тебя угораздило забеременеть от такого мужика, как Яков. Тут уж никакая Тамара не смогла бы вмешаться. Она столько лет с ним встречается, а что-то не беременеет. Хитрая бабенка, но не настолько, чтобы своей свободой рисковать. А может ей это и не надо.

- Не понимаю, о чем ты говоришь. - Я нервно теребила пальцы.

- У Якова есть свои дети? - спросила Галина.

- Да вроде бы нет.

- Замечательно. Ты даже не представляешь, как это замечательно. Все складывается в твою пользу.

- Мне всегда казалось, что если женщина беременеет, то мужчина на ней женится... - нерешительно сказала я.

Галина рассмеялась.

- У тебя рассуждения такие же деревенские, как и ты сама. Милая моя, да кто женится?

По залету женятся только во времена молодости, а у зрелых мужиков такие фокусы не проходят, поверь мне. Главное, чтобы он ребенку помогал... А женитьба... Зачем она нужна? Что хорошего в золотой клетке?! Выйдешь замуж, сопьешься, как пила его жена... Кто хоть раз замужем побывал, второй раз сознательно туда не пойдет. Вот родить от богатого мужика - это совсем другое дело.

- Я не пойму, что в этом хорошего?

- Ты приобретаешь деньги и не теряешь при этом свободу. Свобода для женщины очень важна. Когда ты повзрослеешь, ты обязательно это поймешь. Без свободы женщина чахнет прямо на глазах, несмотря на большие деньги, на которые она обменяла свою свободу. Запомни одно хорошее правило. Меня ему учила еще моя мама. Никогда, слышишь, никогда, не меняй свободу на деньги. Можешь менять на деньги все, что угодно, даже чувства. В этой жизни все непредсказуемо. Бывают такие моменты, когда можно продать свои чувства, свои мечты, свои фантазии. Но только не свободу. Те женщины, которые продали свою свободу за деньги, глубоко несчастны и у НИХ страшная судьба, поверь.

- И откуда ты только все заешь...

- Дорогая моя, я почти в два раза старше, а это значит, что я намного лучше знаю жизнь.

- Галина...

- Что?

Я почувствовала, что мне не хватает воздуха.

- Галина...

- Ну что? Я уже скоро сорок лет Галина.

- Галина, а я ведь с Яковом спала всего сутки назад...

- И что?

- Никакие приборы не покажут...

- Я тоже об этом думаю.

- А почему тогда меня тошнит? - У тебя задержка месячных есть?

- Есть.

- Дорогая, а тебя что, мама предохраняться не учила?

- Не знаю. Я как-то об этом не подумала...

- Думать надо. Тебе уже не пятнадцать.
- А может я и не беременна вовсе.
- Может и не беременна. Послушай, а ты, случайно, с тем Александром, которого в лесу грохнули, не спала? - Галина посмотрела на меня презрительным взглядом и покраснела, как вареный рак.
- Случайно спала.
- Что?
- Что слышала.
- Значит, ты все таки ему дала?!
- Дала.
- Зачем?!
- Затем, чтобы он для меня сделал все, как положено. Мне надо было закрепиться.
- Хорошо же ты закрепилась, ничего не скажешь. Замечательно быть беременной от покойника...
- Ну зачем ты так говоришь? Это еще неточно.
- Я тебя чему учила, дура ты малолетняя?! Сначала надо, чтобы мужик для тебя что-то сделал, а уж потом ему давать. Кто ж так дает?! Я же тебе говорила, что женщина сама назначает себе цену... - шипела Галина. - Учила?!
- Ну, учила...
- А ты продала себя за бесценок.
- Он сделал мне портфолио... Он мне много чего обещал...
- Мужики всегда обещают, пока не трахнут. Как только они тебя трахнут, все их обещания тут же заканчиваются. Это же известно, как дважды два.
- Не скажи. Женщина может заинтересовать мужчину в постели, и он многое для нее сделает. Ведь такое же часто бывает, что женщина с мужиком спит, а он за это ее двигает.
- Согласна. Только, знаешь, чтобы так было, надо такой умной женщиной быть и так заинтересовывать мужчину в постели, чтобы он тебя двигал, что тяжело даже представить!!! А что можешь дать в постели ты, дура деревенская?! Ты и трахаться-то, наверное, можешь только в одной рабоче-крестьянской позе!
- Прекрати! - Я обиженно отвернулась к окну и закрыла уши.

Не прекращу! С такими, как ты, мужики трахаются всего один раз и выбрасывают из своей жизни. Для того, чтобы мужчина тебя двигал и помогал, короче говоря, для того, чтобы быть любовницей мужика, который двигает твою карьеру, надо быть ЛЕДИ и в совершенстве владеть искусством секса. Именно искусством, а не теми деревенскими позициями, которыми

владеешь ты.

Я с трудом сдерживала слезы и довольно язвительно произнесла:

- Можно подумать, ты владеешь искусством этого гребанного секса.

- Владею и тебя научу. Без этого в наше время никуда. И не такой уж этот секс гребанный. Он очень даже восхитительный. Мужикку надо делать сексуальную привязку, понимаешь? Нужно его зомбировать. А еще, надо делать все так, чтобы твое влияние на мужика ограничивалось не только механическими воздействиями, но и глубоко затрагивало чувства.

- Если ты такая всему обученная, почему ты не знаменита?! Почему ни один мужик тебя не оценил и куда-нибудь не двинул?!

- Потому, что я к этому не стремлюсь. Мне это не нужно. Куда меня можно двигать, если во мне ничего нет?! Для того, чтобы тебя двигали, нужен талант, а у меня он так и не проснулся. И учти, для того, чтобы тебя двигали, не обязательно нужно с кем-то спать. Когда у тебя есть настоящий талант, тебе не нужна чужая постель.

- Тогда почему у тебя не устроена личная жизнь?

- Потому, что мне не везет на нормальных мужиков, а с кем попало я ее устраивать не хочу. - Галина помолчала, а потом осторожно спросила:

- Скажи, а когда ты с этим Сашей-то успела переспать? Где хоть было зачато это дитя любви?

- Прекрати.

- Ладно, не обижайся.

- Ночью. На капоте его «Мерседеса», минут за двадцать до того, как его убили.

- Боже, как романтично!

- Никакой романтики.

- Убийцы были неподалеку?

- Убийцы еще не подъехали.

- Девушки, мы приехали, - перебил нас таксист.

Мы вышли. Галина достала и сумочки деньги и протянула их водителю, который все это время ловил каждое слово в нашем сумбурном и совсем непонятном для постороннего человека разговоре и смотрел на нас так, словно мы прилетели в этот мир из другой галактики.

- Дядя, ну что ты так запарился? Расслабься, дядя, это жизнь. Залететь от нужного мужика - целое искусство. Это хлеб, понимаешь, хлеб! В наше время, дядя, вертеться приходится со страшной силой только для того, чтобы не сдохнуть с голода, - сказала Галина таксисту и громко хлопнула дверцей.

- Удачи тебе, тетя! - усмехнулся таксист и надавил на газ.

В клинике Галина взяла меня за руку. Я шла на ватных ногах, не поднимая глаз и не видя

перед собой ничего, кроме Галининой спины.

- Что ты идешь, как в штаны наложила?! - Галина толкнула меня к двери и одарила не самым приятным взглядом.

- Ничего я не наложила. Я просто боюсь.

- Раньше надо было бояться, а теперь поезд ушел. Думать надо было, кому давать. Заходи.

Не обращая внимания на огромную очередь, Галина втолкнула меня в кабинет и прошипела мне в спину:

- Голову кверху, хвост морковкой. Улыбочка и ноги шире, как в былые времена.

- Иди ты...

...Когда мне сказали ровно два слова: «Вы беременны», я даже не удивилась. Я знала, что будет именно так. Думаю, что каждая женщина узнает о своей беременности сама, еще до того, как обратится к врачам. Наверное, это происходит оттого, что женщина чувствует, когда в ней зарождается жизнь. Она просто не может это не почувствовать. На то она и женщина.

- Ровно два месяца беременности, - прозвучал суровый приговор врача - Вы будете рожать?

- Конечно, - улыбнулась я и почувствовала, как у меня хлынули слезы.

Увидев мое неважное состояние, врач слегка приподняла очки и осторожно спросила:

- Простите, а вы замужем?

- Нет, - покачала я головой.

- Собираетесь?

- Нет.

- У вас есть моральная и материальная поддержка?

- Тоже нет.

- Тогда, может, лучше сделать аборт?

- Нет, что вы. Я буду рожать.

Понимая всю безысходность своего положения, я все же чувствовала какой-то свет, который исходил у меня изнутри. Я вдруг подумала, что ношу в себе маленькую тайну, о которой еще никто не знает и которую я со временем хочу разгадать.

- Вы точно решили рожать? - Врач смотрела на меня взглядом, полным сочувствия.

- Да. - Несмотря на утвердительный ответ, в моем голосе не было решимости.

- Просто у вас срок два месяца. Это восемь недель. Аборт делается до двенадцати недель, поэтому у вас в запасе еще ровно четыре недели. Четыре недели, это ровно месяц, очень хороший срок для того, чтобы хорошенько подумать и взвесить все за и против.

Кивнув головой, я вышла из кабинета, прошла мимо Галины и направилась к выходу. Я шла по тихой улочке медленным шагом и боялась поднять глаза.

- Анжела, я не спрашиваю результат, я его знаю. - Галина плелась сзади и нервничала не меньше меня. - Это ужасно, забеременеть от первого встречного; Не ожидала от тебя такого поступка... Но это не конец света. Мне просто жаль, что ты забеременела не от Якова. Мы бы с тобой таких дел натворили... Таких дел...

Я остановилась и посмотрела на играющих в песочнице детей. Не выдержала, села на лавочку и принялась наблюдать за их игрой. Две маленькие девочки лепили пироги из песка и приглашали друг друга на обед. Неподалеку от них сидели совсем молодые папа и мама, которые улыбались своим детям и целовались.

Галина села рядом со мной.

- Послушай, я за тобой по всему району бегать не буду. В конце концов ничего страшного не произошло. Каждая женщина проходит через ошибки молодости. И это нормально. Все пройдет и все забудется, как страшный сон. Ты на какое число об аборте договорилась?

Я подняла голову и посмотрела на Галину опустошенным взглядом.

- Ты о чем?

- О том, на какое число ты договорилась по поводу аборта?

- Ни на какое.

- Как это?

- Я буду рожать.

- Что?! - Галина покрутила пальцем у виска.

- Галя. Я буду рожать. Я оставлю ребенка.

- Почему?

- По кочану.

- У тебя же срок нормальный! Сейчас в самый раз почиститься. У тебя что-то со здоровьем? Ты не хочешь делать аборт по медицинским показаниям?

- С моим здоровьем все в порядке.

- Тогда в чем дело? Почему ты не хочешь делать аборт?

- Потому, что я не могу делать аборт. Я не могу убить маленького человечка. Не могу... Он же живой. Ему будет больно. У меня просто рука не поднимется.

- И не надо, чтобы твоя рука поднималась. Самое главное, чтобы она поднялась у врача. Понимаешь, когда беременности два месяца, там еще толком человечка-то нет. Я тоже абортыв делала и все это очень хорошо знаю. Обыкновенное скопище клеток и все... Только после трех месяцев зародыш начинает превращаться в человека. Поэтому аборт и делают до трех месяцев, тогда ты убиваешь не человека, ты убиваешь просто клетки. Они не чувствуют боли.

- Ерунда. Я знаю, что тот, кто находится внутри меня, все чувствует. Я не могу причинить ему боль. Понимаешь, не могу!

Галина посмотрела на играющих в песочнице детей и продолжала убеждать меня:

- Анжела, послушай меня внимательно и не перебивай. Я намного тебя старше, а это значит, что я намного больше видела в жизни. У этих детей есть папа и мама, а еще, по всей вероятности, две бабушки и два дедушки. Ты понимаешь? Эта молоденькая девочка не рожала на авось. Она рожала только потому, что у нее за спиной есть такая база. И еще у нее есть муж. Наличие мужчины желательно, а в твоём возрасте просто обязательно... Ты же такая молодая... Вот если бы тебе было за тридцать и у тебя поджимал срок, тогда бы тебе можно было родить для себя. Рожать для себя в двадцать - слишком глупо... Это будет самая большая ошибка, которую ты совершишь на своём жизненном пути. У тебя же вся жизнь впереди, и ты ее еще можешь нормально устроить, по уму... За твоей спиной вообще ничего нет. Ничего... Это очень важно, пойми. Давай посмотрим, что есть у тебя. Твои родители будут тебе помогать растить малыша?

- Да ты что?! Они меня, наверное, даже домой не пустят. Мне страшно представить, как они отреагируют на мою беременность. Уехала в Москву и вернулась с брюхом. Хорошенький расклад!

- Тогда о чем вообще говорить?! Ты же сама прекрасно понимаешь, если решишь рожать, тебе придется покинуть Москву. А что ждет тебя в голодной деревне без работы и с грудным ребенком на руках?! Конечно, может судьба повернется к тебе так, что ты приглянешься какому-нибудь пьяному трактористу, и он решит усыновить твоего ребенка. Будете жить под крышей ветхого дома, он будет тебя поколачивать, когда сильно перепьет и его начнет раздражать чужой выродок. А каким ты сможешь вырастить своего ребенка в такой нищете?! Что ты сможешь ему дать?! Что?! Какое будущее обеспечишь, если у тебя у самой нет никакого будущего?! Дорогая, если сейчас ты не примешь правильное решение, ты искалечишь не только свою и без того непутевую судьбу, но и судьбу своего будущего ребенка.

Галина помолчала и продолжила:

- Ты понимаешь, что если ты решишь рожать, Москва автоматически для тебя закрывается?! Ты это понимаешь? Ты осознаешь, что тебе придется уехать домой?! Прости, дорогая, но я в благотворительном обществе не состою и никогда не вступлю в его ряды. Мне самой тяжело, и я не могу держать на своей шее глупую бабу с грудным ребенком, который будет орать по ночам лишая меня всякой возможности нормально выспаться. Мне еще свою судьбу устраивать надо. Я не виновата, что ты так глупо распорядилась своей.

- Не переживай! - Я говорила и чувствовала, что каждое мое слово дается мне с огромным трудом. - Не переживай, пожалуйста. Я уеду к себе домой. Я не буду сидеть на твоей шее. Я вообще не буду тебя беспокоить. Даже если я еще когда-нибудь приеду в Москву, я у тебя не останюсь.

- Конечно, ведь у тебя есть друзья на городской свалке! Они тебя всегда обогреют, приютят, накормят, пустят в какой-нибудь картонный домик. Так что и жильем, и работой будешь обеспечена! Ребеночку там твоему будет раздолье. Там, при желании, и игрушки найти можно... Там столько дерьма, копайся, не хочуй!!!

- Прекрати.

- Прекращаю. Я тебе выход предлагаю, а ты злишься.

- Это не выход.

- Ты у нас барышня настырная, поэтому я тебя переубедить даже не собираюсь. Очень жаль, бывшая королева подиума, что ты так глупо распорядилась своей судьбой. Очень жаль. Ты сделала один умный шаг, смогла вырваться из своей деревни. Но твой второй шаг просто глуп и ужасен. И еще... Мне хочется сказать все, что я о тебе думаю...

- Что ты обо мне думаешь?

- Я думаю, что ты конченная дура. Я не побоюсь сказать этого слова. Ты просто конченная дура. Понимаешь, конченная!!!

Галина встала и пошла ловить такси. Боясь остаться одна, я тут же вскочила и пошла следом за ней... Только у самого подъезда своего дома Галина надо мной сжалилась и снова заговорила. Разрешила остаться у нее еще на один месяц.

Весь следующий месяц я практически не выходила из дома. По ночам я клала руку на живот и разговаривала со своим ребенком. Я представляла, что это маленькая красивая девочка. Временами мне даже казалось, что я слышу, как бьется ее крохотное сердечко. Я могла ее ощущать. Я могла знать, что она хочет в данный момент. Я знала когда ей холодно, когда ей жарко, когда ей страшно и даже когда ей одиноко... Когда я чувствовала, что ей одиноко, я начинала рассказывать ей сказки. Господи, получается, что женщина чувствует свое одиночество еще до своего рождения, думала я и плакала. Это несправедливо... Это очень несправедливо...

В день, когда исполнилось ровно три месяца моей беременности, я подсчитала оставшиеся деньги, купила билет до своей деревни, накрыла прощальный стол, который говорил о том, что моя московская эпопея закончилась, и стала дожидаться возвращения Галины. Москва совершенно не мой город. В нем просто для меня нет места.

- У нас, что, банкет? - спросила Галина, оглядев праздничный стол.

- Что-то вроде того...

- А что празднуем?

- Мой отъезд.

- Твой отъезд?

- Вот именно. Мой отъезд. Галина, я уже месяц живу в твоей квартире и понимаю, что так больше продолжаться не может. Ты, конечно, меня не выгоняешь, но я должна уехать.

- Куда?

- В свою деревню. Я взяла билет на послезавтра. Мои сбережения подходят к концу, да и тебя я больше стеснять не могу.

Галина села и уставилась на мой живот.

- У тебя живота ни черта не видно.

- А мне кажется, что он уже распух.

- Это самовнушение. Я тебе говорю, что его невидно, значит, невидно. Сколько у тебя?
- Четвертый месяц.
- Молодец. Дотянула. Уже и аборт не сделаешь. И на работу не устроишься. Еще немного, живот и в самом деле поперет. Кому нужна брюхатая баба... Ты своим родным сообщила?
- Нет, - покачала я головой.
- Почему?
- У меня язык не повернется сказать, что я беременна.
- Решила, как снег на голову? Поразить неожиданностью?
- Что-то вроде того.
- Может, тебе помочь чем?
- Галь, ничего не надо. Я уезжаю. Вон, билет лежит. Посидим, что ли, в последний раз...
- Посидим, чего не посидеть.

Галина распечатала бутылку шампанского и, налив себе полный фужер, уставилась на второй пустой бокал.

- Тебе можно?
- Можно, если осторожно. Налей немного. Я как ни как домой уезжаю.

Я сделала пару глотков.

- Спасибо тебе, Галина, за все. Спасибо...
- Не надо благодарности, - резко перебила она меня. - Рано меня благодарить. Встань, пожалуйста.
- Зачем?
- Я хочу на тебя посмотреть. Ничего не понимая, я встала.
- Подними халат.
- Зачем?
- Какая тебе разница! Я же не мужик. Ты что, меня стесняешься?

Я пожала плечами и нерешительно задрала полы халата.

- Ерунда какая. Чего мне тебя стесняться?!
- Тогда что стоишь, как не живая?
- Я, по-твоему, прыгать должна?

- Боком повернись.
- Пожалуйста.
- Спасибо. Нет у тебя никакого живота. У тебя его вообще нет. Я думала, что тебя будет переть, как на дрожжах, ты ж худая, да, видно, ошиблась. Обычно у полной женщины не видно, что она беременна, а у худых с нескольких недель все заметно. Ошиблась. У тебя ничего не видно.
- Я могу сесть?
- Конечно, садись.

Положив руки на стол, словно школьница, я опустила глаза и тихо спросила:

- А зачем ты рассматривала мой живот?
- Я думаю, тебе еще рано ехать в деревню. - Галина заметно волновалась, ее волнение было просто невозможно не заметить.
- Почему рано?
- Потому что еще месяц ты можешь пожить у меня.
- Зачем?
- Ну как зачем?! Тебе что, так хочется в свою деревню?
- Совсем не хочется, но я должна ехать. У меня закончились деньги, да я, наверное, уже надоела тебе до чертиков. Я все понимаю. Ты и так поступила со мной благородно. Пригрела меня на целый месяц. Я должна ехать. Там яблоки, деревенское молоко, яйца, творог, да и воздух совсем другой. Это полезно для ребенка. Сейчас мне и отблагодарить тебя нечем. Знаешь, если когда-нибудь захочешь, приезжай ко мне в гости. На речке отдохнешь, молочка парного попьешь, какая никакая, а польза. Где ты еще такую экзотику найдешь, если не у меня в деревне?
- Нет уж, дорогая, лучше ты ко мне. Меня деревенская жизнь никогда не привлекала.
- Почему?

Потому что какой-нибудь механизатор может меня девственности лишить! - Галина рассмеялась, но мне почему-то было не до смеха. Странно. Раньше я всегда костерила свою деревню на чем свет стоит, а теперь решила за нее заступиться.

- Ты что глупости говоришь? Никому твоя девственность на фиг не нужна, тем более, у тебя все равно ее нет.
- Шутка. Короче, твоя поездка в деревню откладывается на месяц. Если тебе выпадает шанс месяц в Москве пожить, не упusti, лови момент.
- И кто мне дает такой шанс?
- Я, конечно, кто же еще...

- А что я буду здесь делать?
- То, что ты делала и прошлый месяц. Спать да смотреть телевизор.
- А тебе-то зачем это надо? Тебе что, скучно?
- Ну как тебе сказать, чтобы не обидеть... Вообще-то мне скучать никогда не приходится... - Галина пристально посмотрела мне в глаза, затем сказала, чеканя каждое слово: - Анжела, я разговаривала с Яковом.

Я не поверила своим ушам и чуть было не свалилась со стула. Поняв до конца смысл сказанного, я просто заледенела от ужаса.

- Где? Как? Зачем? Почему? - запинаясь, спрашивала я.
- Я разговаривала с Яковом по телефону.
- Ты врешь!

Глава 15

Все, что происходило дальше, казалось мне сном, и я с трудом понимала, что это реальность. Я сидела, опершись о стену, тяжело дышала и пыталась понять, что говорит мне Галина.

- Короче. Я отыскала твоего Якова. Ты мне сказала номер его машины, а я позвонила своему другу в ГАИ.
- А зачем в ГАИ?
- Затем, что по номеру машины довольно просто отыскать ее хозяина.
- Никогда об этом не знала.
- Ты еще много чего не знаешь, но ничего, жизнь научит. Этот гаишник у меня раньше в любовниках ходил. Потом я его разжаловала. Сначала мы опасались, что Яков по доверенности ездит. Оказалось, нет. Нам повезло. Машина оформлена на самого Якова. Так что его координаты мы отыскали без труда. Я ему позвонила и представилась твоей сестрой.

Меня затрясло от возмущения, и я перебила Галину:

- Послушай, кто дал тебе право вмешиваться в мою жизнь?!
- Что?! - Ей явно не понравился мой тон.
- Какое право ты имела разыскивать Якова?
- Я имела на это полное право. В конце концов ты мне не чужая! После всего, что с тобой случилось, ты пришла не к кому-нибудь, а ко мне! И ты у меня живешь!
- Я пришла не к тебе. Я пришла в свою комнату, не знала, что ее сдали. Больше мне некуда было идти.
- Хорошо. Я всегда знала, что ты очень благодарная девушка и всегда благодаришь тех, кто

делает для тебя добро и помогает в стрессовых ситуациях, – язвительно произнесла Галина и посмотрела на меня глазами, полными ненависти.

– Ты много для меня сделала, но это не дает тебе права лезть в ту область, которая тебя совершенно не касается.

Можешь говорить все, что угодно. И я назову тебя неблагодарной, потому что ты и есть неблагодарная. Но я хочу сказать, что мне больно смотреть на то, как ты распорядилась своей судьбой! Ты смазливая, длинноногая девушка, и если бы очень постаралась, отхватила бы себе нормального мужчину и построила жизнь так, чтобы быть счастливой. Понимаешь, счастливой! Ты посмотри на себя! На кого ты похожа?! Ты боишься выйти на улицу, потому что стесняешься своего живота и боишься людей! Ты похоронила себя заживо! Я никогда не уважала женщин, которые устраивают себе панихиду при жизни. Ты просто не знаешь себе цены. Да твоя цена растет день ото дня, потому что ни умом, ни внешностью тебя бог не обидел. Так нужно ими распорядится! Распорядится правильно. – В Галинином взгляде появилось что-то такое, что заставило меня почувствовать холодок на спине. Я содрогнулась.

– О чем ты разговаривала с Яковом? – спросила я, взяв себя в руки.

– О тебе...

– Это понятно. И что?

– Я разговаривала с ним о тебе и о твоей беременности. Сказала, что я твоя сестра, и что ты от него беременна.

– Но я ведь беременна не от Якова!

– Да какое это имеет значение?! Никакого. Ты знаешь, мне показалось, что он очень обрадовался звонку, словно он его ждал... Обрадовался, когда услышал твое имя. Честное слово! Просил твои координаты. Он хочет тебя увидеть.

– Но...

– Никаких но... Не может быть никаких но... Дуреха, я и сама не ожидала, что разговор пройдет так гладко. Ты неплохо поработала над этим мужичком. Я позвонила, чтобы потребовать у него денег, компенсацию за все, что ты пережила в его доме. Тогда ты не поехала бы в деревню, а сняла нормальное жилье в Москве и безбедно существовала хоть какое-то время. Но когда я почувствовала, как сильно он обрадовался, услышав твое имя, искренне обрадовался, я это сразу прочухала, то поняла, что мужик к тебе равнодушен. Вот и подумала, если ситуация повернулась таким боком, нужно играть по-крупному. Сказала ему о твоей беременности и мне показалось...

– Что тебе показалось?

– Что он обрадовался еще больше.

– Ты так думаешь?

– Я в этом просто уверена.

– Ты сказала, что ты моя старшая сестра?

- А что, не похожа?! - Галина рассмеялась и подмигнула мне.
- И он поверил?
- А куда он денется?! Мужики, как малые дети, верят чему угодно.
- Но как я могла встретиться с сестрой, если у меня амнезия?!
- Я сказала, что ты гостила у меня в Москве, а затем исчезла на целых два месяца... Все это время я тебя искала и, можно сказать, уже потеряла всякую надежду. Месяц назад мне позвонили из отделения милиции, в котором лежало мое заявление о пропаже сестры и попросили опознать девушку, у которой ярко выраженные признаки амнезии. Мол, она хорошо помнит свой деревенский адрес, но не помнит, у кого остановилась в Москве. Я поехала и сестру опознала. А затем я поведала ему о том, что у нас с сестрой нет друг от друга секретов, и ты мне честно рассказала обо всем, что с тобой произошло. А совсем недавно мы выяснили, что ты беременная. Мол, срок совсем маленький, но от аборта ты категорически отказываешься.
- И он поверил?
- Еще как... - рассмеялась Галина. - Схавал и даже не подавился. Он всю бодягу хакает, как миленький. Мужики ж такие дурные!
- И что?
- Дальше посмотрим, что... Дадим ему немного времени, чтобы он все хорошенько обдумал и всякого разного в своей голове накрутил, чтобы был готов к принятию решения, а затем я позвоню ему опять и...
- Что, и?
- И устрою вам встречу. Мне кажется, что с этого дельца мы сорвем нормальный куш.
- В смысле?
- В смысле того, что дельце должно выгореть. Он отвалит тебе денег, на это можешь смело рассчитывать, а там видно будет... Так что, дорогая, будет и на твоей улице праздник. Как говорится, под лежащий камень вода не течет. Действовать, дорогая, надо. Когда с ним увидишься, обязательно пугани тем, что будешь подавать на алименты. Мол, сначала подашь на установление отцовства, докажешь, что это его ребенок, а затем - на алименты. Ему лишняя шумиха совсем не нужна, такие люди вообще бояться шума. Тем более, если он на своей Тамаре жениться собрался... Сама посуди, если он мои сказки схавал, значит, все за чистую монету принимает. Я просто уверена, что каждый месяц сам, без всякого установления отцовства, алименты будет отваливать.
- А если он все же потребует установить подлинное отцовство?
- Не потребует.
- Но все же...
- Я тебе говорю, что не скажет он ничего.
- Ты не ответила на мой вопрос.

- Даже если такое и случится, ничего страшного.

Мне показалось, что я просто потеряю дар речи.

- Как это ничего страшного?! Неужели тебе эти его деньги разум затмили?!

Галина окончательно вывела меня из себя.

- Не переживай. С моей головой полный порядок.

- Я бы этого не сказала. Как я могу согласиться устанавливать отцовство, если Яков не отец?!

- Ты не даешь мне досказать свою мысль. Во первых, всем известен тот факт, что вероятность установления отцовства - 99,75 процента. Значит есть какой-то процент неточности и в этот процент может запросто входить твой ребенок. Во вторых, если ты не хочешь рисковать с этим процентом, то есть другой выход. Более удобный и надежный, который Яков схавает точно так же, как и твою беременность. Эта процедура делается, как в любом крупном медицинском центре, так и в частных клиниках. Срок - ровно три недели. Так вот, в этих лабораториях и клиниках тоже люди работают, и эти люди, между прочим, кушать хотят. К тому же там преимущественно сидят женщины, а женщина всегда поймет женщину, потому что каждая может оказаться в подобной ситуации. Всегда можно найти человека, которому нужно сунуть зеленую денежку и получить необходимый результат. Проще говоря, эту экспертизу купить можно. Мир ведь не без добрых людей, сама знаешь. Все решают деньги.

- Но ведь это подсудное дело.

- Дорогая моя, а как иначе... Сейчас деньги везде сплошь и рядом берут и ничего страшного.

У меня мертвецки побледнело лицо, задрожали губы.

- Галя, я в эти игры не играю, - с трудом выговорила я.

- В какие игры? - Галина сделала вид, что не поняла меня.

- В которые играешь ты. Я пас.

- Да я в карты тоже играть не люблю. Я вообще не азартный человек и никогда им не была.

- Ты прекрасно понимаешь, о чем я говорю.

- Нет, - явно издевалась надо мной Галина.

- Я беременна не от Якова. У меня даже срок не совпадает. И я не буду делать пакости, о которых ты говоришь...

- Дорогая, да будет тебе известно, эти пакости, как ты их называешь, стоят очень больших денег. Понимаешь, очень больших! И это единственный способ вылезти из нищеты, в которой тебе предстоит сидеть долгие годы. Да и не только тебе, но и твоему ребенку, который потом тысячу раз пожалеет о том, что ты произвела его на свет! И запомни. У тебя не четвертый месяц беременности, а второй. Так половина баб делает. И нормально. Прокатывает. Родишь семимесячного, ничего страшного. На самом деле, ты родишь нормального девятимесячного ребенка.

- Но ведь по ребенку видно, сколько ему - семь или девять?

- Видно. Но ты же с этим Яковом жить не будешь. Позвонишь ему, поздравит с рождением ребенка. Скажешь ему, что ребенок родился недоношенным, потому что у тебя была слишком тяжелая беременность. Ты слишком много нервничала. Скажешь, что тебя уже выписали, а ребенок еще в больнице, что его выпишут позже. А потом ты покажешь Якову своего богатыря и будешь уверять, что он, как две капли воды, похож на своего отца.

- Но я не смогу...

- Сможешь. Можно подумать, у тебя есть какой-то выбор.

- Но это подло...

- Милая, тебе ли рассуждать о подлости! А рожать ребенка без отца и бросать его в нищету, по-твоему не подло?

- Но ведь я беременна не от Якова...

- А ты сама себе внуши, что от Якова, тогда будет полный порядок.

Я чувствовала себя глубоко несчастной, опустошенной. Я сидела у окна, смотрела, как Галина убирает со стола, и, положив руки на живот, которого, по ее выражению, еще не было видно, напряженно думала. Галина затеяла довольно рискованную игру. Если я когда-нибудь увижусь с Яковом, как я смогу посмотреть ему в глаза?

- Подумай, подумай, - вытирая стол, говорила Галина. - Тебе полезно. Хорошенько подумай, как вытрясти из него деньги, да побольше. Ты должна помнить, что твой живот - твое самое главное оружие. Сейчас на карту поставлена твоя собственная жизнь и жизнь твоего еще не рожденного ребенка, которому ты должна обеспечить достойное будущее.

- Господи, если бы даже это был ребенок от Якова, я бы и то побоялась ему об этом сказать! - в сердцах произнесла я.

- Если бы он был от Якова, тебе бы вообще не пришлось ломать голову по этому поводу. Ты бы просто поставила его перед фактом и все. Надо было думать, от кого беременеть. Да ладно, теперь уж что говорить, поздно. Теперь надо действовать.

- Галина все, что ты задумала, так рискованно...

- Не рискованнее, чем ехать в деревню и рожать ребенка без мужа, когда у тебя за душой нет ни гроша. Только, ради Бога, будь взрослой девочкой, не тешь себя иллюзиями и не надейся, что Яков на тебе женится. Если мы возьмем его твоей беременностью, вернее, если тебе повезет, и он проявит какие-то чувства, у тебя есть все шансы стать его любовницей.

- Любовницей?!

- Вот именно, любовницей! Если бы он полюбил ребенка и сделал тебя своей любовницей, в твоей жизни наступил бы новый этап. Ты бы жила в центре, в прекрасно обставленной квартире. Яков покупал бы тебе одежду и драгоценности. Опекал тебя и твоего ребенка. Ну что ты так на меня смотришь? Тебя смущает слово любовница?!

- Я не знаю...

- Вот именно, ты не знаешь. Только законченные идиотки считают это слово постыдным.

- Так считают все женщины, у которых есть хоть какое-то достоинство.

- Дорогая моя, насчет достоинства я лучше помолчу. Если женщина стала любовницей, это совсем не означает, что она стала падшей. Просто любовница спит с тем мужчиной, которого она хочет, и его семейное положение не имеет для нее никакого значения. Ей хорошо с ним здесь и сейчас и совсем не важно, что будет потом... Тут нет ничего грязного и постыдного. Поверь, найдется достойный принц, который со временем обязательно предложит тебе руку и сердце. А сейчас надо довольствоваться малым. Надо довольствоваться любовными отношениями. Это, как на старте, подготовка перед большим прыжком.

Ближе к вечеру, когда мы собрались ложиться спать, в дверь раздался звонок. Мы с Галиной тревожно переглянулись.

- Галя, кто это? - едва выговорила я.

- Не знаю, - растерянно пожала она плечами.

- Ты кого-нибудь ждешь?

- Наверное, это не к нам.

- Точно, не к нам. Может, к деду Ивану кто-то из собутыльников пришел.

Но не прошло и пары минут, как в нашу дверь постучали, и этот стук заставил меня вздрогнуть.

- Не пойму, кому в такой час понадобилось... - проворчала Галя. - Неужели дед Иван опять денег идет просить на бутылку!

Она не успела подойти к двери. Дверь распахнулась, на пороге стоял... Яков. Он заметно нервничал, даже как будто постарел. Я сидела на кровати в стареньком халате поджав под себя ноги и смотрела на Якова широко раскрытыми глазами... Я была в полной растерянности и почувствовала, что сердце вот-вот выскочит из моей груди. Мы смотрели друг другу в глаза и боялись проронить хоть слово. Поправив вырез на своем стареньком халате, я вдруг подумала, что выгляжу просто ужасно. Растрепанные волосы... Бледное лицо, уже позабывшее, что такое косметика... Опухшие от постоянных слез глаза... Синие круги под глазами... Непонятно откуда появившиеся на лице прыщи...

- Я хочу умереть, - только и смогла произнести я, переведя свой взгляд с Якова на ничего не понимающую Галину. - Господи, кто б только знал, как я хочу умереть...

- Рано тебе еще умирать. - Галя взяла инициативу в свои руки. - У тебя жизнь только начинается. Ты посмотри, кто к тебе приехал. Отец твоего будущего ребенка! Красивый мужчина, ничего не скажешь. Значит и ребенок будет красивый.

Яков достал платок, вытер пот со лба, обернулся к Галине и тихо спросил:

- Это вы мне звонили?

- Да, - с вызовом ответила она.

- Я вам очень благодарен за то, что вы это сделали.

- Я не могла иначе. У меня сестра одна единственная, и я очень переживаю за ее судьбу.

Только не пойму, как вы меня нашли? Я же не давала вам адреса. Я просто пообещала вам перезвонить.

- Поверьте, это совсем не сложно. Вы звонили с мобильного телефона своей сослуживицы.

- Да. И что?

- Ну вот, я ей перезвонил. Она мне дала ваши координаты.

- Я об этом не подумала.

Галина встала и направилась к выходу.

- Вам, наверное, хочется остаться одним. Вы здесь поговорите, вам есть что друг другу сказать. Только, Яков, вы, пожалуйста, мою сестру не обижайте. Ей нельзя нервничать. Кстати, как вы могли допустить, чтобы она забеременела?! Разве не видите, она совсем еще ребенок! Она и понятия не имеет, что значит предохраняться. Могли бы сами об этом позаботиться. Из-за вас девочка оказалась в таком положении... День и ночь плачет. Спрашивает, как жить дальше, чем кормить малыша. Успокойте ее, пожалуйста, пообещайте, что вы не оставите ее наедине с этой проблемой. Вы, между прочим, имеете к этому самое прямое отношение! Поймите правильно, вас никто не заставляет жениться. Живите со своей красавицей Тамарой, но будьте порядочны, возьмите всю материальную сторону проблемы на себя, Галина! - Я была готова провалиться сквозь землю и в отчаянии закрыла лицо ладонями.

- Я уже сорок лет Галина. Почти сорок лет и в тысячный раз повторяю, что намного лучше, чем ты, знаю жизнь.

- Мне ничего не надо...

Я в этом не сомневаюсь. Тебе никогда ничего не надо. Ты у нас барышня не привередливая и можешь святым воздухом питаться. Тебе не привыкать. Но сейчас ты должна думать не о себе, а о своем будущем ребенке. Ему нормальное питание нужно, да и нормальные условия бы тоже не помешали. В нашей коммуналке антисанитария страшная. Не самые подходящие условия, чтобы растить вашего наследника. Мы, Яков, люди не богатые. Сами видите, в каких условиях живем. Других нет и не будет. Можете на кухню пройти. Там все грибок съел. В туалете сырость страшная. Там больше минуты находиться нельзя. Про ванну я вообще молчу. В нее ведь даже садиться страшно. Садись и думаешь, останешься жив или нет. Штукатурка осыпается и падает прямо в ванну. Даже страшно подумать о том, как потом в этой ванне вашего наследника купать, чтобы никакой беды не случилось. Вы не думайте, что мы такие неряхи и запустили квартиру. Просто дом старый и весь разваливается. Его сносить собрались, говорят, что ремонту не подлежит. Тут порядок навести невозможно. Ладно, не буду вам мешать. Мне еще кое-что постирать надо, посуду помыть... Желаю прийти к общему знаменателю, договориться обо всем полюбовно. И еще, Яков, если вы будете уговаривать мою сестру сделать аборт, то даже не пытайтесь этого делать. Первый аборт опасен и неизвестно, какие будут последствия. Мы рисковать не будем. У меня многие подруги понаделали аборт по молодости, затем замуж вышли и развелись по одной простой причине - бесплодными стали, детей не могут иметь. А Анжела у меня девушка видная, придет время, она достойную партию встретит, решит семью завести. Кто ее полюбит, возьмет и с ребеночком, ребенок любви не помеха.

Открыв дверь, Галина нос к носу столкнулась с пьяным дедом Иваном, который терпеливо ждал когда кто-нибудь выйдет.

- Ты что, подслушиваешь, что ли?! - раздула ноздри Галина.
- Да нет... Я просто гражданина одного жду. Стою здесь, чтобы его не пропустить.
- Какого еще гражданина?!
- Который к нам в дом пришел.
- Он не к тебе вовсе пришел. Что тебе от него надо?!
- Денег на бутылку.
- Что?!
- Что слышала. Денег хочу у него попросить на бутылку.
- Ас чего бы это он тебе денег давал на бутылку?!
- Я просто подумал, может у него лишние есть...
- Дед, ты что, совсем головой поехал?! Не знаешь, что ли, что деньги лишними не бывают! На то они и деньги.
- Пусть он даст на бутылку, и я уйду. Если он настоящий мужик, должен меня понять. Алкоголиков понимать нужно и хоть немножко жалеть. Им в этой жизни и так тяжело, и так мучиться приходится.

Слегка отодвинув Галину дед заглянул в комнату.

- Гражданин хороший. Будь человеком, дай денег на бутылку. Выпить хочу, аж все внутри горит. От этих девок даже рубля не дождешься... Как ни спрошу, у них никогда ничего нет. Жадные они, заразы.

- Да, конечно...

Яков достал бумажник, и дед тут же расплылся в улыбке, потер ладони. Галина, уперев руки в бока, возмущенно набросилась на соседа.

- С чего это мы жадные?! А нам кто деньги дает?! У нас у самих ни черта нет! Если бы ты на хлеб просил, а то на водку!

- Для меня водка и есть хлеб, - вежливо объяснил дед.

- Да чтоб ты от своей водки сгорел! Разве можно так ее жрать! Лучше бы молока выпил.

- Сама пей свое молоко. - Дед явно оскорбился и посмотрел на Якова глазами, полными надежды.

- Вот видите, Яков. Так и живем, - развела руками Галина. - За стеной дед алкоголик, покоя ни днем, ни ночью не дает. Постоянно стучит, денег просит. Сами подумайте, каково тут будет вашему наследнику, что он будет видеть с раннего детства и какие люди будут его окружать. Вы бы Анжеле квартиру сняли, чтобы она нормально ребенка выносила и родила! А тут... Тут я не знаю кого она выносить и родить может... Для беременной бытовые условия имеют довольно большое значение.

- Галина! - вновь крикнула я не отнимая ладоней от лица.

- Я сорок лет Галина! Вернее, почти сорок. Когда я уже всю парням головы кружила и мозги пудрила, тебе еще на свете не было!

Яков протянул деду пятьсот рублей, тот обрадовано схватил деньги и раскланялся.

- Спасибо тебе, гражданин хороший. Спасибо. Вот уважил! Вот обрадовал! Ты к нам почаще заходи. Я такому гостю всегда рад буду.

- Конечно, он теперь часто заходить будет, - заметила Галина. - Куда он денется. У него ребенок подрастать скоро будет... А ребенок... Родная кровь, как-никак... А ты, дед, я смотрю сегодня в запой уйдешь. Тут тебе не на одну бутылочку хватит.

- А ты чужие деньги не считай, жадина. Будешь у меня стопку просить, я тебе не налью - пробурчал дед и скрылся с глаз долой.

- Да я водку отродясь не пила, идиот! Ишь, водки он мне на нальет. Да кому нужна твоя водка! - крикнула ему вслед Галина и громко хлопнула дверью.

Мы с Яковом остались одни. Он сел на краешек кровати и отвел мои руки от лица.

- Анжела... - попытался он заговорить со мной. - Анжела...

- Яков, ты извини, что Галина тебе позвонила... - принялась оправдываться я. - Я ничего не знала об этом звонке. Честное слово, ничего... Я бы этого не допустила. Если бы я знала, что она собирается тебе позвонить, я бы ее отговорила. Ты ее, пожалуйста, не слушай. Мне ничего не надо. Мне вообще ничего не надо. Извини, что так получилось. Извини.

Я чувствовала, я конечно же чувствовала расположение Якова, я не могла этого не чувствовать, но я не знала, что мне сейчас от него ожидать. Возможно, он пойдет на Галинины условия только для того, чтобы я не отравляла ему жизнь и поможет мне деньгами исключительно из жалости, будет груб и поступит со мной так, как я того заслуживаю. Передо мной сидел представительный, хорошо одетый мужчина, но самое страшное было в том, что он был совсем чужой. В нем не было ни одной родной черточки.

Я смотрела на Якова затравленным взглядом глубоко несчастной женщины и думала о тех долгих ночах одиночества, которые ждут меня впереди. Судьба матери-одиночки - довольно суровая судьба для женщины, особенно в наше жестокое время, но я сама ее выбрала и уже никогда от нее не откажусь. Эти одинокие ночи вырастут в точно такие же одинокие недели, а одинокие недели вырастут в одинокие месяцы... Одинокие месяцы вырастут в одинокие годы и так пройдет моя жизнь. Господи, как страшна такая жизнь! Как же она страшна... Жизнь без поцелуев, без слов любви, без крепких объятий, без родного мужского тела, без поддержки, которая так необходима женщине, без защиты, да и вообще, без любви... Только любимый мужчина, только жизнь вдвоем может унести боль, одиночество и все тревоги.

- Я хочу умереть... Господи, если бы ты только знал, как я хочу умереть, - снова вырвалось у меня.

- Не говори так. Твоя сестра молодец, что решила мне позвонить... Было бы намного хуже, если бы она не позвонила. Я сам тебя искал. Вера Анисимовна рассказала мне, что приезжала Тамара. После того, как вы с ней поговорили, ты убежала из дома. Я представляю, что она тебе наговорила! Ты ей поверила. Но ведь ты должна была дожидаться меня. Ты же обещала. Я

хорошо помню, что ты мне обещала.

- Но...

- Никаких но... Все, что сказала Тамара, все это неправда. Она сказала, что не знает, куда ты уехала. Ты просто исчезла. Никто про тебя ничего не знал. Прошел месяц с лишним, и звонит твоя сестра! Ты даже не представляешь, как я обрадовался этому звонку. Как сильно...

Я сидела, смотрела на Якова и думала о том, что в очередной раз рушу свою собственную нескладную жизнь. Рушу ее обманом. Яков придвинулся ко мне, обнял и прижал к себе.

- Как ты себя чувствуешь? - заботливо спросил он.

- Меня постоянно тошнит.

- А сколько у тебя беременности?

- Второй месяц.

- Но ведь это совсем маленький срок. Ты уверена, что беременна?

- Да. Я была у врача.

- И врач подтвердил?

- Яков, я же тебе сказала. Но ты не переживай. Это тебя никак не коснется. Я справлюсь со всем сама.

Яков заглянул мне в глаза и тихо спросил:

- Девочка моя, но почему ты не дождалась меня в прошлый раз?

- Потому что пришла Тамара.

- Почему ты ей поверила?

- Мне показалась, что она говорит правду. А потом она затащила меня в машину и вывезла на городскую свалку.

- Что?!

- Она меня обманула. Ее ребята очень сильно меня избили. Тогда я еще не знала о своей беременности.

Яков побледнел, у него задрожали губы.

- Ты говоришь правду?!

- Да.

- Тебя избили на городской свалке?!

- Да.

- Но я ничего не знал об этом! - закричал Яков.

Я никогда не забуду тот страшный день. До сих пор мне кажется, что это произошло только вчера. Я не понимаю, почему она со мной так поступила... Ведь это очень жестоко. Ты даже не представляешь, как это жестоко. Я была с ней предельно вежлива. Я не сказала ей ни одного плохого слова, но чем больше я пыталась расположить ее к себе, тем больше и больше она пыталась поставить меня в дурацкое положение. Она открыто смеялась надо мной, над моим деревенским происхождением, над тем, как я оказалась в твоём доме... С того самого момента, как только она вошла в дом, она открыто бросила мне вызов Положив голову Якову на плечо, я не выдержала и дала волю чувствам – громко заревела. Яков принялся меня успокаивать глядя мои растрепанные волосы.

- Она не рассказала мне об этом. Сказала, что ты уехала из дома сама. Поверь, Тамара поплатится за это. Господи, девочка моя, сколько тебе пришлось пережить! Сколько же тебе пришлось пережить, даже страшно подумать...

Я немного успокоилась.

- Тамара поплатится за свой поступок. Это я тебе обещаю, – с ненавистью произнес Яков. – Она получит по заслугам.

- Она просто тебя очень любит. Говорят же, что от любви человек теряет рассудок, что он сам не ведает, что творит.

- Ты считаешь, что Тамара меня любит?

- Зачем ты спрашиваешь? Ты и сам все знаешь.

- Господи, ты не от мира сего! Всему ищешь оправдание. Буквально всему. Какая же ты у меня чистая... Какая чистая... Ты оправдываешь женщину, которая так жестоко с тобой обошлась!

- Я просто поняла, что она тебя любит. Это видно невооруженным глазом.

- А ты меня любишь?

- Что?

Я посмотрела на Якова испуганным взглядом.

- Что? – вновь повторила я свой вопрос, хотя прекрасно поняла, о чем спросил меня Яков.

- Я спросил, а ты меня любишь?

- Я?

- Ты.

- Люблю... Люблю... Конечно, люблю...

Яков закрыл мой рот поцелуем. Он целовал меня долго и жадно. Он целовал и слизывал языком мои слезинки... Он дотрагивался до моих волос с такой нежностью, что мне захотелось рассказать ему о том, что я вру, что тот ребенок, которого я в себе ношу, не имеет к нему отношения. Но я не смогла. У меня не хватило решимости. Пусть все останется так, как оно есть. Пусть все так и останется...

...У меня не было свадьбы не потому, что я ее не хотела, а потому, что совсем недавно Яков похоронил жену. Не принято вступать в брак раньше, чем через год после похорон. Мы расписались совсем тихо, без музыки, без свадебного платья и без грандиозного застолья... В тот вечер, когда Яков впервые приехал на квартиру к Галине, он заявил, что у ребенка должен быть отец и что за все, что между нами произошло, мы несем ответственность оба. Проще говоря, Яков взял мою руку в свою и сказал одну банальную фразу, которую я часто слышала в кинофильмах, которую читала в книгах, но никогда не думала, что услышу ее в применении к себе: «Выходи за меня замуж».

Да, дорогой читатель. Он именно так мне и сказал: «Выходи за меня замуж». Богатый человек предложил выйти замуж бедной деревенской девушке, потому что она носила под сердцем ребенка, которого он считал своим. А может быть я ошибаюсь. Возможно дело было не только в ребенке. Возможно Яков ко мне что-то чувствовал... По крайней мере мне бы хотелось в это верить. Дай Бог, чтобы это было именно так.

А я... Я с радостью кивнула головой и подумала, что я уже приняла правила крайне нечестной игры, ступила на тропу лжи, так почему же мне не идти по ней дальше...

Мы решили справить нашу так называемую свадьбу в узком семейном кругу, но не где-нибудь, а в плавучем ресторанчике, который Яков выкупил на целый день. Он хотел, чтобы это торжество приняло особенную остроту и, конечно же, надолго запомнилось. Нас было трое. Яков, одетый в белоснежный костюм и ослепительно красный галстук. Моя так называемая сестра Галина, наряженная в вишневое платье и я, одетая в платье цвета лазури с искусственным цветком в волосах. Нас обслуживали несколько официантов. Музыканты громко играли красивую музыку...

Туристы, решившие полюбоваться величественной Москвой с реки, использовали для этого речные такси. Они с любопытством смотрели на нас, махали нам руками, громко кричали, свистели и совершенно откровенно завидовали.

- Новые русские жируют! - слышалось с катеров. - Вот жизнь пошла! Оплатили ресторан и плавают... Это ж какие деньги надо иметь!

Они были правы. Денег у моего мужа было много. Аренда речного ресторана для него - просто копейки.

- Добрый день, страна! - закричала Галина и помахала проплывающему мимо нас речному такси бутылкой дорогого шампанского.

- Добрый день! - слышался ей ответ.

- У меня есть музыка! Народ, какую песню ты любишь?!

- Какую поставишь! - громко кричал ей народ.

Галина повернулась к оркестру и закричала пьяным голосом:

- А ну-ка спойте мне песню... Про этот, как его... Про Саратов! Парней так много простых! А я люблю богатого...

- Не богатого, а женатого, - поправила я Галину и покосилась на Якова, который разговаривал

по мобильному телефону и не обращал на Галинины пьяные реплики никакого внимания.

- А я говорю богатого! - настаивала Галина. - Народ, будешь слушать песню про богатую любовь?!

- Будем!!!

- Слушай, народ! Слушай!

Галина начала дирижировать.

- Парней так много простых на улицах Саратова, а я люблю богатого!!! - закричала она перекрикивая оркестр.

Закончив разговор, Яков сунул мобильный в карман, подошел ко мне совсем близко и, встав на колени, приложил ухо к моему животу.

- Яков, встань, - смутилась я и испуганно огляделась по сторонам. До нас никому не было никакого дела - ни официантам, ни музыкантам... - Поднимись, - все же настаивала я. - Ты испачкаешь брюки.

- Ну и что? Анжелочка, у меня, знаешь, сколько таких брюк! Тебе и не снилось! А сколько у тебя теперь платьев будет, тебе тоже не снилось! Еще не хватало нам экономить на одежде!

- Ну что ты там слушаешь? - залилась я алой краской и испуганно посмотрела на заинтересовавшуюся этой трогательной картиной Галину.

Она знаком показала мне, что все о'кей, что у нее просто нет носового платка, а то она бы обязательно проронила скупую слезу. Затем отвернулась и принялась дирижировать дальше.

- Яков, ну что ты там слушаешь? Еще ничего не слышно.

- Я слушаю, как бьется сердечко нашего отпрыска.

- Я же тебе говорю, еще рано.

- А на каком месяце должно быть слышно?

- Я не знаю. Наверное месяца в четыре или в пять... - Я говорила и чувствовала, что мое лицо заливается краской все больше и больше.

- Скорее бы было пять месяцев. - Яков встал с колен и заглянул мне в глаза. - Как ты думаешь, кто у нас будет, мальчик или девочка?

- Не знаю... А ты бы кого хотел?

- Мальчика, конечно, а впрочем я девочке тоже буду рад. Если первым родиться мальчик, мы оба постараемся, чтобы второй у нас была девочка. А если первой родиться девчонка, то вторым будет мальчик.

- Ты хочешь двоих?

Милая, да хоть троих! Я и десятерых прокормлю, - рассмеялся Яков. - Я своих детей всех любить буду. Что девочек, что мальчиков. В них же моя кровь течь будет. Разве можно свою

кровь не любить... Я тебя на следующей неделе отвезу к своему врачу. Наблюдаться будешь только у моего врача, я нашей современной медицине не доверяю.

- У какого твоего врача?

- У меня есть знакомый врач-гинеколог. Это пожилая старушка, она редкостный профессионал. Она наблюдала Зою. Очень хорошая женщина. Она будет курировать тебя всю беременность. Поставит точный срок, будет смотреть, как протекает твоя беременность, сделает УЗИ. Поверь мне, под ее наблюдением ты легко родишь и без каких-либо осложнений. Она научит тебя правильно дышать при родах, обучит гимнастике. Так что готовься. На следующей неделе едем.

Я стояла ни жива ни мертва. Яков не мог не заметить моего состояния. Он тут же изменился в лице и спросил:

- Анжела, что с тобой? Тебе плохо? Ты стала плохо себя чувствовать? Хочешь, я прекращу эту гулянку?! Ты вся позеленела.

- Ничего страшного. Это пройдет. Яков, не нужно меня куда-то вести на следующей неделе.

- Почему?

- Потому что у меня уже есть очень хороший врач. Специалист высочайшего класса. Мне его Галина нашла. Настоящий профессионал, каких поискать. Я у него уже наблюдаюсь. Врачей лучше не менять. Меня мой устраивает.

Анжелочка, в этом вопросе ты со мной, пожалуйста, не спорь. Понимаешь, это мой родной ребенок, и я не могу рисковать его здоровьем. Ты будешь наблюдаться только у моего врача, и я больше не желаю говорить на эту тему. Теперь ты моя жена и должна считаться с моим мнением. Я забочусь о тебе и о нашем ребенке. Позволь мне позаботиться о вас двоих. Откажись от своего бывшего врача. Скажи, что ты больше не нуждаешься в его услугах.

- Но ведь я могу обидеть человека.

- Дорогая моя, теперь у тебя новая жизнь. Теперь у тебя семья. В этой жизни ты должна бояться обидеть только одного человека - меня.

У Якова вновь зазвонил мобильный. Он отошел в сторону, а я подозвала официанта. Он достал из ведерка со льдом бутылку шампанского, быстро ее открыл и наполнил мой фужер. С трудом держащаяся на ногах Галина подбежала и протянула свой бокал.

- Ну что, сестренка ты моя названная, чокнемся, что ли? Поздравляю! Ей-богу, поздравляю. Знаешь, а ты молодец. Я тебя недооценила. Ты хоть и деревенская, а знаешь, как мужиков крутить. Мне у тебя поучиться надо. Правду говорят, что в тихом болоте черти водятся, а в деревенском, тем более. Я, дура, тебя еще уговаривала аборт делать! Ты как в воду глядела, когда решила рожать. Какой, к черту, аборт, когда тут такая лафа подкатила! Никогда не думала, что такие мужики по залету жениться могут.

- А может он и не по залету на мне женился, - в моем голосе послышалась обида.

- А почему, по-любви, что ли?

- Хотя бы и по любви.

- Ой, Анжелка, да брось ты! Такие мужики по любви не женятся. Они же любят только себя. Как они могут по любви жениться?!
- Тебя послушаешь, так и жить не захочется. По залету такие мужики не женятся, по любви тоже... Непонятно, какого хрена они тогда вообще женятся. Женятся они и по залету, и по любви, если к этому человеку хоть немного что-то чувствуют. Они такие же, как и все люди.
- Я и подумать не могла, что ситуация примет такой оборот. Честное слово, я даже не могла подумать, - повторила Галина.
- Я и сама не могла подумать, что ситуация примет такой оборот, - сказала я положив руку на сердце. - Я не о том. Понимаешь, у меня все очень плохо... - На моих глазах показались слезы.
- Что может быть плохо, если все так хорошо?
- Все так хорошо только на первый взгляд.
- Тогда говори, что у нас плохо.
- Он сказал, что я буду наблюдаться у его врача. Это все. Это крах. Он запретил мне ходить к моему доктору. Представляешь, что будет когда он все узнает?! Ты только подумай, что будет! Он меня просто убьет или выкинет, как собаку, пинком под зад.
- Не говори ерунды. Никто тебя не убьет и не выкинет.
- Выкинет и убьет.
- Не паникуй, прорвемся.
- Что значит прорвемся?!
- Если ты пошла напролом, то уж, будь добра, иди до победного конца. Пойдешь в отказ - и все.
- Я твоих блатных словечек не понимаю. - Я говорила и слышала, как дрожал мой голос.
- Они не блатные, а жизненные. Ты должна до последнего не соглашаться с Яковом. Он же тебя силой не потащит к этому гинекологу! Даже если он договорится, то скажешь, что у тебя болит голова, что ты плохо себя чувствуешь. Найдешь тысячу причин и никуда не поедешь.
- Подумай, о чем ты говоришь! Я что, все девять месяцев буду страдать головными болями и уваливать от похода к врачу?! Это по меньшей мере подозрительно... Яков не дурак. Он тут же поймет, что что-то не так...
- В конце концов ты не маленькая девочка, а уже даже женщина. Ребенка под сердцем носишь. Женщина всегда обведет вокруг пальца любого мужчину, если очень постарается. Где твоя природная хитрость?!
- Ой, Галя, не нравится мне все это.
- Что тебе не нравится?! - захлопала глазами Галина - Тебе не нравится этот плавучий ресторан, аренда которого стоит кучу денег?! Тебе не нравится, что все тебе завидуют?! Не нравится быть женой богатого человека?! Не нравится безумно дорогое платье, которое на тебе надето и о котором ты раньше даже не могла мечтать?! А может не нравятся твои бриллиантовые сережки, которые подарил тебе муж? Они просто оттягивают уши! Не нравится

икру черную ложками есть, которую ты сегодня первый раз в жизни попробовала?!

- Да нет... - Я покосилась на стоящего поодаль мужа. - И не кричи, пожалуйста, сюда Яков смотрит.

- Он и обязан сюда смотреть, потому что он твой муж. Короче, Анжелка, ты раньше времени панику не наводи. Будет день, будет и пища. Если ты такого мужика на себе женила, то и сделаешь все возможное для того, чтобы не наблюдаться у его врача. Ты девочка молодая, но хваткая. Мне самой у тебя надо учиться, а не тебя учить.

Подошел Яков. Он не был пьян, но уже близок к этому. Обняв одновременно меня и Галину, он расплылся в улыбке:

- Ну что, сестренки, чего шепчетесь?

- Мы шепчемся о том, - начала Галина, - о том... в каких отношениях ты сейчас с Тамарой.

Яков изменился в лице и резко ответил:

- С этой женщиной меня больше ничего не связывает. С ней кончено.

- Раз и навсегда?

- Раз и навсегда. Вас обоих удовлетворил мой ответ?

- Вполне.

Яков мечтательно посмотрел на небо.

- Анжелочка, радость моя, ведь я теперь у твоей сестры пожизненный должник. Если бы не она, я бы навсегда потерял свое сокровище. Галина, я человек, который помнит добро и умеет благодарить. Проси у меня, что хочешь, я для тебя все сделаю.

- Не переживай, Яков, я у тебя теперь постоянно просить буду, - рассмеялась Галина. - Теперь ни тебе, ни сестре от меня не отвертеться.

- А мы и не собираемся, - успокоил Галину Яков. - Тебе мы нашим счастьем обязаны.

Вновь заиграл оркестр, и Яков пригласил меня на танец. Мы стали плавно двигаться в медленном танце в такт музыки и не могли не радоваться тому, что мы вместе.

- Яков, я счастлива! - громко крикнула я и закрыла глаза. - Я хочу, чтобы так было всегда!

- А я хочу защитить тебя от внешнего мира! Я хочу, чтобы ты была моей! Только моей! Я хочу, чтобы ты была моей в постели, моей в жизни, моей в любви и моей в быту! Скажи, ты и в правду счастлива?!

- Я очень счастлива и не хочу, чтобы что-то смогло разрушить это счастье.

- Не переживай, дорогая. Его никто не нарушит. Никто...

А затем была восхитительная ночь, которой не помешала даже моя беременность, потому что Яков был предельно аккуратен и осторожен. В эту ночь огонь желания постоянно горел в наших глазах, а тепло его дыхания заставляло меня громко стонать и блаженно улыбаться...

Его губы были влажными и вызывали постепенно нарастающую дрожь в моем напряженном теле. Мы были одержимы друг другом, и такая слепая одержимость только подливала масла в огонь, разогревала нас все больше и больше. Это был самый восхитительный и чувственный опыт в моей жизни.

Ранним утром я уселась с ногами в кресло и стала наблюдать за тем, как завтракает мой муж.

Я сидела совершенно голая, скрестив ноги в позе лотоса, улыбалась и собирала в хвост непослушные волосы. Яков спешил, но все же постоянно поглядывал в мою сторону.

- Ты сейчас такая красивая. Как поживает наш животик?

- Отлично.

- Ты не забыла, что скоро к врачу?

- Нет. Почему ты так быстро ешь?

- Потому что сейчас ко мне приедут двое знакомых. Мне нужно переговорить с ними, а затем ехать по делам.

- Куда?

- Зарабатывать деньги. Дорогая, ты же знаешь, что я должен зарабатывать деньги.

- Но у нас их и так достаточно.

- Если их прекратить зарабатывать, очень скоро станет недостаточно.

- А когда ты вернешься?

- Анжелочка, я не привык жить по расписанию, и ты должна к этому привыкнуть.

- Я просто спросила.

- А я просто ответил. Ты, пожалуйста, не скучай. Побольше ешь и спи. Тебе это очень необходимо.

- У нас что, не будет медового месяца?

- Будет, только немного позже. И вообще, тебе нежелательны перелеты.

Яков игриво мне подмигнул и посмотрел на мою грудь.

- Анжела, ты просто бесценное сокровище. Если бы ты только знала, какое ты бесценное сокровище... Дорогая, ты у меня такая красивая... Через пять минут встреча, а я с эрекцией.

- Тогда, может, отложишь встречу и останешься?

- Я бы рад, девочка моя, но не могу. Есть встречи, которые не откладываются.

- Но, может быть, все же отложишь? У тебя такая красивая жена, и она такая мастерица в постели.

Я села перед Яковым, пьющим кофе, на корточки.

- Ты права. У меня и в самом деле очень красивая жена. Она радуется глаз и изобретательна в постели, но, дорогая, работа есть работа, и ее нельзя отложить.

- Даже после свадьбы?

- Даже после свадьбы.

Яков взял мое лицо в свои ладони и прошептал:

- Ты даже не представляешь, как я благодарен твоей сестре за эту встречу. Как я благодарен... Когда ты исчезла, я целый месяц ждал твоего возвращения. Долгий, томительный месяц. Я очень боялся, что с тобой случилось несчастье. Ты даже не представляешь, как сильно я этого боялся. Мне не к кому было обратиться, чтобы тебя найти, у нас не было общих знакомых. Я ведь вообще про тебя ничего не знал, кто ты, откуда... Этот месяц мне очень тебя не хватало. Я жил, словно в лихорадке. Со мной такое впервые. Понимаешь, можно переспать с женщиной, а утром постараться побыстрее от нее избавиться, потому что понимаешь, что тебе с ней не о чем говорить. А с тобой все по-другому. С тобой мне совсем неважно есть о чем говорить или нет. Потом я пытался тебя забыть. Я даже искал аргументы, чтобы тебя очернить, чтобы доказать себе, что ты совершенно мне не нужна.

- И как? Ты меня очернил?

- Я пытался, но у меня ничего не получалось. Я вспоминал твое выступление в суде... Нашу ночь и нашу первую близость... Это невозможно очернить, про тебя нельзя было сказать плохо. Целыми днями я ломал голову, как мне тебя найти и не находил ответа. И вдруг этот звонок... Я стал бесконечно счастлив. Я столько прожил, но не представлял, что можно стать счастливым от одного единственного звонка... Оказывается можно, если этот звонок - весточка о тебе...

Посмотрев на часы, Яков заторопился.

- Извини, дорогая, дела.

Он поцеловал меня в щеку и выскочил за дверь. Накинув халат, я бросилась следом за ним.

- Яков! Яков! - громко кричала я и бежала по лестнице.

- Что? - Муж остановился у входа в гостиную и посмотрел вверх.

- Я забыла тебе сказать, что очень сильно тебя люблю!

- Правда? Я тоже. Только не беги, пожалуйста, по лестнице. Ты можешь упасть и навредить нашему ребенку. Дорогая, будь умницей и помни, что теперь ты не одна. В тебе живет наше совместное чудо.

Я вошла вслед за ним в гостиную.

- Дорогой, извини, ради Бога, но можно я поцелую тебя еще раз. И сразу уйду, не буду тебе мешать.

- Ну хорошо. Только один раз, - засмеялся муж и подставил мне щеку.

Поцеловав Якова, я посмотрела на пришедших в наш дом гостей и заметила, что один из мужчин смотрит на меня как-то особенно, хотя был мне совершенно незнаком.

- Дорогая, извини. Я не представил тебе своих гостей. Это Виктор, а это... это Кот.

Мужчина смотрел на меня чересчур заинтересованным и слегка напуганным взглядом.

- Кто? - переспросила я.

- Кот.

- Это имя такое?

- Это прозвище.

Мужчина сверкнул глазами, галантно поцеловал мою руку и объяснил:

- Знаете, я уже и сам не помню своего имени. Все знакомые давно зовут меня Котом.

- Так уж и не помните...

- Меня редко кто называет по имени. Простите, а мы с вами нигде раньше не встречались?

- Нет, - покачала я головой. От его ледящего взгляда по моей спине пробежал холод.

Глава 17

Вернувшись в спальню, я подошла к окну, села на подоконник и трясущимися руками потянулась за полотенцем, чтобы вытереть выступивший на лбу пот. Раз за разом я заставляла себя вспоминать пронзительный взгляд мужчины, который не сказал своего имени и назвал себя нелепым прозвищем Кот. Я лихорадочно думала, почему совершенно незнакомый человек произвел на меня такое удручающее впечатление. Увидев меня, он испугался... Я не могла ошибиться, он испугался. Его испуганное лицо отчетливо вставало в моей памяти. Какое странное прозвище! Мне казалось, что я когда-то его слышала... Только вот когда...

И все же я вспомнила. По большому счету я даже не напрягала свою память. Мне просто вспомнилась ночь, когда убили Александра... Эта была страшная ночь, и она никогда не исчезнет из моей памяти. В этой ночи было двое мужчин в масках и один назвал другого Котом... Он так и сказал: «Кот, хватит тянуть время. Мочи его и дело с концом». А затем эти мужчины бежали за мной до самой реки... Они были в масках, и я не могла видеть их лиц, точно так же, как мужчины не могли видеть моего лица. Было темно. Преследователи видели только мой силуэт. Они не могли меня запомнить, потому что мы не встречались лицом к лицу. Было темно. Я убегала и смотрела только прямо перед собой... Значит это просто обыкновенное совпадение.

И все же странно. Когда я уходила из гостиной, я спиной чувствовала его тяжелый взгляд. Но что могло его так напугать, почему он спросил, не виделись ли мы раньше?

Я увидела, как мой муж вышел вместе с двумя незнакомцами из дома и направился в гараж к своему джипу. Мужчины подошли к иномарке, которая стояла у самых ворот. Один из них, прежде чем сесть в машину, обвел взглядом дом и увидел меня. Он растерялся, хотел улыбнуться, но улыбка не получилась, и он... оскалился. Мы не сводили друг с друга глаз на протяжении целой минуты, и эта минута показалась мне вечностью. Затем мужчина кивнул головой и сел в машину. Тут же показался джип моего мужа, который выехал следом за незнакомцами.

В комнату вошла Вера Анисимовна. Я ей приветливо улыбнулась.

- Анжел очка, а вы что на подоконнике сидите? - удивилась домработница. - Я хотела спросить, завтрак сюда принести?

- Нет, спасибо. Я спущусь.

- Тогда пойдемте. Я приготовила душистый омлет и творожную запеканку.

- Вера Анисимовна, вы когда-нибудь раньше видели этих мужчин? - Я не могла не задать вопрос, который сейчас занимал меня больше всего.

- Каких мужчин?

- Которые сейчас приезжали, чтобы встретится с Яковом.

- Они были у нас однажды.

- Когда?

- Буквально неделю назад. А раньше я их не видела.

- А кто они? - Я понимала, что задаю не самые корректные вопросы, но уже не могла остановиться.

Вера Анисимовна вконец растерялась.

- Яков Владимирович мне не говорил, а сама я стараюсь лишних вопросов не задавать. А что случилось?

- Да нет, ничего. Просто один из мужчин на меня как-то странно смотрел.

- Да вам показалось. А вообще, вы девушка очень красивая, вот на вас мужчины и смотрят, - попыталась успокоить меня Вера Анисимовна. - Я думаю, эти мужчины связаны с Яковом Владимировичем по работе, у них какие-то общие дела. Анжелочка, вам пора есть. Ваш малыш, наверное, уже проголодался, - ласково улыбнулась женщина.

- Какой малыш?

- Ну тот, который находится в вашем животике. Его же нужно кормить.

- Да, конечно. Я скоро спущусь.

Вера Анисимовна ушла, а я, не слезая с подоконника, тупо уставилась в окно. Опять вспомнилась та ночь, когда убили Александра. «Кот, не тяни резину. Мочи его и дело с концом...» - звенело у меня в ушах. Разум говорил, что это просто случайность... Одинаковое прозвище, только и всего... Но мое подсознание говорило об обратном. Этот взгляд... и этот вопрос: «Простите, а мы нигде не встречались с вами раньше?» Словно мужчина тоже что-то вспоминал, подозревал и сомневался. А может он хотел мне о чем-то напомнить...

Пошел дождь, потом начался ливень. Я пыталась выкинуть образ мужчины по прозвищу Кот из головы, но у меня ничего не получалось. Больше всего на свете я хотела выйти на улицу и погулять под дождем, но с грустью понимала, что мне нельзя этого делать. Я могу простыть, а мне простывать нельзя, потому, что я ношу под сердцем ребенка. Наверное это так приятно,

когда ты стоишь на улице и тебя поливает дождь. Теплый, летний дождь... Я вспомнила тот день и тот дождь, когда я бродила по московским улицам как только приехала в Москву. Струйки дождя щекотали мне шею, и я была неимоверно счастлива.

Я пыталась отогнать дурные мысли, но не могла с этим справиться. Я знала, что сейчас моя жизнь в корне изменилась. С тех пор, как я узнала, что беременна, я стала настоящим солдатом, который пойдет на все для того, чтобы защитить свое кровное. Именно беременность наделила меня такой небывалой смелостью.

Я позвонила Галине. Она приехала ближе к обеду и, пройдя в гостиную, тут же попросила Веру Анисимовну сварить ей чашечку кофе. Сев напротив меня, она посмотрела усталыми глазами и как всегда, когда я прошу ее срочно приехать, испуганно, спросила:

- Что у тебя стряслось? Что на этот раз? Наводнение или конец света? Я бросаю все свои дела и лечу к тебе, только потому, что тебе срочно захотелось со мной поговорить. Я у тебя как скорая помощь, ей-богу!

- Просто сегодня утром...

- Что же произошло сегодня утром? Твой муж не так на тебя посмотрел или что-то не то тебе сказал?

- Да нет. К нам пришли гости...

Наклонившись к Галине, я начала делиться своими опасениями. Когда я закончила свой рассказ, Галина помолчала, глядя вслед Вере Анисимовне, которая принесла кофе, и спросила:

- Это все?

- Все.

- А я-то думала...

- Что ты думала?

- Я думала, случилось страшное. Анжела, ты давай заканчивай меня по таким пустякам дергать. Я ведь тоже живой человек, пойми. Можно было поговорить по телефону, но ты заявила, что это не телефонный разговор. Не пойму, тебе скучно, что ли?

- Ну понятное дело, не весело, - обиделась я.

- Я так и подумала. Скучно, и ты не знаешь, как развеять свою скуку. Ты побольше ешь, смотри телевизор и, вообще, думай о чем-нибудь хорошем. Ты же, как-никак, ребенка под сердцем носишь.

- Хорошо тебе говорить. - Я напряглась и с трудом сдержала слезы. - Я ночами даже спать толком не могу.

- С чего бы это?

- С того, что у меня не сегодня завтра живот ползет, который на два месяца ну никак не тянет. Я боюсь, что весь этот обман откроется. Понимаешь, боюсь! У меня нервы сдают.

- Раньше надо было бояться. Теперь, после того как Яков на тебе женился, бояться нечего. Я

же говорю, у тебя ничего еще не видно. Езжай в магазин, купи бесформенных платьев. Не заостряй на этом внимание. Делай вид, что у тебя все, как положено, все, как надо. Ты сама себе поверь, тогда и другие тебе поверят. Учись заниматься самовнушением.

- А теперь этот Кот никак не выходит у меня из головы, - перебила я Галину. Ты бы видела, как он на меня смотрел... Ты бы тогда поняла.

- Выброси все из головы и не дергай меня и себя по пустякам. Ты беременна, и у тебя обострены все чувства. Поэтому тебя и преследует страх. Это нормально. Держи себя в руках. Попей успокоительное. Кстати, как тебе семейная жизнь?

- Нормально, - пожала плечами я. - Прошло еще слишком мало времени, поэтому ничего не могу сказать.

- Да тебе вообще грех жаловаться! Такого мужика отхватила! Вот это я понимаю, мужик. Всем мужикам мужик. Он мне за то, что я ему позвонила, новенький «Форд» подогнал. Не машина, а сказка. Такой мужик слов на ветер не бросает, все делами доказывает.

- Ты сейчас сама за рулем?

- Сама.

- Может, подкинешь меня в одно место? Только туда и обратно.

- Куда это ты собралась? - насторожилась Галина.

- Я бы хотела в одну мастерскую съездить. Если ты меня не отвезешь, я поеду сама.

- В какую мастерскую?

- Туда, куда меня Саша привозил.

- Зачем?! Ты что, окончательно умом тронулась?

- Понимаешь, меня совесть мучает. Я же видела, как человека убили и никому не сообщила. Я должна была сразу в милицию сообщить, только мне совсем не до этого было. Я за свою собственную жизнь боролась. Надо хоть к этому Дмитрию заехать, рассказать, что же тогда произошло, чтобы он знал, как Саша погиб.

- Ничего не надо! Ты вообще про это забудь. Еще не хватало, чтобы тебя сейчас по милициям затаскали, когда ты замужем за Яковом.

- Да кто меня затаскает?! Слишком много времени прошло.

- Не скажи. По тому случаю явно уголовное дело заведено. Тебя там только для полного счастья не хватает! Послушай, сиди и не рыпайся. Твоего Александра уже нет, и ему ничего не поможет. А тебе жить да жить.

Галина, отвези меня. Я только с фотографом переговорю и все. У меня на душе камень огромный. Мне только душу надо облегчить. Я тебя умоляю. Расскажу ему обо всем, как все произошло, чтобы он знал, как погиб его друг. Ни с какой милицией я общаться не буду. Еще я хотела бы узнать, где похоронен Саша.

- Зачем?!

- Затем, что он настоящий отец моего ребенка. Когда мой ребенок вырастет, я приведу его на могилу к отцу, чтобы Сашка с того света на него посмотрел. Ты не подумай, я бы никогда не сказала ребенку правду, я бы сказала, что здесь мой знакомый похоронен...

- Зачем тебе это надо?! - зашипела Галина.

- Я же тебе говорю. Душу облегчить.

Галина допила кофе и отодвинула чашку.

- Правду говорят, что все беременные бабы - дуры, что у них с головой такие отклонения, страшно подумать. Послушай, ты, вообще, что несешь?! То она какого-то Кота увидела и решила, что это именно тот, который безжалостно убил Александра... То собралась поделиться с каким-то фотографом, потому, что ей, видите ли, хочется облегчить душу...

- Я об этом давно думала, еще когда не знала, что за Якова замуж выйду и собиралась уезжать в деревню. Перед отъездом хотела обязательно в мастерскую зайти и поговорить.

Галина посмотрела на часы.

- Только по быстрому. У меня дел по горло. Ведь если я тебя не повезу, поедешь сама и наделаешь глупостей.

Когда я встала, Галина пристально посмотрела на мой живот и озадаченно вздохнула.

- По-моему, уже немного видно. Или это халат такой объемный? В любом случае, пора так подбирать одежду, чтобы комар носу не подточил.

- А на ночь одежду какую подбирать, если я с мужем в одной кровати сплю, и он, как на зло, постоянно мой живот щупает?

- Ночную рубашку надевай, чтобы он меньше щупал.

- Я отродясь в ночных рубашках не спала.

- Учись, дорогая моя. Тебе еще многому придется научиться.

Сев в машину, я оглянулась и громко присвистнула.

- Эту машину подарил мой муж?

- Твой муж. - Галина включила мотор. - Потребуй, чтобы он и тебе купил. Жене такого богатого человека не положено сидеть без машины. Выбери что-нибудь подороже и покруче. С таким мужиком, как у тебя, надо думать об удовольствиях, которые ты хотела бы получить. Будь посмелее и у тебя все получится. Пусть он водителя тебе наймет. Беременным совсем нежелательно самостоятельно водить машину. Начинать драть с мужа, дорогая. Чем больше муж на тебя будет тратиться, тем больше будет тебя любить. Докажи ему, что лучшее вложение денег - это ты. Пусть покупает твои акции любви и преданности.

Пока мы искали мастерскую, пришлось немного попетлять. Моя память отказывалась помочь нам. Но когда мы, наконец, остановились у здания, я перевела дыхание и осторожно спросила:

- Галина, ты со мной пойдешь?

- Что я там забыла? В машине подожду. Даю ровно десять минут. Хватит, чтобы облегчить душу?

- Хватит. Я быстро. Хочешь, я принесу тебе свои фотографии? Я сейчас их заберу.

- Зачем они тебе нужны?

- Мне очень интересно. Я их дома повешу.

Распахнув двери старого особняка, я сразу окунулась в знакомую атмосферу таинства, к которому меня всегда тянуло с непостижимой силой. В коридоре стояли две девушки в закрытых купальниках и о чем-то оживленно беседовали. Увидев меня, они замолчали и с нескрываемым интересом принялись разглядывать меня. Поправив черные очки, я изобразила улыбку, прошла мимо. Подойдя к самой фотостудии, я обернулась и чуть слышно спросила:

- Девочки, а Дмитрий у себя?

- Да, но он работает. Туда нельзя заходить. Он сказал, что освободится через двадцать минут.

- У меня нет времени ждать.

В самой мастерской никого не было. Я громко постучала в фотолабораторию.

- Дмитрий, простите, вы здесь?! Мне надо с вами переговорить.

- Я работаю! - донесся до меня охрипший голос. - Я же просил меня не беспокоить!

Открыв дверь, я сделала шаг и оказалась в странно освещенном помещении." только красный, тусклый, все изменяющий свет. Рядом с лампой стоял Дмитрий и внимательно рассматривал какую-то фотографию. Он настолько ушел в себя, в свои мысли, что даже не слышал, как я вошла. Чтобы меня заметили, я слегка кашлянула. Дмитрий с негодованием повернул голову в мою сторону.

- Я же сказал, что работаю! Я же просил меня не беспокоить! Освобожусь через несколько минут.

- Я приношу извинения, но у меня нет двадцати минут. У меня есть только десять. Меня в машине ждет сестра. Она очень торопится.

- Выйдите. Я вам русским языком сказал, что освобожусь через двадцать минут. Вы мешаете. Я не могу сейчас отвлечься.

- А я вам русским языком говорю, что у меня только десять минут. За то, что я нарушила ваш творческий процесс, я уже извинилась. Мне и в самом деле очень жаль, что я не могу вам уступить и подождать за дверью.

Рассерженный Дмитрий бросил фотографию на стол и одарил меня не самым любезным взглядом.

- Вы хотите, чтобы я бросил все на свете и занялся вашей персоной?!

- Вы не правы. Я совсем не такая. Просто сейчас обстоятельства вынуждают меня вести себя именно так. Я извинилась. Я и в самом деле не хотела нарушать ваш, так называемый, творческий процесс.

- Вы его уже нарушили.

- Мне очень жаль.

Кто вы и что вам нужно?! Вы хотите, чтобы я вас снимал? Я сейчас ограничен во времени. У меня слишком много заказов. Моя съемка стоит не дешево. Хотя, по тому, как вы одеты, вижу, что вы далеко не бедная женщина. Если вы вторглись потому, что у вас нет времени подождать, не думайте, что ради вас я отложу все свои заказы, брошу все свои дела и начну крутиться вокруг вашей бесценной персоны.

- А я так и не думаю. Меня зовут Анжела. И я у вас уже снималась. Сейчас мне не нужна съемка, потому что я в положении. Я беременна. А в дальнейшем... В дальнейшем, кто его знает, как распорядится судьба. Быть может я воспользуюсь вашими услугами, потому что вы и в самом деле прекрасный фотограф. Я знаю, что вас очень ценят.

- Тогда что вам угодно? Простите, я не знал, что вы в положении.

- Дмитрий, мы с вами очень хорошо знакомы. Я та девушка, которую к вам приводил Александр.

- Простите, кто?

- Александр.

Я сняла очки и внимательно посмотрела в мрачное лицо Дмитрия.

- Тут освещения, практически, нет. Давайте выйдем из комнаты. Я очень плохо вас вижу, да и вы меня вряд ли узнаете при таком освещении.

Мне вдруг показалось, что Дмитрий изменился в лице, словно до него дотронулись током. Промелькнула чудовищная гримаса. Будто он чего-то испугался.

Открыв дверь в мастерскую, я прищурилась от яркого света. Дмитрий вышел следом за мной. Я улыбнулась, встала в позу фотомодели и поправила полы своего пиджака. Затем убрала улыбку с лица и посмотрела на фотографа печальными глазами.

- Надеюсь, теперь вы меня узнали?

Дмитрий не сводил с меня глаз и молчал.

- Я наверное очень изменилась? Я вышла замуж - Дим, ну почему вы молчите?

- Потому что вы меня с кем-то путаете. - Он старался быть спокойным, но я чувствовала, что он напряжен и находится буквально на грани нервного срыва.

- Я Анжела. Вы очень долго делали мне портфолио. Вы не взяли с меня денег, потому что у меня их не было. Вы не могли меня не запомнить. Вы же долгое время со мной работали. На протяжении нескольких часов. Здесь, в этой студии. Меня еще видела ваша костюмерша, которая выдавала мне сексуальное белье. Это было несколько недель назад. Человек вашей профессии должен обладать хорошей памятью... Я бы хотела забрать у вас свое портфолио. Я заплачу. Теперь у меня есть деньги. Вы мне только скажите, сколько это стоит. Сколько я вам должна?

- Клиенты ведут со мной расчет до того, как я делаю портфолио. - Голос Дмитрия слегка

дрожал.

- Но ведь у меня в тот момент не было денег...

- Объясняю еще раз. Я не могу работать с клиентом не взяв с него деньги.

- Значит вам заплатил за меня Александр. По крайней мере, вы обо всем договаривались с ним. Финансовая сторона меня не касалась.

- Какой Александр?

- Ну тот, которого убили, - вконец растерялась я.

- Что сделали?!

- Убили. Разве вы не знаете, что Сашу убили? Вы остались в студии, а мы с Сашей поехали по его делам. Договорились встретиться с вами здесь. Но ведь мы не приехали, потому что Сашу убили... Мои фотографии остались у вас. Я, собственно, приехала к вам потому, что хотела рассказать о том, как погиб Саша. Только знайте, то, что я говорю сейчас вам, я никогда не повторю перед сотрудниками милиции, потому что у меня теперь совсем другая жизнь и мне не нужна шумиха. Наверное меня и в самом деле трудно узнать. У меня дорогие часы, бриллиантовые серьги, костюм из бутика, туфли, а тогда... Тогда я предстала пред вами деревенской девчонкой, которую привез к вам ваш друг, только потому, что она мечтала стать звездой...

Дальше произошло то, чего я ожидала меньше всего. Дмитрий озабоченно посмотрел на часы и покачал головой.

- У вас было десять минут. Они истекли. У меня тоже истекло отпущенное на вас время. Сейчас начнется съемка. Да и... на счет ваших фотографий. Вы абсолютно правы, моя профессия требует хорошей памяти, и я очень хорошо помню всех девушек, с которыми работал, на протяжении нескольких лет. Дело в том, что я никогда не видел вас раньше и никогда с вами не работал. У меня очень много знакомых. В силу особенностей моей работы, я довольно много общаюсь, но среди моих многочисленных знакомых нет человека по имени Александр. Несмотря на то, что это довольно распространенное имя.

Вы прекрасно понимаете, про кого я говорю. Вы очень хорошо знали Александра. Когда мы к вам пришли, вы приняли его как друга. - Я не понимала, почему Дмитрий упорно скрывает факт нашего с ним знакомства и уж тем более - свою дружбу с Сашей.

Дмитрий же, наоборот, старался казаться спокойным, но было заметно, что спокойствие и мнимая невозмутимость даются ему с огромным трудом.

- Простите, как вас зовут?

- Анжела.

- Анжела. Я говорю вам в последний раз. Я не знаю ни вас, ни вашего Александра. Вы меня с кем-то путаете. Прошу вас покинуть мою мастерскую, у меня сейчас важная съемка.

- Но...

- Никаких но. Закройте, пожалуйста, дверь с той стороны.

Я повысила голос и подошла к нему совсем близко.

- Димочка. Не надо ломать комедию. Ты прекрасно меня помнишь и знаешь, кто я такая. Чего ты боишься? Это я должна бояться... Я видела, как его убивали...

- Вы пришли не по адресу. - Дмитрий так и не перешел со мною на «ты» - Если убили вашего друга, вы должны были обратиться в правоохранительные органы. Не понимаю, почему вы пришли ко мне. Я всего лишь фотограф и не имею никакого отношения к убийству вашего друга.

- А я тебя ни в чем и не обвиняю... Я просто хотела забрать свои фотографии и узнать, где похоронен Саша.

Дмитрий полез в карман, достал сигарету и посмотрел мне прямо в лицо.

- Девушка, я устал повторять, что вы меня с кем-то путаете. Возможно с вами работал какой-то фотограф, но это был точно не я, и это было не в моей студии.

Он распахнул двери мастерской и позвал стоящих в коридоре девушек:

- Девочки. Все. На работу. Время пошло.

Я задумчиво посмотрела на вошедших в мастерскую девушек, одетых в яркие купальники, и тихо сказала:

- Никак не могу понять, чего ты боишься.

- До свидания.

- Но...

- До свидания. Вы очень красивая женщина и по вашему лицу видно, что у вас все хорошо. К сожалению, я не могу с вами поработать, у меня очень много заказов. Всего доброго.

- Всего доброго, - глухо сказала я и вышла из мастерской.

Глава 18

В машине я долго была не в силах сказать хоть слово. Почему он сделал вид, что меня не узнал? Почему? Почему не захотел меня выслушать?

- Анжела, что с тобой? - не выдержала Галина. - Побледнела вся! Ты меня узнаешь? Это я, твоя названная сестра Галина. - Она хлопнула прямо перед моим лицом в ладоши. - Очнись ты, наконец!

Я с трудом улыбнулась.

- Галь, он меня не узнал. Вернее, сделал вид, что не узнал.

- Кто?

- Фотограф.

- А ты уверена, что это тот самый фотограф?

- Я похожа на идиотку? Он тут один единственный.

- Ну и ладно. Ты что побледнела так? На тебе прямо лица нет. Да черт с ним, с этим фотографом! Больно он тебе нужен. Я вообще не понимаю какого черта ты сюда поехала.

- Да я... Я просто хотела душу облегчить.

Считай, что ты ее уже облегчила. Если человек тебя не узнал, значит так надо. Может ему больно вспоминать о том, что приключилось с его другом.

- Ерунда. Это не повод, чтобы меня не узнать.

- Значит, тут совсем другой повод. Человек дал тебе понять, что не надо копаться там, где ты не должна этого делать. Он открыто тебе намекнул, чтобы ты больше сюда не ходила и никого своими рассказами не донимала. Никому это не нужно. Нет человека, и нет никаких проблем. Умер человек, и все проблемы ушли вместе с ним. Значит, его друг был в чем-то замешан. Не случайно же на него напали... Не лезь ты туда и других не втягивай. Не было никакого Александра, ни фотографа, вообще ничего не было... Ничего. У тебя есть Яков и совсем новая жизнь. У тебя больше нет прошлой жизни и не стоит копаться, искать ответ на вопросы, на которые не можешь найти ответа.

Галина посмотрела на особняк.

- Хорошенькое здание, дорогое.

- Фотограф тоже неплохой и не дешевый.

- Оно и понятно. В дорогих зданиях всегда работают дорогие люди. Наверное прибыльный у него бизнес, если в таком местечке обосновался.

- Фотомодельный бизнес всегда прибыльный, - сказала я задумчивым голосом.

Галина вырулила на проспект и открыла окна для того, чтобы в машине было побольше воздуха.

- Если бы я знала, что ты так расстроишься, я бы тебя вообще сюда не везла. Тебе нельзя нервничать.

Заметно сбросив скорость, Галина посмотрела в зеркало заднего вида и что-то тихо засвистела себе под нос. Медленная езда была совсем не в Галинином духе.

- С машиной что-то? - осторожно поинтересовалась я.

- С машиной не может быть ничего. Она совершенно новая. Ее твой муж в салоне взял. На нее гарантия есть. С этой машиной еще черт знает сколько времени ничего не случится.

- А что же тогда так медленно едешь? Ты же торопилась...

- Торопилась... Торопилась... - нервно перебила меня Галина. - Я как чувствовала, не хотела ехать. Больше никогда не пойду у тебя на поводу.

- Да что случилось?

- То, что это гребаная старая «Хонда» меня уже достала.
- Какая «Хонда»?
- Обыкновенная. Та, которая висит у меня на хвосте. - Галина потерла щеки и поудобнее устроилась кресле.
- А ты уверена, что она у нас на хвосте висит? - Галинино возбуждение передалось мне.
- Сначала я думала, что мне показалось, но теперь я уверена. Эта «Хонда» едет за нами от самого особняка фотографа.
- Ты ее там видела?

Думала, что это случайно, но теперь понимаю, что машина за нами тащится с маниакальным упорством. Если я сбрасываю скорость, то там ее сбрасывают тоже. Если я прибавляю, там тоже давят на газ. Если я перестраиваюсь в другой ряд, она перестраивается тоже. Висит у меня на хвосте и никого не пускает. Вот прицепилась, зараза!

- Может тебе показалось?
- Может и показалось. Может это просто нервы...

У въезда на бульвар поток машин встал. Галина несколько раз обернулась, пытаясь разглядеть, кто же сидит за рулем «Хонды».

- Только пробки нам не хватало! Анжела, посмотри аккуратнo назад. Ты никогда не видела парня, который сидит за рулем «Хонды»? Посмотри, видела ли ты его раньше? Только осторожно. Не желательно, чтобы он понял, что мы его засекли.

Я повернулась к заднему креслу, делая вид, что пытаюсь что-то взять, но никак не могу дотянуться.

- Там стекла сильно тонированные. Если я не ошибаюсь, в машине всего один человек. Молодой парень.

- Ты видела его раньше?

- Кажется, нет.

- Ты уверена?

- Я думаю, что да.

- Все, хватит светиться, а то он заметит.

Когда машины, наконец, тронулись, «Хонда» свернула в ту же сторону, что и мы. Галина возмутилась и запыхтела, как паровоз.

- Теперь я уверена, что этот парень едет туда же, куда и мы. Может остановиться, спросить, кто он и что ему надо?
- Давай лучше постараемся от него оторваться, - заволновалась я. - Умеешь уходить от погони?

- Вообще-то я никогда ни от кого не убегала...

- А мне казалось, что ты умеешь все.

- Тогда давай попробуем. - Талина нажала на газ и стала маневрировать между машинами перестраиваясь из одного ряда в другой.

Я поежилась от охватившего меня возбуждения, перемешанного со страхом, и несколько раз оглянулась назад.

- Он понял, что мы от него уходим!

- Ну и пусть! Чего прицепился?! Что ему надо?!

Я, словно околдованная, наблюдала за тем, как лихо и, можно сказать, профессионально, Галина вела машину, лихо уходила от преследователя.

- А еще говорила, что за тобой никто и никогда не гонялся!

- Никто, никогда! - крикнула Галина и ушла в узкий проулок.

Остановив машину, она огляделась.

- По-моему, ушли. Нужно немного пересидеть. Теперь я не сомневаюсь в том, что эта «Хонда» висела у нас на хвосте. Наверняка, это работа твоего фотографа.

- Но ведь за рулем был не он?

- Конечно, зачем ему самому светиться. Кого-то послал.

- Зачем?

- Откуда я знаю? Сама посуди, зачем одна машина висит на хвосте у другой? Наверное, чтобы узнать, в какой пункт назначения прибудет первая.

- Ты хочешь сказать, что фотограф послал машину, чтобы узнать, где я живу?

- Вот именно. Правильно мыслишь.

- А зачем?

- Затем! Послушай, мне надоели твои вопросы! Все, что сейчас произошло, наглядное доказательство того, что не стоит совать свой нос туда, куда это не нужно. Дело прошлое, давно забытое. Тебя там никогда не было, ты ничего не видела и вообще ничего не знаешь. Дорогая моя, тебя же не надо учить играть амнезию. Ты это прекрасно умеешь делать. То, что мы сейчас оторвались от погони, большое чудо, считай, нам повезло. До тебя хоть дошло, что все это очень даже серьезно?! Ты беременна. У тебя спокойная жизнь. Богатый муж. Так что живи той жизнью, которую тебе подарила судьба и не ищи приключений на свою задницу. Ты все поняла?

- Поняла... Поняла... Поняла... - несколько раз повторила я это слово.

Посидев около десяти минут, Галина посмотрела на часы и метнула на меня укоризненный взгляд.

- Связалась с тобой и ничего не успела. Да ладно, успокаиваю себя тем, что если бы ты поехала одна, вообще бы живой не вернулась. Может этот гад и не сотворил бы с тобой ничего, потому что ты сказала, что тебя в машине сестра ждет. Сразу дала понять - ты не одна.

- Дмитрий производит впечатление приятного, воспитанного, уравновешенного человека, который увлечен своим творчеством и вообще не интересуется суетой жизни... На вид он вполне законопослушен, - принялась я рассуждать.

- Вот именно по этой причине я и одна.

- В каком смысле?

- Не разберешь этих мужиков. В последнее время не мужики пошли, а настоящие оборотни. Познакомишься, ну просто душка! Ласковый, заботливый, вежливый, а чуть копнешь, так столько дерьма увидишь, что просто бежишь без оглядки. Я вот, еще по молодости познакомилась с одним мужчиной, можно даже сказать, влюбилась. Души не чаяла, уж больно был хорош. Бизнесом занимался, при деньгах был, подарками баловал. А однажды его прямо в моей квартире взяли. Пришли и арестовали. Я в слезах стала спрашивать - за что? Сказали, что пару дней назад он совершил убийство. И до этого был в розыске за другое убийство, которое совершил год назад. В моей голове ну никак не укладывалось, что такой любящий, заботливый, ласковый мужчина и убийца-рецидивист - один и тот же человек.

Я посмотрела на взволнованную Галину и осторожно спросила:

- А что потом?

- Ну что может быть потом? Ему огромный срок дали, и он навсегда ушел из моей жизни. Мне казалось, что я в мужиках разбираюсь, а теперь понимаю, что черта с два разберешься.

- А сейчас у тебя есть кто?

- Есть, конечно. Я не святая.

- А замуж ты не собираешься?

- За кого? Замуж-то мне как раз и не за кого выходить. Мужики сейчас жадные пошли, а я за жадного выходить не хочу. Вроде посмотришь, мужчина при положении, при деньгах, при голове, а как подумаешь, хочешь ли ты провести всю свою жизнь бок о бок с этим киндер-сюрпризом, так ничего и не захочется. Меня здесь недавно с одним таким познакомили, упадешь просто! Так я после этого случая очень долго в себя прийти не могла. Посмотри на меня, какая я женщина?

- Ты красивая. Ты воспитанная. Ты интересная. Я тебе еще много комплиментов сделать могу.

- В том-то и дело, сама говоришь, что я не женщина, а один сплошной комплимент. Скажи, за такой женщиной, как я, ухаживать можно? - Галина положила руки на руль и с любопытством заглянула в мои глаза.

- Не можно, а нужно, - решительно кивнула я.

И я так думаю. Так вот, меня подруга с одним мужчиной познакомила. Я от этой встречи много ожидала, как-никак вдовец, а в наше время, мужчина, не обремененный семьей, сама знаешь, на вес золота. Так вот, знакомлюсь я, и начинается сюрприз за сюрпризом. Все, что он

мог мне предложить, это тяпку на своем огороде, пачку муки, чтобы печь для него домашнее печенье, а после того как пропустит стакан самогонки, кучу пьяных рассказов о его подвигах. Он меня к себе на дачу пригласил. Я приехала и чуть было не потеряла дар речи. Я ведь всегда дорого и прилично одеваюсь, тщательно за собой слежу. Ведь испокон веков так было, что если мужчина знакомится с красивой женщиной, он изо всех сил старается ей понравиться. Наряжается, душит вкусным одеколоном, показывает свое остроумие и конечно же накроет хороший стол. Так вот, когда я к этому приехала и увидела, как он вышел мне навстречу, я готова была провалиться сквозь землю. Штаны, как у бомжа со свалки, все в колючках. Свитер не первой свежести... А на столе – самое дешевое вино с оптового рынка, самогонка да скумбрия. Правда, еще по одному огурцу и помидору досталось. Вот и весь стол. Так вот, мой киндер-сюрприз сверкнул в мою сторону железными зубами, опрокинул стакан самогонки, съел кусок скумбрии и хотел было меня поцеловать. Я от такого запаха чуть было прямо в грядки не упала и не умерла. Он меня одной рукой обнял, а другой ухватился за тяпку, воткнув в землю и говорит: «Ты мне сразу понравилась. Не белоручка. Работящая. Будешь у меня на грядках с утра до ночи пахать, а то во всех домах хозяйки есть. Они сутки напролет раком стоят, на грядках копаются, а на моих грядках хозяйки нет». Я ему говорю, что за границу еду отдыхать, а он ногой топает, говорит, что никаких загранич не будет, потому что пора огород засаживать. Потом его друзья пришли, самогонку пить начали. Я стою на этих грядках в дорогих брюках и думаю, вот тебе и холостой мужчина... Захочешь себя похоронить живо, бери. Твое счастье в твоих руках. Я ему вежливо так объясняю, что дача нужна, чтобы отдыхать, а он говорит, что отдыхать, мол, на том свете будешь, а на этом надо работать. Стал требовать, чтобы я осталась с ним ночевать на его даче, на его железной кровати. Дышит самогонкой со скумбрией и уговаривает. Когда понял, что я не соглашаюсь, как же можно, мол, сразу, в первый день, на железную кровать прыгнуть, он буянить стал. От гостей стал вино прятать и сам за печкой его пить. А затем вообще на всех плюнул, пошел в канистры воды набирать, чтобы огород полить. Я после этой дачи долго отходила. А он мне звонить стал. Почти каждую ночь. Как стопарь выпьет, так и звонит. Жаловался, что купил семнадцатилетней дочери колготки, а они оказались малы. Каждую ночь этими колготами меня мучил. Что с ними делать, куда их девать. В конце концов, я предложила ему их на себя надеть. Вот такое вот знакомство. Вот такие нынче экземпляры встречаются.

Галина опять посмотрела на часы, и мы тронулись.

– Так что держись за своего Якова руками и ногами. Нормальных мужиков сейчас мало. Кругом одни киндер-сюрпризы. Другой ухажер меня в парк повел. Нарядился в белоснежный костюм, который стоит целое состояние, а повел в самый дешевый парк спального района, чтобы поменьше потратиться. На него народ оглядывается, неужели новый русский парк перепутал. Мы с ним трель соловья слушали, а он все старался меня лишней раз пощупать. Ему за этот вечер жена раз сто названивала, интересовалась, куда ее супруг так вырядился. Мы долго ходили мимо различных уличных кафе, пока он не нашел самое дешевое. Сели за грязный стол и на грязные стулья. Он свою белоснежную задницу тут же испачкал. Не знаю, как потом жена отстирала. Купил дешевые охотничьи колбаски, потому что шашлык дороже. Себе ничего не взял, экономил. Я ела, а он слюну глотал, только пиво потягивал. Его от пива так развезло, что он бутылку опрокинул на собственный костюм. Он на столе свой мобильный забыл, так за ним мальчик, который там работает, долго бежал, чтобы трубку отдать и получить у нового русского вознаграждение. Но новый русский сказал «спасибо» и пошел дальше. А потом еще просил продолжения вечера. Мол, все так хорошо было, хотелось бы где-нибудь уединиться... Можешь себе представить? У меня этот белый костюм, который требовал расчета за свои охотничьи колбаски, до сих пор перед глазами стоит.

Галина выехала со двора и огляделась.

- Все нормально. «Хонды» нигде нет. Он нас потерял.

Я достала платок и вытерла слезы, которые выступили у меня от смеха. Ничего смешнее рассказа о Галининых женихах я давно не слышала.

- Мотай на ус! - весело сказала Галина, и мы помчались по шумному проспекту.

Глава 19

Утром следующего дня я лежала рядом со спящим Яковом, тупо смотрела в потолок и в который раз прокручивала вчерашнюю ситуацию. Если Дмитрий не захотел меня узнавать, значит на то есть свои причины. Какие именно? Я попыталась разложить все по полочкам. Чего-то он боится. Только чего? Если он послал за мной «Хонду», чтобы узнать мой адрес, значит он совсем не так прост, каким показался на первый взгляд. А может быть Дмитрий замешан в убийстве Саши? Вполне может быть, вполне... От этой мысли мне стало совсем плохо. Я села, подложив под поясницу подушку. Надо выстроить мои сумбурные предположения хоть в какой-то логический ряд. Итак. Богатый и видный Александр с известным в богемных кругах фотографом большие друзья. У них какое-то общее дело, совершенно не касающееся модельного бизнеса. Их связывает что-то еще, что именно, мне не известно. Не может же Дмитрий содержать такой дорогой особняк в центре Москвы только на те деньги, которые он получает за съемки. Хоть убей, не может! Значит, у него есть подпольный бизнес. Саша ему помешал, встал поперек дороги в каком-то чересчур денежном деле. Он решает Сашу убрать... А тут - подходящий момент... В тот вечер Дмитрий специально затягивал свою работу над портфолио так долго. Когда мы поехали по Сашиним личным делам, Дмитрий специально сказал, что работа сильно затянется, не меньше чем на несколько часов. Как только мы отъехали от особняка, у нас на хвосте повисла машина с двумя убийцами. Прозвище одного из них - Кот. Мы не видели эту машину. Мы просто об этом не думали. Пока мы сидели в ресторане, нам прокололи колесо, но мы и этого не заметили, пока не отъехали от ресторана на приличное расстояние. Когда заметили, было уже слишком поздно. Починить было невозможно. Преступники почему-то дали нам время позаниматься любовью. Может, посчитали это нашим предсмертным желанием, на которое мы имеем полное право. Они появились сразу после того, как мы насладились друг другом. Александра убили, а мне чудом удалось бежать. Александра не стало, и Дмитрий получил то, что не мог получить при Александре - деньги. И не половину, а две доли сразу. Когда я появилась в офисе Дмитрия, он растерялся. Вероятно, до последнего момента думал, что та деревенская дурочка, которой удалось бежать, добралась до своей деревни и больше никогда не покажет носу в Москву. А тут... Тут приходит уже не деревенская дурочка, а настоящая расфуфыренная дама, говорит, что у нее все хорошо, что она замужем за состоятельным человеком и ждет ребенка. Я помню, как он изменился в лице. Я представляю реальную угрозу ему, его бизнесу, его благополучию. Я живой свидетель, а это значит, что если меня не убрали раньше, то нужно убрать сейчас. Дмитрий устроил за мной слежку, но я ушла от погони. На этот раз ушла... Моя жизнь висит на волоске. Дай бог, чтобы я ошибалась. Дай бог, чтобы было именно так... Проснулся Яков, посмотрел на меня сонным взглядом и притянул меня к себе.

- Доброе утро, дорогая. Почему ты не спишь?

- Не знаю. Я уже выпалась.

- Ранняя птичка! Ты у меня кто? Жаворонок или сова?

- Не знаю, - пожала я плечами. - Если очень поздно ложусь и очень рано встаю, я кто?

- Тогда ты гибрид, - засмеялся Яков. - Что-то среднее между жаворонком и совой. - Радость моя, а сколько времени?

Я посмотрела на часы.

- Еще рано. Всего восемь, - ответила я ласковым голосом. - У тебя сегодня тяжелый день?

- Очень. Весь день загружен.

- Яков, но ведь у нас с тобой даже не было медового месяца... Дорогая, у нас с тобой сейчас медовый месяц, - возразил муж.

- Какой же он медовый, если ты с утра до глубокой ночи на работе? - Мой тихий голос, который всегда нравился моему мужу, стал тусклым и обиженным.

- Но ведь надо зарабатывать деньги. Я же мужчина. Я не могу позволить нашей семье бедствовать.

- Мужчина ты мой, всех денег не заработаешь, к тому же ты и так достаточно заработал, а медовый месяц бывает только раз в жизни.

- Дорогая моя, да у нас с тобой вся жизнь будет медовая! Если человек прекращает зарабатывать, деньги быстро заканчиваются. Понимаешь, у денег есть очень плохая особенность - они быстро заканчиваются, и никуда от этого не денешься. Для того, чтобы деньги не заканчивались, их нужно постоянно пополнять. Я согласен с тобой, всех денег не заработаешь, но я точно знаю одно - заработать их большую часть можно. Что я и делаю.

- Дорогой, но ведь это просто какая-то финансовая одержимость!

- Это очень хорошая одержимость для мужчины... Когда-нибудь ты это поймешь.

- Нет, Яков. Я считаю, что во всем нужно знать меру. Мне кажется, я никогда тебя пойму. Существует медовый месяц, в конце концов. Я же выхожу замуж в первый и последний раз в жизни...

- Если хочешь, могу отправить тебя на отдых. Мне не жалко для тебя денег, но я считаю, что при беременности противопоказаны перелеты. Это очень вредит детскому организму. Сколько ты говоришь сейчас времени?

- Начало девятого.

- О, черт, надо вставать!

- Тебе так рано на работу?

- Нет. Я договорился с врачом ровно на полдесятого утра. Опаздывать нельзя. К тому же у меня сегодня напряженный день. Слишком много работы.

- С каким врачом? - У меня на лбу выступила испарина.

- С гинекологом, дорогая, - спокойно ответил Яков и встал с кровати.

- Зачем к гинекологу?

- Дорогая, ну как зачем?! Сама посуди. Чтобы с сегодняшнего дня он начал наблюдать твою беременность. Тянуть нельзя. Беременность – дело не шуточное, ты обязана наблюдаться. Это очень хороший гинеколог. Он наблюдал Зою. К сожалению, Зоя так и не смогла забеременеть. Я плачу этому врачу хорошие деньги, и он обследует тебя на высшем уровне. Не бойся. Это пожилая женщина. Она работает в закрытой частной клинике для элитных клиентов, проще говоря, для особо важных персон. Сегодня она установит тебе точный срок. Скажет, когда будут роды. Будешь к ней ездить каждую неделю. Сегодня поедем на двух машинах. Туда – мы с тобой на джипе, а на другой ты вернешься домой, потому что сразу после твоего обследования я уеду по делам. Так что давай, завтракаем и едем. Поверь, это отличный специалист. Она очень хорошо ко мне относится, мы с ней дружны... Думаю, ты тоже подружишься с этой женщиной.

Мне показалось, что от всего услышанного я просто сойду с ума. Я собрала последние силы и со слезами на глазах произнесла:

- Яков, я уже наблюдаюсь у врача, и я ей доверяю. Я отношусь к своей беременности очень даже серьезно. Понимаешь, в наших с тобой отношениях есть доля несправедливости.

- Какая еще доля несправедливости? – заинтересовался Яков.

- Ты полностью взял все в свои руки. Так нельзя. Оставь что-то мне. Должно быть что-то сугубо женское, а что-то – мужское. Позволь, чтобы моя беременность стала моей заботой. А ты занимайся, например, нашим материальным благополучием. Тебе же это нравится, так не отвлекайся на то, чем я могу заняться сама.

Яков настороженно свел брови на переносице.

- Другая на твоем месте просто была бы счастлива, что ей уделяют столько внимания и так относятся к будущему ребенку. Да и вообще, как ты можешь так рассуждать? Это мой ребенок! О каком женском и мужском ты говоришь, если это наш ребенок, а не какого-нибудь дяди Вани?! Я одинаково переживаю как за твое здоровье, так и за здоровье своего наследника! – взорвался Яков. – Я и при родах присутствовать буду, я хочу первым, раньше, чем врачи, взять своего богатыря на руки и приложить к твоей груди.

- Ты хочешь присутствовать при родах? – Я ощутила, что мне катастрофически не хватает воздуха.

- Хочу.

- Но ведь это страшно, это некрасиво, это ужасно... У многих мужчин, после того как они увидят роды жены, появляется комплекс, они начинают брезговать своими женами, перестают жить с ними половой жизнью.

- Дорогая, не переживай, тебе это не грозит.

- Почему?

- Потому, что я – не многие. Я особенный и ты должна это понять. Если бы я был как все, мы бы и жили как все, а не в этом особняке и не на том материальном уровне, который имеем. И вообще, я не желаю больше объяснять, как мне дорог наш будущий ребенок и что он значит в моей жизни.

Яков посмотрел на часы и начал меня торопить.

- Вставай, ну что ты лежишь? Я же говорил, нам нельзя опаздывать.

Рушилась моя последняя надежда. Рушилась под властным напором Якова.

Я встала с кровати, поправила бесформенную ночную рубашку, которую посоветовала купить Галина, и посмотрела на мужа затравленным, глубоко несчастным взглядом:

- Яков, почему я должна наблюдаться у того же врача, что и Зоя?

- А что тебя смущает?

- Не надо ставить ее мне в пример. Зоя - это Зоя, а я - это я. Мы разные. Создается впечатление, что тебе совершенно все равно, кто твоя жена, я или Зоя. Главное, что у тебя есть жена, и ты при женщине...

Мои слова произвели на Якова не самое лучшее впечатление. Он просто побагровел от злости. Его голос не предвещал ничего хорошего.

- Во-первых, не пойму, что ты имеешь против Зои?! Я имею полное право ставить ее тебе в пример, потому что я очень хорошо к ней относился. Во-вторых, я никогда не относился к тому типу мужчин, которые устраиваются при женщине... Это женщины живут и устраиваются при мне, а не я при них!

Яков взглянул на меня так, что я принялась быстро одеваться и, стараясь исправить критическую ситуацию, извиняющимся тоном заговорила:

- Сама не знаю, что со мной. Просто с самого утра я плохо себя чувствую. Тошнит, кружится голова. Короче, все паршиво. Я почему-то приревновала тебя к Зое. - Я врала напропалую.

- Если ты приревновала меня к Зое, то ты полная дура! Нельзя ревновать к мертвым. Это большой грех.

- Просто сказывается скверное самочувствие... Говорят же, что у беременных нарушается психика. Вот она у меня и нарушилась. Может отложим поездку и поедем в другой раз?

- Врач нас ждет ровно в половине десятого. Мы потеряли время и остались без завтрака. Я прощаю тебя только потому, что ты беременна и тебе нельзя волноваться. А впредь прошу мне не перечить. Я люблю покорных женщин и никогда не скрывал и не буду скрывать этого.

- Извини. - Я подошла к Якову и поцеловала его в щеку. - Извини. Я буду покорной. Вот увидишь... Я буду очень покорной. Это просто беременность. Проклятая беременность.

- Не говори так! Беременность должна быть желанной.

- Ты прав. Беременность должна быть желанной...

- Я жду тебя в машине. Перекусим после осмотра в ресторане, он там недалеко и славится хорошей домашней кухней.

Яков вышел из спальни, а я, взглянув в зеркало на свое бледно-зеленое лицо, бросилась к шкапулке, в которой хранила наличность, выданную мужем на мои собственные нужды. В шкапулке было около двух тысяч долларов. Я положила купюры в сумочку, вновь посмотрела на свое отражение в зеркале и пожелала себе ни пуха ни пера. Внизу я столкнулась с Верой Анисимовой, которая, увидев меня, вздрогнула и развела руками.

- Ой, Анжелочка, что это с вами? Почему вы так выглядите?
- Я плохо себя чувствую...
- Вы прямо зеленая вся. И даже сегодня не завтракали. Все бегом, бегом...
- Яков везет меня в больницу.
- Да на вас же лица нет! Надо бы врача на дом вызвать.

Я с трудом сдержала слезы и произнесла с надрывом в голосе:

- Вы же лучше меня знаете Якова Владимировича, он делает только то, что хочет. Никогда не считается с мнением близких. Для него есть только одно мнение – его собственное.

Подходя к машине, я постаралась улыбнуться и сдержать слезы. Получилось и то, и другое. Яков нежно поцеловал меня в щеку. Как только мы отъехали от дома, в моей сумочке зазвонил мобильный телефон. Это была самая последняя модель, любезно подаренная моим мужем. На дисплее высветился номер Галины.

- Кто это? – властно поинтересовался Яков.
- Сестра.
- Ну так ответь!
- Да, конечно.
- Анжел, здорово, ты одна? – услышала я взволнованный голос Галины.
- Нет. Я еду с Яковом. У тебя что-то случилось?
- Нет. Просто я хотела, чтобы ты мне перезвонила, как только останешься одна. Если не секрет, куда едет ваше семейство?
- К гинекологу.
- Куда?! – В трубке послышался какой-то грохот. Мне показалось, что Галина просто упала со стула.
- Яков нашел мне очень хорошего гинеколога. – Каждое слово давалось мне с огромным трудом. Больше всего на свете я боялась не выдержать и разрыдаться. – Ты даже не представляешь, как мне повезло с мужем. Он у меня очень заботливый. Хочет даже присутствовать при родах...

В трубке повисло молчание, а потом голос Галины стал еще более взволнованным, чем раньше.

- Анжела, я тебя поняла. Я прекрасно тебя поняла. Только не вздумай сдаваться. Помни, у каждого человека есть своя цена. Дай врачу денег. Любым способом дай врачу денег.
- Да, это очень хороший врач, – как ни в чем не бывало продолжала я. – Это закрытая клиника для особо важных персон. Туда простой смертный не попадет.
- Анжела, я тебя поняла, – правильно истолковала мои слова Галина. – А ты и не простая

смертная, если такого мужика отхватила. Я поняла, что Яков платит врачу большие деньги, но ты дай еще больше. Только не сдавайся. Купи сегодняшнее молчание, а что будем делать дальше, решим потом. Не сдавайся при любых обстоятельствах, иначе – беда.

Тщеславный Яков был доволен моими комплиментами в его адрес. Он посмотрел на меня взглядом, полным бесконечной любви и заботы и промурлыкал:

- Спроси, как там поживает машина? Хорошо ездит?

- Галина, Яков спрашивает, как там твоя машина? Не ломается? Ты довольна?

- Передай, что все о'кей. Было бы замечательно, если бы твой бесценный Яков, дай бог ему, конечно, здоровья, мне еще квартиру подогнал, а то в коммуналке жить надоело.

- Об этом ты ему сама, пожалуйста, скажи.

- Скажу как-нибудь. Ладно, Анжелка, я в тебя верю. Если ты смогла такого мужика отхватить, то умудрись его удержать. И запомни, ни при каких обстоятельствах не сдавайся. Ни при каких...

Закончив разговор, я вдруг почувствовала, что Галинины слова прибавили мне уверенности, которой так не хватало в эти минуты. Сказать Якову, что Галина просит купить ей квартиру, я не решилась, но все ее похвалы передала.

Медленно, заостряя внимание на каждом слове произнесла:

- Галина очень благодарна тебе за машину. Она говорит, что ты настоящий мужчина и, что она бесконечно тебе благодарна. Она мне очень завидует.

- Вот видишь, – расплылся в улыбке польщенный Яков. – Хоть твоя сестра меня ценит.

- Я тоже тебя ценю...

- Если ты меня ценишь, тогда доверься мне полностью. Я твой супруг и никогда не сделаю тебе ничего плохого.

- Надо же, успели! Как в аптеке, минута в минуту, – возбужденно говорил он, когда мы шли по коридору клиники.

Я шла следом на ватных ногах и чувствовала, что у меня окончательно сдают нервы.

Как только мы вошли в кабинет я оперлась о входную дверь, потому что ноги подкашивались. Пожилая женщина, увешанная бриллиантами, бросилась нам навстречу. Она обняла Якова и поцеловала в щеку.

- Яков Владимирович, душка, как я рада вас видеть!.. Бог мой, у вас такое горе... Я так любила вашу Зою, – зашебетала она. – Она была потрясающая женщина. Просто потрясающая... Я как узнала, что с ней произошло, так за вас переживала. Ни для кого не секрет, что она была большой любительницей выпить... Яков Владимирович, дорогой ты мой человек, прими мои соболезнования. Я знаю, как вам ее не хватает. Она была таким удивительным лучиком света... Но я искренне рада, что сейчас вы нашли свое новое счастье... Жизнь продолжается, ничего не стоит на месте. Мы живем, несмотря на все утраты, разочарования и потери. Жизнь продолжается, и мы должны жить...

Женщина посмотрела на меня оценивающим взглядом, в котором читалась фальшивая доброта, и развела руками:

- Яков Владимирович, какая красавица ваша новая жена!. Она, как две капли воды, похожа на Зою.

- Я пока не афиширую свой брак, - немного растерялся Яков. - Со дня смерти жены прошло не так много времени... Но у меня будет ребенок. Вы понимаете, ребенку нужно отчество и фамилия. Но дело не только в этом. Я уже далеко не в том возрасте, когда мужчина женится только потому, что женщина от него забеременела. Я... Я люблю эту женщину. Я люблю ее и люблю нашего с ней ребенка.

Врач еще крепче обняла Якова за плечи.

- Я вас прекрасно понимаю. Вам давно пора иметь наследника. Зоя не могла вам его дать, как только мы ее ни лечили. Я очень рада за вас! Господи, как я за вас рада... В этой жизни так заведено, если мы кого-то теряем, мы обязательно кого-то находим.

Женщина вновь расплылась в фальшивой улыбке и протянула мне руку.

- Зинаида Ивановна.

- Анжела, - произнесла я дрожащим голосом чувствуя предобморочное состояние.

- Деточка, а ты чего встала у двери? А ну-ка садись на кресло.

Я села на кушетку и оперлась спиной О холодную больничную стену.

- Деточка моя. Заходи за ширму и садись на кресло. Сначала я посмотрю тебя на кресле, а уж потом положу на кушетку.

- Моя жена сегодня с самого утра чувствует себя просто ужасно, - принялся объяснять Яков.

- Не переживайте, Яков Владимирович. Ради бога, не переживайте. Сейчас мы все выясним и все, что надо, пропишем, все, что нужно, сделаем.

Я устало посмотрел на Якова тихо произнесла:

- Яков, выйди, пожалуйста, из кабинета.

- Зачем?

- Затем, что меня будет смотреть врач.

- Но я никогда не выходил, когда врач смотрел Зою...

- Яков, я не Зоя. Я Анжела, - резко, впервые в нашей совместной жизни, перебила я.

Врач тут же бросилась на защиту моего ошарашенного супруга. Поправив бриллиантовое кольцо, сверкающее из под расстегнутого халата, она удивленно заморгала.

- Деточка моя. Да ты что, собственного мужа стесняешься?! - заговорила она, натягивая резиновые перчатки. - Он посидит на кушетке. Мы с ним за жизнь поговорим, давно не виделись... А ты будешь за ширмой.

- За жизнь говорят за пределами кабинета, - резко перебила я женщину и направилась за ширму. - Яков, выйди, пожалуйста. Как только врач меня осмотрит, обязательно тебя позовет и сообщит результат.

- Как знаешь! - Рассерженный Яков вышел из кабинета и громко хлопнул при этом дверью.

- Деточка, ну зачем ты так? У тебя же муж золотой. На такого молиться надо. Это ж так приятно, что мужчина хочет принять активное участие в женских проблемах. Сейчас таких мужиков днем с огнем не найдешь. Его поощрять надо, а не ругаться, - говорила женщина, пристально разглядывая мой уже появившийся живот.

- Я и так на своего мужа молюсь, - выговорила я, чувствуя, что еще немного и у меня начнется истерика.

- Какой, ты говоришь, у тебя срок?

- Сроки не совпадают, - ответила я, словно во сне. Голова закружилась, я вынуждена была ухватиться за кресло.

- Что? - От растерянности врач поправила свои слегка съехавшие на нос очки, прямо не снимая перчаток.

- Я говорю сроки не совпадают. Сколько вы хотите за то, чтобы сроки совпали?

Глава 20

Врач посмотрела на меня глазами, полными неподдельного ужаса.

- Я сейчас позову Якова Владимировича... Я сейчас его позову, и он мне все объяснит, а то я ничего не могу понять.

Казалось, что из широко открытого рта Зинаиды Ивановны, стоящей напротив меня и жадно глотающей воздух, вот-вот пойдет обильная пена.

- Вы не позовете Якова Владимировича!

- Почему?

- Потому что я не дам вам этого сделать! Встав у двери, я приложила палец к губам, показывая, что нужно молчать.

- У меня беременность на два месяца больше, чем считает муж.

- Я сразу поняла, что что-то не то... Это ребенок не Якова Владимировича?

- Вы должны сделать так, чтобы этот ребенок был ребенком Якова Владимировича.

- Но...

- Это не сложно. Я рожу семимесячного. Вы отговорите Якова Владимировича присутствовать при родах. У вас получится. Он вас послушает, - словно в бреду говорила я. - Я вам заплачу.

Я буду приезжать к вам каждую неделю и хорошо вам платить. Мой муж очень богат. Я тоже

смогу сделать вас богатой...

- Дочка моя, да я и так не бедная, – прошептала побледневшая женщина и вновь посмотрела на мой живот.

- Ну что вы так смотрите? Там еще ничего нет...

- Есть. Я знаю это даже не осматривая тебя на кресле...

- Вы можете стать еще богаче... Я буду возить вам деньги каждую неделю. Я смогу брать деньги у мужа...

- Я никогда не пойду на это. Я слишком хорошо знаю Якова Владимировича, и он полостью мне доверяет. Его доверие для меня очень дорого. Я обязана все рассказать. Это мой профессиональный долг. Это моя репутация. Пойми меня правильно.

- Ну что вы, как попугай, заладили. Я должна... Я должна... Никому вы ничего не должны! Сейчас вы не должны, не имеете права разрушать семью.

- Я должна... – настаивала врач.

- У меня семья. Вы должны меня понять как женщина женщину.

Я пулей бросилась к сумке, быстро выхватила деньги и вновь встала у двери так, чтобы врач не могла выйти. Я протянула доллары испуганной Зинаиде Ивановне и нервно смахнула слезы.

- Я вас умоляю! Я вас умоляю! У меня семья! Я не могу потерять Якова.

- Я ничего от тебя не возьму, – решительно сказала врач. – Ты просто обыкновенная лгунья. Ты не пара такому благородному человеку, как Яков Владимирович. Отойди от двери. Я обязана ему все рассказать.

- Тут почти две тысячи долларов. Я привезу еще.

- Я ничего не возьму!

- Но вы же должны меня понять!

- Все, что я могу для тебя сделать, это сказать Якову Владимировичу, что ты не захотела садиться на кресло и проверяться. Я могу сказать, что ты отказалась.

- Нет, только не это! Яков Владимирович не дурак и обо всем догадается!

- Больше я ничего не могу для тебя сделать.

- Но вы же женщина... – Я задыхалась и сделала несколько глотательных движений.

- Я женщина, а ты падшая женщина. Ты врунья, – донеслось до меня откуда-то издалека. – Из-за таких, как ты, мужчины перестают верить нормальным женщинам.

Я уже не видела ее лица, а только черный силуэт, тело мое стало легким, и я, словно невесомая снежинка, опустилась на пол. Встав на колени, я вгляделась в темный силуэт женщины, напряглась, чтобы представить, где у нее карман, из последних сил до него дотянулась и сунула в него деньги. Затем коснулась холодными, почти ледяными губами, ее

мощных икр и стала осыпать их поцелуями.

- Ради бога... ничего не говорите Якову... Я лгунья... Я себя ненавижу, но ведь ребенок ни в чем не виноват. Если бы вы только знали, как я себя ненавижу! Как ненавижу! Я не хотела идти на это. Я ничего не хотела... Я знала, что этим все кончится... Я хочу умереть. Если бог есть, он пошлет мне смерть...

Я упала на пол и перестала что-либо видеть и слышать. Но я еще могла думать. Я вдруг подумала, что смерть услышала мои молитвы, сжалилась и пришла, чтобы забрать меня к себе. Смерть - она женского рода. Женщина. А женщина всегда поймет женщину... Она услышала меня и пришла, чтобы помочь. Она намного добрее и человечнее, чем эта женщина. Получается, что женщина не всегда может понять женщину... Получается именно так. Господи, а ребеночка-то как жалко! Как жалко ни в чем неповинного ребеночка...

Мне показалось, что распахнулась дверь и в комнату влетел Яков. Обрывки фраз с трудом доходили до моего сознания.

- Что с ней? Она умрет?

- Срочно «скорую». Мне кажется, у нее выкидыш...

- Она не умрет?!

- Не знаю. У нее началось кровотечение. Нельзя терять ни секунды! «Скорую»!

Я почувствовала, как у меня между ног становится тепло, мокро и липко... До меня долетали голоса, но я уже не понимала, чьи они, о чем говорят люди.

А потом стало совсем тихо, только какие-то приведения в белом... Я с ужасом поняла, что попала в ад и буду расплачиваться за свои грехи. Я чувствовала учащенное сердцебиение, стоял гул в ушах.

Открыв глаза, я поняла, что лежу на больничной кровати.

- Я жива? - тихо спросила я и облизала пересохшие губы.

- Жива, - сказала медсестра и смочила мои губы влажным тампоном.

Испуганно положив руки на живот, я попробовала приподняться, но поняла, что у меня просто нет сил.

- А мой ребенок?

- Ребенка больше нет. Вы сами чудом остались живы. У вас был выкидыш. Сохранить ребенка было просто невозможно. В течение нескольких часов врачи боролись за вашу жизнь. Истощение нервной системы, шоковое состояние. На фоне всего этого произошел выкидыш, который вызвал обильное кровотечение. Вы чудом не лишились жизни. Я вас искренне поздравляю. - Молоденькая медсестра улыбнулась.

- С чем? С тем, что погиб мой ребенок?

- С тем, что вы остались живы.

- Неизвестно, стоит поздравлять меня по этому поводу или нет.

- Правда, у вас могут быть последствия... - Медсестра замолчала и отвела глаза.
- Какие?
- Вероятность того, что у вас больше никогда не будет детей достаточно велика.
- Вы не врач, чтобы говорить подобные вещи.

Молоденькая медсестра покраснела и принялась оправдываться.

- Врач скажет это при выписке. Я сама слышала, как врачи разговаривали между собой.
- Никто не может знать, буду я иметь детей или нет, потому что нам их дает только бог.
- Простите.

Медсестра поспешила удалиться, а я уткнулась в подушку и заплакала. Спустя какое-то время я обнаружила рядом с подушкой мобильный телефон. Он был единственным звеном, связывающим сейчас меня с Яковом. Телефон предательски молчал. Это наводило на мысль о том, что Яков все знает, что он никогда не позвонит и не простит мне обмана. Именно поэтому его нет сейчас рядом со мной...

И вдруг телефон зазвонил. Я вздрогнула и испуганно включилась на прием.

- Дорогая, с возвращением, - послышался голос мужа.
- Яков, ты все знаешь?!
- Я все знаю, дорогая... Я все знаю.
- Ты меня бросишь?
- Нет, что ты. Ты же моя жена, и я очень тебя люблю.
- Но я...
- Ты ни в чем не виновата. Это я виноват. Повез тебя в больницу, когда ты слишком плохо себя чувствовала. Это я виноват, что мы не смогли сохранить нашего ребенка. Я так виню себя за это!
- Но ты здесь совершенно не при чем!
- Как это?! Я не послушал тебя и настоял на своем. Я гад, понимаешь?! Я конченный гад. Я никогда себе этого не прощу.
- Яков, о чем ты говоришь?! Тут нет твоей вины. Я не знаю, как посмотрю тебе в глаза, когда выйду с больницы... Я знаю, что я порядочная сволочь, что я совсем тебе не подхожу, что я не стою твоего мизинца, но я бы так не хотела тебя потерять... Господи, Яков, если бы ты знал, как я боюсь тебя потерять... Если бы ты только знал...
- Анжела, девочка моя, ну что ты такое говоришь?! Это мне нет прощения за то, что ты потеряла нашего ребенка. Я не знаю, сможешь ли ты меня когда-нибудь простить. Зинаида Ивановна обвинила в случившемся только меня. Она сказала, что я привез тебя к ней в критическом состоянии, что я не имел права везти тебя.

- Что? Зинаида Ивановна обвинила тебя?

- Вот именно. Она обвинила меня, а ты прекрасно знаешь, какой она для меня авторитет.

Мне показалось, что я ослышалась или до сих пор не пришла в себя.

- А больше она тебе ничего не сказала?

- Сказала.

Я замерла от страха.

- Она сказала, что на таком маленьком сроке, когда беременность около двух месяцев, выкидыши бывают часто.

- Каком сроке?

Зинаида Ивановна сказала, что два месяца – это самый опасный срок, и в это время лучше не жить половой жизнью, а мы с тобой жили. Наверное из-за этого все и произошло. Хотя знаешь, я подумал, что ты еще слишком слаба, чтобы выносить ребенка. Все-таки огнестрельное ранение, которое нанесла тебе моя жена, тоже сыграло свою роль... И постоянные стрессы... Тамара и ее ребята, которые тебя сильно избили. Так что виноват не только я. Тут целый ряд причин: Но ничего. Теперь ты успокоишься и окрепнешь. Все стрессы закончатся, и все будет хорошо. Самое главное, что ты осталась жива. Зинаида Ивановна сказала...

- Что сказала Зинаида Ивановна? – вновь перебила я Якова.

- Зинаида Ивановна сказала, что пройдет время, и мы родим малыша, который будет расти в обстановке любви и доброжелательности.

- Передай своей Зинаиде Ивановне, что она просто чудо, и что я ей очень благодарна.

- Я же тебе говорил, что у меня очень хорошая врач!

Я улыбнулась, смахнула слезы и подумала, что женщина всегда поймет женщину. Пусть даже за деньги...

- Яков, а ты сейчас где?

- Дорогая, ну где я могу быть? Подумай сама.

- Ты зарабатываешь деньги.

- Молодец, – обрадовался Яков. – Я зарабатываю деньги.

- Кому?

- Нам с тобой. Дорогая, нам с тобой.

- Яков, а зачем нам много денег, мы же все равно не купим весь мир?

- Дорогая моя, денег никогда не бывает много. Их бывает только мало. Выздоровливай, я очень тебя люблю. Когда тебя выпишут из больницы, я подарю тебе красивую машину. Такую же красивую, как и ты сама.

Яков не приехал за мной в больницу к моей выписке, потому что он зарабатывал деньги. У больницы меня ждала Галина с красивым букетом цветов.

- Привет, сестренка ты моя названная.

- Привет.

- Ты как?

- Потихоньку.

- Выглядишь просто потрясно.

- Прямо так уж и потрясно...

- Я тебе говорю потрясно, значит потрясно!

Мы расцеловались, я взяла Галинин букет и села в машину.

- А почему за мной приехала ты, а не мой муж?

- Анжела, ну зачем ты спрашиваешь? Ты же все знаешь сама. Ты же звонила Якову. Он сказал, что он очень занят.

- Он сказал, что не может приехать, потому что он зарабатывает деньги, - произнесла я сквозь слезы.

- Ну и пусть зарабатывает. Чем больше он заработает, тем богаче ты будешь.

- Я не хочу быть богаче. Я хочу, чтобы он был рядом. Мне сейчас нелегко. Мне хотелось, чтобы он сейчас был рядом.

- Я что-то тебя не пойму. У половины замужних женщин мужики на диванах с газетой лежат.

Их с этих диванов ничем не поднимешь и на работу не выгонишь. Лежат до пролежней. Там бабы пашут, как прокаженные, чтобы этих засранцев чем-нибудь вкусненьким накормить, и проклинают собственную, так глупо сложившуюся судьбу. Твой же, наоборот, с утра до ночи носится, чтобы у тебя дом был - полная чаша.

- Дом уже и так полная чаша! Куда больше-то? Можно и остановиться.

- Кто делает деньги, тот делает их двадцать четыре часа в сутки и никогда не останавливается.

- Я все понимаю, но ведь из больницы-то можно было бы меня встретить.

- Ты не рада, что тебя встречаю я?

- Рада, только мне бы еще хотелось и мужа увидеть.

- Увидишь, не переживай. Сегодня же увидишь.

- Знаешь, а ведь он у меня в больнице сидел не больше пяти минут, словно делал это не потому, что хотел, а потому, что так требуют правила. Придет, принесет сладкое и цветы, посидит пять минут и уходит. Причем и эти несчастные пять минут постоянно смотрел на часы. Я его прошу

задержаться хоть еще на немного, а он говорит, что не может, потому что ему надо зарабатывать эти чертовы деньги. Зачем нужны такие деньги, если мы практически друг друга не видим?

- Деньги нужны вашим будущим детям.
- Врач сказал, что слишком большая вероятность того, что я больше не смогу иметь детей.
- Яков об этом знает?
- Нет, - замотала я головой.
- Вот и не говори. Мужчина должен знать ровно столько, сколько ему положено.
- Я должна опять врать?! Только вылезла из этого вранья...
- Что поделаешь, это ложь во спасение.
- Мне кажется, что жизнь современной женщины вообще одно сплошное вранье. - Я помолчала с минуту и добавила: - Знаешь, мне кажется, даже если бы я сказала Якову, что не могу больше иметь детей, он бы особо не расстроился.
- Почему?
- Потому что он просто не услышал бы то, что я говорю... Он бы думал совсем о другом. С каждым днем он становится все бесчувственнее и бесчувственнее.
- Не принимай все так близко к сердцу. Иначе тебе грозит болезнь, которой болеют почти все жены состоятельных людей.
- И что это за болезнь?
- Одиночество в золотой клетке.
- Мне кажется, что я ею уже заболела.
- Еще не поздно. Главное - вовремя начать лечение.
- Лечение? Какое? - Я прижала к себе цветы и посмотрела на Галину взглядом, полным надежды.
- Нужно уметь жить своей жизнью... - Слова Галины прозвучали для меня, как приговор.
- Но разве можно иметь свою жизнь, когда ты живешь с женщиной?
- Можно и даже необходимо.
- Тогда зачем нужна совместная жизнь с женщиной?
- Она нужна для того, чтобы иметь свою собственную...

Галина завела мотор и посмотрела в зеркало заднего вида.

- О черт, опять этот джип...

- Какой джип?
- С того самого момента, как мы выехали из особняка твоего фотографа, за мной обязательно кто-нибудь следит.
- Все это время?
- Ну не каждый день, но довольно часто.
- Но ведь это была «Хонда»!
- А в последнее время - джип.

Я испуганно посмотрела назад и увидела стоящий неподалеку от нас, прямо на территории больницы, зеленый тонированный джип. Сквозь темные стекла невозможно было увидеть, кто именно в нем сидит. Прикусив нижнюю губу, я посмотрела на Галину испуганным взглядом и спросила, не скрывая волнения: - Помнишь, когда я ехала с Яковом в больницу, ты просила меня перезвонить?

- Помню.
- У тебя еще тогда был очень взволнованный голос. Ты хотела мне что-то сказать. Что?!
- Я хотела сказать, что та «Хонда», от которой мы ушли, появилась у моего дома.
- Как? Мы же от нее оторвались...
- Думаю, меня нашли по номеру машины. Сначала была «Хонда», а теперь появился это джип.

Когда я ехала к тебе в больницу, я его не видела. Значит, проглядела.

- Тот, кто в джипе, знает, что ты его засекала?
- Нет. Я стала умнее. Не убегая, не пытаюсь спрятаться. Зачем? Уже все равно известен мой адрес. - Галина немного помолчала. - Тому, кто сидит в джипе, нужна не я.
- А кто ему нужен?
- Ему нужна ты.
- Я?!
- Почему ты так удивилась, ведь ты прекрасно это знаешь.
- Просто мне страшно...
- Это последствия твоей поездки к фотографу. Твоя попытка облегчить душу далась нам слишком дорого.
- Что же теперь делать? - Меня охватило чувство безысходности.

- Что делать? Не дать возможности тому, кто в джипе, узнать твой адрес. Сейчас поедем ко мне домой. Пока твой муж зарабатывает деньги, посидишь у меня, тем более ты давно не была в коммуналке. Надо бы проведать. Глядишь, соскучишься по нищенской жизни. Побудешь

вместе с народом и начнешь ценить своего мужа еще больше. Решишь, пусть деньги зарабатывает и в дом таскает, а сам хоть сутками не бывает, только бы не жить в нищете. Сразу вся болезнь у тебя пройдет. Моментально вылечишься.

- А когда я попаду домой?

- Как только тебе надоест нищенский быт.

- Я говорю серьезно.

- А я серьезно тебе отвечаю.

- Как я доберусь до дома?

- Домой поедешь на другой машине. Переоденем тебя так, чтобы на себя была не похожа, незаметно выйдешь из подъезда и поймаешь такси.

- Галина, но ведь это не выход из сложившейся ситуации?! До каких пор будет продолжаться эта слежка?!

- Ты имеешь в виду в глобальном масштабе? По поводу глобального масштаба я тебе сейчас не могу ничего сказать. Для меня сейчас самое главное отправить тебя домой так, чтобы не выдать твой адрес. А дальше... Дальше будем думать...

- Галина, мне страшно.

- Мне тоже... И чем дальше, тем больше.

Наша машина плавно тронулась и поехала с территории больничного двора в сторону центра. Следом за нами, точно так же плавно, тронулся зеленый тонированный джип.

Глава 21

Галина свернула в сторону окраины, где жила. Когда мы встали у светофора, джип, висевший у нас на хвосте, проехал вперед и поровнялся с нами.

- Что это он? - испуганно воскликнула Галина. - Какие-то новые маневры...

Одно из тонированных стекол джипа опустилось, и мы... увидели незнакомого молодого человека с автоматом в руках.

- Ой, мамочки родные!!! - закричала Галина и что было сил нажала на газ, едва не вписавшись в стоящую прямо перед нами машину.

Все происходившее дальше напоминало события из навороченного боевика. Мы неслись на огромной скорости, миновали нашу коммуналку и выскочили за город. Мы по-прежнему видели в зеркале несущийся следом джип и понимали, что у нас нет никаких шансов уйти от погони, потому что мощность джипа намного больше мощности нашего «Форда» и в нас не стреляют, только по той простой причине, что мы не останавливаемся и несемся в общем потоке. Джип просто выжидает удобное место и удобное время... Тем более мы уже за городом. Чем дальше мы будем уезжать от города, тем будет меньше машин и больше возможности побыстрее с нами расправиться. Для начала продырявить колеса, а уж затем продырявить и нас самих...

- Надо было у поста ГАИ останавливаться! - громко прокричала.
- Откуда я знаю, что надо, а что не надо! Что это за пост, если там ни одного гаишника нет?!
- Там в будке кто-то был!
- Гаишники должны не в будке сидеть, а на дороге стоять.
- Может у них пересменка какая... Сама знаешь, их с дороги черта с два оттащишь. Они там сутками кормиться могут. Все же надо у поста останавливаться. Там безопаснее.
- Пока бы мы до будки добежали, нас бы уже уложили!
- У ГАИ нас бы никто не уложил. На посту никто не станет рисковать. Остановись у следующего поста, пожалуйста, - слезно молила я Галину.
- Остановлюсь, только кто его знает, где следующий пост, доедем ли мы до него. Я вообще не знаю, в каком направлении мы едем! Ты здесь когда-нибудь была?
- Мне кажется, да...
- Точно?
- Точно! Еще немного и сворачиваем направо. Мы едем в сторону городской свалки!!! Знакомые места! - покричала я со слезами на глазах. - Как же я сразу не догадалась, что эта дорога ведет на городскую свалку!
- Наверное, плохо изучила маршрут...
- Наверное!
- До свалки не далеко?!
- Нет!
- Думаю, ты ничего не должна перепутать. Все-таки родные места. Здесь прошел лучший день твоей жизни!
- Галина, прекрати! Это совершенно не смешно.
- А я и не смеюсь.
- Свернешь прямо на свалку. Там дорога узкая, джип не сможет нас обогнать!
- Оттого, что он не сможет нас обогнать, нам ничуть не легче. Он сможет стрелять по нашим колесам сзади.
- Пока мы не доедем до самой свалки, он не будет стрелять, - немного задумчиво произнесла я.
- С чего ты взяла?
- Я рассуждаю логически. Тот, кто сейчас едет за нами, после того, как мы свернем на свалку, будет просто ликовать, думая, что удача повернулась к нему лицом. Зачем ему стрелять на дороге, если это лучше всего сделать уже на свалке? Но они не смогут проехать.

- Для джипа дороги ни почем, он по любым канавам пройдет!
- Не скажи. Ты просто не видела местность. Там очень узкая дорога и на такой высоте...
- Может лучше не рисковать и не сворачивать на свалку?! - взмолилась Галина. - На дороге больше движения и больше шансов выжить. Свалка как раз удобное безлюдное место.
- Для чего?!
- Для того, чтобы нас убить.
- Черта с два!
- Нас с тобой замочат и в мусор закопают. Посмотри, сейчас этот джип совершенно ничего не предпринимает. Он просто едет за нами и все. Вдруг он вообще от нас отстанет?!
- Ага, отстанет! - Я засмеялась смехом, близким к истерике. - Нас с тобой чуть в центре города не уложили, а тут за городом отстанут! Просто эти ребята сменили тактику и ждут.
- Я все понимаю, но на свалку ехать не хочется. Там нам конец, закопают.
- Не закопают. На свалке беспредел творить нельзя. Там у меня друзья!

Галина покрутила пальцем у виска.

- Друзья! - повторила я. - У меня даже их телефон есть. Вот только бы вспомнить.
- Ну что ты несешь?! Ты, жена крупного бизнесмена, состоятельного человека...

Я достала мобильный и попыталась вспомнить номер главного бомжа. 8 903. Билайн...

- Вспомнила!

Набрав номер, я долго слушала гудки и уже подумала, что вряд ли кто ответит, а может, этого уже давно и нет, но затем услышала: «Начальник помойки слушает...» и закричала, что было сил:

- Георгий, это ты?!

- Я!

Ошарашенная Галина посмотрела на меня безумным взглядом и нас занесло на крутом повороте.

- Анжела, ты куда позвонила?!
- На помойку, - весело ответила я.
- Правда, что ли, или ты меня разыгрываешь?
- Конечно, сейчас самое время для розыгрыша. Не мешай разговаривать!

Прислонив трубку к уху я всхлипнула и заголосила:

- А это лучшая Веркина подруга Анжела!. Ты меня помнишь? Мы с Веркой у вас перед

свадьбой танцевали. Я в беде! Мне нужна ваша помощь! Меня хотят убить!

- Да не кричи ты так, девка. У меня аж в ушах звенит. Кого тебе нужно?

- Верку! Где она?

- Тут рядом. У нас собрание. Пятиминутка по поводу осенних холодов и утепления наших убежищ. Верка доклад подготовила.

- Георгий, родненький. Дай мне Верку! Дай!!!

- Но ежели я тебе родненький, то, конечно, дам.

Когда в трубке послышался Веркин голос, я заплакала и взмахом руки показала Галине, чтобы она сворачивала к свалке.

- Верка! Верка! - кричала я. - Это твоя лучшая подруга Анжела! Верка меня хотят убить! Понимаешь, убить!

- Ты за свой базар отвечаешь или набухалась до чертиков, что аж дурочку включила?! - вежливо поинтересовалась Верка.

- Отвечаю я за свой базар! Отвечаю!

- А кто, легавые или блатные?!

- Ей богу, не знаю Верка. Ей богу, не знаю!

Галина повернула в сторону узкой дороги ведущей на свалку, и чуть притормозила: у въезда на свалку стояла парочка машин, принадлежащих ГИБДД. Несколько упитанных, но усталых гаишников по всей вероятности проводили какой-то рейд, шерстили мусороуборочные машины. Гаишники подозрительно посмотрели на нас, но не стали останавливать.

Галина вопросительно взглянула на меня.

- Смотри, сколько Гавшиков! Чего они в таком месте встали. Может, остановимся?

- Наверное проводят какой-то рейд, - сказала я с видом человека, знающего в этих делах толк.

- Какой еще рейд?!

- Чтобы никто левый мусор не привез.

- Что, и так бывает?

- В этой жизни все бывает. Не останавливайся. Едем дальше.

Я вновь поднесла трубку к уху и закричала:

- Верунь, мы уже свернули! Я думала нас сразу убьют, а они не убивают, думают, что в вашем государстве это будет сделать намного легче и приятнее!

- Да они просто не знают наше государство! У них что, есть валына?

- Какая еще валына?

- Я спрашиваю, у них оружие есть?
- У них автомат.
- Ну так пусть едут!!! - закричала гостеприимная Веруня. - Мы щас свои валыны достанем и им кишки на изнанку вывернем!
- Тут гаишников полно!
- Такое бывает. Какой-то рейд. А кто за тобой шлепает?
- Зеленый джип.
- Ну так щас мы его малиновым сделаем!
- Сделай, Веруня! Сделай, миленькая!
- Пусть подъезжает, мы его тепленьким возьмем. Я джипы люблю. Я когда в стриптизе танцевала, меня мои многочисленные кобели только на джипах катали. А где он сейчас?
- Его ГИБДД остановило.
- И он остановился?
- Остановился.
- Значит, у нас есть время, чтобы встретить дорогих гостей, как положено. С похоронной музыкой, так сказать!
- Эй, вы, моя лучшая подруга в беде! Люди, вставайте! - послышался в трубке Веркин командирский голос, который обращался явно не ко мне. - К нам опять едут нелюди! Кто откажется биться за мою лучшую подругу, тот пойдет против меня!!! Тот мне не друг! Тот бросил мне вызов!!!

Я нервно улыбнулась и сунула трубку мобильного телефона в сумку.

- Галин, посмотри. А джип-то ментов не проскочил, остановился, словно везет добропорядочных граждан.
- Точно, остановился. - Галина поехала тише. - А как же автомат?
- Автомат в салоне. Не будут же гаишники салон проверять. Галя, останови, давай посмотрим, кто из джипа выйдет.
- Вот тебе раз! Сколько от погони уходили, а теперь, когда есть возможность вообще оторваться, должны останавливаться.
- Останови. Не надо никуда отрываться. Сейчас Верка что-нибудь придумает.
- Послушай, какая еще Верка?! - Галина притормозила машину. - И когда она успела стать твоей лучшей подругой? Мне всегда казалось, что твоя лучшая подруга - это я.
- Верка - Верка. Я тебя сейчас с ней познакомлю. А ты - это ты.

Дверь джипа распахнулась и из машины вышел... Александр. У меня потемнело в глазах.

- Галина, это Александр, - сказала я, почти теряя сознание.

- Кто?!

- Александр.

- Какой?

- Тот самый, который умер...

Галина испуганно посмотрела на меня и скорее всего подумала, что я просто сошла с ума. Александр протянул работникам милиции свои документы и приметив, что наша машина остановилась, приветливо помахал рукой. Он был одет все так же безупречно - немыслимо белоснежная рубашка, тщательно наглаженные брюки. И наверняка умопомрачительный парфюм, от которого у меня всегда кружилась голова и путались мысли. Волосы уложены гелем. Словом, как будто только что сошел с обложки модного журнала.

- Галина, это Саша, - не веря своим глазам, повторила я.

- Тот Саша, от которого ты была беременна?

- Да, тот Саша...

- Но ведь он умер?!

- Умер...

- Ты сама это видела?

- Видела...

- А теперь что получается?!

- Теперь получается, что он ожил...

И тут я потеряла сознание. Очнулась оттого, что кто-то бил меня по щекам, пытаюсь привести в чувство.

- Анжела, да очнись ты, наконец, - услышала я голос Верки. - Ну что ж ты у меня такая слабенькая...

Я открыла глаза и увидела стоящую рядом со мной на коленях Верку. У меня потекли слезы.

- Анжелка... Я уж думала, что ты умерла. Лежала в бесспамятстве минут сорок. И, как на зло, нашатыря нет.

- Да откуда ему взяться на помойке, - прошептала я.

- Не скажи, у нас тут все есть.

Я сморщилась от дикой головной боли и попыталась сесть. Неподалеку от меня на качающемся трехногом стуле, воткнутом прямо в мусорную кучу, сидела Галина и беседовала с бомжами

«за жизнь». Рядом с ней сидел Георгий, так называемый начальник свалки и не мог налюбоваться моей подругой.

- Хороша барышня... Ох, хороша. Барышня, а ты замужем?

- Да за кого выходить-то, - махнула рукой Галина. - Одни дебилы попадают.

- Что, нормальных мужиков нет? - Георгий закурил самокрутку.

- Всех нормальных давно разобрали, а то, что нам осталось, и даром не надо... Когда тебе почти сорок, нормального днем с огнем не сыщешь.

- Значит, ты холостая?

- Значит, холостая.

- А я бы на тебе женился... Ох, я бы женился... Я бы тебя цветами и комплиментами осыпал, - разливался Георгий.

- Дорогой мой, поэтому столько лет я и одна, что все мои ухажеры только цветами да комплиментами могут осыпать.

- А что тебе тогда надо?

- А мне надо, чтобы меня зелеными осыпали!

Галина обернулась и улыбнулась мне.

- Ну, мать, ты даешь. Таких друзей от меня скрывала! Я тут за жизнь беседы веду. Ко мне даже свататься стали. Ты как себя чувствуешь?

- Паршиво. Голова болит. Что со мной было?

- Не знаю. Ты откинулась почти на целый час. Верка помогла мне подняться с грязного дырявого пледа.

- Ну ты как? - заботливо спросила она, поддерживая меня под руку.

- Лучше. Я уже не упаду.

- Увидев стоявший неподалеку джип со спущенными колесами, я побледнела. В джипе были опущены стекла, звучала легкая музыка. Какой-то бомж сидел на водительском кресле и с видом знатока тщательно изучал кассеты. Другой отдирал номерной знак.

- Мы его подальше от людских глаз перенесем, в самый конец свалки, - объяснил мне Георгий. - И мой кабинет сделаем.

- Кабинет?!

- Ну да. Должен же я где-то население принимать. Часы приема устрою. Все как положено.

- Объясни мне, что здесь произошло?

- Здесь произошло то, что мы остались живы.

- Это я уже поняла...

- Ты потеряла сознание. Я не знала, куда мне ехать и поехала прямо. Там меня встретили твои друзья и тебя вынесли из машины, а на дороге положили шипы, которые имелись в арсенале твоих друзей.

- Откуда у вас шипы? - Я посмотрела на Верку.

- У нас не только шипы. У нас много чего имеется, - обиделась она.

- Так вот. Джип наехал прямо на шипы и резко остановился, - продолжила свой рассказ Галина. - А потом началась перестрелка. В машине было трое. Твои друзья сразу двоих уложили. Один из них тот, который был на «Хонде», я его сразу узнала. А затем показался так называемый покойник, Саша, предложил мир и даже попытался уехать, выставив из окна автомат. Думал напугать твоих друзей, да только не учел, что их вообще ничем напугать невозможно.

- И что?

- Его ранили, и тогда я смогла с ним побеседовать. Потом его добили.

- Но ведь вы же беспределом не занимаетесь? - растеряно посмотрела я на Верку. - Вы же ЛЮДЕЙ не убиваете?

- ЛЮДЕЙ - нет, - замотала головой Верка. - На человека у нас никогда рука не поднимется. А НЕЛЮДЕЙ, пожалуйста... Тем более, если НЕЛЮДЬ решил убить мою лучшую подругу. Ты не переживай, мы их в мусор закопаем. Никто не найдет. А затем сожжем.

Увидев, что бомжи уносят тело Александра, я быстро к ним подошла, приподняла его окровавленную рубашку и увидела родимое пятно на правом соске. Это был он. Не оставалось никаких сомнений в том, что это был он. Только от него больше не пахло парфюмом, от которого кружилась голова и мутился рассудок. От него пахло только смертью, у которой свой специфический запах.

Мы прощались с моими друзьями со слезами на глазах, говорили друг другу теплые и самые искренние слова, которых нам так не хватает. Верка повисла у меня на шее и давала свои наставления.

- Анжелка, никогда меня не забывай! Никогда! Если плохо, сразу к нам! Я для лучшей подруги все сделаю. Я вот решусь, отсюда уйти, к тебе зайду.

- Заходи. - Я обняла Верку и протянула ей листок со своим адресом. - Ведь ты хочешь вернуться. Вспомни, ты же неплохо там жила...

- Я помню. И обязательно вернусь, но я еще не готова... У вас там так страшно! - рыдала у меня на груди Верка.

Мы поцеловались, и я села в машину.

- У нас можно жить, просто я попадаю в какие-то ужасные ситуации! Слышишь, возвращайся! - крикнула я.

- Но я еще не готова! Как только я буду готова, обязательно вернусь!

Пока мы ехали до моего дома, Галина поведала мне о том, что рассказал ей раненый Саша.

- Его тогда не убивали. Он все это сам разыграл, - говорила она возбужденно. Он занимался чем-то криминальным, отмывал какие-то деньги... Очень большие. И ему нужно было уйти на дно. Чтобы никто не искал и никто с него ничего не спрашивал, лучше всего было считаться умершим. А потом купить документы и начать новую жизнь с другим именем, другой фамилией и другим социальным положением. Тут подвернулась ты, деревенская дурочка из переулочка, на глазах которой и разыграли этот спектакль. В тебя стреляли холостыми патронами. По их сценарию ты должна была добежать до ближайшего отделения милиции и все рассказать. Только благодари тебе и по твоим показаниям Александра признали бы умершим. И неважно, что никто не нашел бы его тела. Ведь ты видела труп. Но ты никуда не пошла и исчезла на два долгих месяца. За эти два месяца планы Александра поменялись. Инсценировка его убийства не принесла нужных результатов, он все переиграл, нашел другой способ решить свои денежные проблемы. Ты появляешься вновь, когда игра уже закончена и никому не нужна. Ты становишься опасной, вдруг поднимаешь шум по поводу смерти человека, а он жив. За последнее время этот человек сотворил много неблаговидных поступков и находится в федеральном розыске. Остается один выход. Тебя убрать. Все остальные события тебе хорошо известны. Страшно подумать, какой ужасный человек зашел в твой деревенский магазин, чтобы купить пачку сигарет...

По дороге, не прерывая своего рассказа, Галина не раз обнюхивала меня и морщилась. Открывала все окна.

- От нас воняет, как от бомжей! Оно и понятно... В таком экзотическом месте были в гостях! А твой муж нас не выгонит?

- Его нет дома.

- Ты уверена?

- Вполне. Даже если бы он и был дома, то не заметил этого ужасного запаха.

- Почему?

- Потому что он бы думал о своих деньгах... Он чувствует только один запах - запах денег...

У ворот дома мы увидели иномарку, рядом с которой стоял фотограф Дмитрий и нервно курил.

- Только этого еще не хватало, - процедила Галина сквозь зубы и хотела было надавить на газ, чтобы проехать мимо, но Дмитрий замахал руками и закричал:

- Остановитесь, пожалуйста! Остановитесь! Я не сделаю вам ничего плохого!

- Останови, - сказала я Галине и вышла из машины.

- Стой, а вдруг у него пистолет?!

- Думаю, что он приехал с миром. Если человек убивает кого-то у самого дома, он не показывает свое лицо.

Я подошла к Дмитрию и посмотрела ему в глаза.

- Вы меня узнали?

- Да. - Голос Дмитрия срывался, а его кадык сильно дергался.

- Странно, что вы не узнали меня в прошлый раз.

- Я не мог... Я живу в постоянном страхе. Больше так не могу. Я творческий человек, на меня нельзя давить... Я хочу заниматься своим делом, а он... Но, собственно, я здесь не за тем. Я приехал, чтобы предупредить вас об опасности. За вами следят. Он хочет вас убить. Боится, что вы расскажете о той ночи... Он хотел, чтобы вы рассказали о ней сразу, а не спустя столько времени. Он находится в федеральном розыске. Это очень плохой человек. Вы должны что-то предпринять, чтобы обезопасить свою жизнь и мою. Вы это сможете. У вас такой влиятельный муж... Когда вы пришли ко мне в мастерскую, я не мог говорить, потому что он сидел в лаборатории за ширмой. Было темно и вы не могли видеть его, но он вас прекрасно видел... Он послал за вами «Хонду».

Я поднесла свой палец к губам фотографа и прошептала:

- Не говорите больше об этом. Я все знаю. Саши больше нет, и он никогда не появится в вашей жизни. Ни в вашей, ни в моей...

- На глазах фотографа появились слезы.

- Это правда?

- Это правда.

- Спасибо вам...

- Я только хотела узнать, каким образом вы нашли мой адрес? Саша его не знал.

- Мне его сказал Кот.

- Кот?!

- Ну да. Это прозвище такое. Его жена была ведущей моделью одного агентства. Я очень часто ее фотографировал. Однажды она попала в аварию и стала калеккой. В семье двое маленьких детей. Кот перебивался случайными заработками. У меня в студии он встретил этого Сашу, и тот убедил его принять участие в этом страшном спектакле. За хорошие деньги, конечно. После того как Кот узнал, какими черными делами занимается Саша, он прекратил с ним общение. Вообще-то он очень хороший консультант по сложным финансовым делам. Все наладилось, он стал хорошо зарабатывать. Сейчас он работает у вашего мужа, хотя и ваш муж занимается не самыми благовидными делами... Наверное все, кто делает деньги преступает закон... Кот узнал вас по фотографиям, которые лежат у меня в студии. Вы на него, пожалуйста, зла не держите. Он неплохой человек, просто у него двое детей и жена-инвалид...

- Я могу к вам заехать и забрать портфолио?

- Конечно. Вы знаете, я показывал ваши фотографии своим американским друзьям из солидной рекламной фирмы. - Голос Дмитрия был взволнованным, глаза заблестели.

- И что?

- Вас приглашают в Нью-Йорк, чтобы сделать лицом крупной косметической фирмы... Это шанс. Ваше лицо будет на обложках журналов. Нью-Йорк - это город успеха. Вы будете

подписывать контракт?

- Нет, - покачала я головой.

- Но почему?

- Боюсь, это не понравится моему мужу. Дмитрий протянул мне листок с номером телефона.

- Это мой телефон. Если надумаете, позвоните. Предложение остается в силе.

Я ждала Якова до глубокой ночи, а когда он пришел, попыталась рассказать ему о контракте. Яков изменился в лице и приказал мне немедленно прекратить подобную самостоятельность. Он сказал, что я должна оставаться покорной женой, ждать с работы мужа. Это его дело - в поте лица зарабатывать деньги...

Эпилог

...Я стою на балконе своего особняка и смотрю на свой собственный пруд с лебедями. У меня все есть. Все, что только может пожелать женщина, даже во сне. Серьги, шубы, бриллианты, красивые машины, а теперь вот и этот пруд с лебедями... Но почему-то мне кажется, что сейчас время работает против меня. Я оглядываюсь назад и не могу определить точно, с какого именно момента время превратилось в моего врага. Я не знаю, что такое рабочее время, женщинам моего круга это совершенно не знакомо. Я знаю, что такое свободное время, но я не знаю, что такое свободная жизнь...

...Я не жалею о судьбе, не могу сказать, что мой муж меня разлюбил. Нет. Он меня не разлюбил. Просто он никого никогда не любил. Ни Зою, ни Тамару, ни меня... Он не может любить женщину, потому что он любит деньги и только этим бумажкам отдает всего себя самого без остатка. Он любит деньги настолько, что на другую любовь у него просто не остается сил. Я знаю, что большинство его денег заработаны нечестным путем, но закрываю на это глаза. Муж всегда говорит мне, что честные деньги зарабатываются только на заводе. От наших прежних объятий и сладких речей остались одни воспоминания. Даже в те редкие минуты, когда мой муж дома, он закрывается в своем кабинете с калькулятором в руках.

...Изо дня в день я сижу в этом доме, смотрю в зеркало на свое несчастное потухшее лицо и пытаюсь разобраться в том, что случилось. Я имею все и не имею ничего. Вероятнее всего, у меня не было момента, когда моя семейная жизнь дала трещину, потому, что у меня никогда не было настоящей семейной жизни. Так, одно совместное проживание. Муж, зарабатывающий деньги и жена, которая обязана быть покорной и ждать его дома. Мы не ездим отдыхать, потому что мой муж не знает, что это такое. Он смеется и говорит, что придет время и мы обязательно отдохнем... на том свете, а сейчас ему нужно работать. Один раз я настояла, но он отправил меня одну. Когда я вернулась домой раньше положенного срока, я увидела в нашем доме Тамару. Она собрала свои вещи, села в машину и уехала. Я не стала закатывать истерику, просто спросила: «Зачем?». - Муж сказал, что не собирается оправдываться, ему нужно иметь любовницу, чтобы хоть изредка расслабляться... Мол, так положено, и так живут все. Мы обязаны жить по правилам. Жены его друзей знают о любовницах мужей и не высказывают по этому поводу претензий, потому что каждый честно отработывает свой хлеб...

- Но ведь Тамара со мной так поступила! - в сердцах крикнула я.

- Извини... - только и услышала я вслед.

Я ждала, что Яков придет ко мне в комнату, обнимет меня за плечи и скажет, что с этой женщиной теперь уже навсегда кончено. Но он не пришел. Ему было совершенно наплевать., что я чувствую, точно так же, как наплевать, что чувствует заплаканная Тамара. Для него это мелочи. Главное, чтобы на финансовом фронте все было спокойно.

После этого случая я начала выпивать. Сначала небольшими дозами, просто чтобы успокоиться, избавиться от гнетущих мыслей. Затем больше – Иногда я напивалась и ложилась в гостиной. Я слышала, как Яков говорил по телефону Тамаре: «Эта пьяная дура уже спит без задних ног» и уходил в свой кабинет, чтобы взять калькулятор.

Когда Яков приходил в хорошем расположении духа, он дарил мне дорогие подарки и даже говорил ласковые слова. В такие моменты я пыталась поговорить с ним о нашем будущем и умоляла дать мне возможность начать работать. Яков взрывался, кричал, если что он и может мне позволить, так это вышивать крестиком, что на большее у меня просто не хватит мозгов, что он ценит покорных женщин, а любая женская самостоятельность вызывает у него отвращение. Когда я попыталась привести в пример его любовницу Тамару, Яков стукнул кулаком по столу и сказал:

- У тебя есть Я. А у Тамары МЕНЯ нет. Поэтому она и вкалывает, как прокаженная.

- Но ведь ты с ней встречаешься?

- Встречаться и жить – совсем разные вещи! – На том разговор был закончен.

С того дня я начала пить с утра и напивалась уже к десяти часам. Иногда я приезжала в коммуналку к Галине, там я чувствовала необыкновенное тепло, а в моем огромном доме было слишком холодно, он не мог согреть душу.

Однажды я взяла бокал и, покачиваясь, добрела до зеркала. На меня смотрела стареющая и быстро спивающаяся женщина. Я подумала, что это не я... И это не мой дом... Это не мой муж... Это не моя жизнь... Я здесь оказалась случайно и от этого запила...

- Я так больше не могу!!! Я так больше не могу!!! – прокричала я своему пьяному отражению в зеркале и швырнула в него полный бокал виски.

Едва держась на ногах, я добралась до телефона и позвонила Дмитрию.

- Твое предложение еще остается в силе? – спросила я.

- Да, – уверенно ответил Дмитрий.

- Я согласна.

- Замечательно. А почему у вас такой голос?

- Потому, что я пьяна...

- Но по контракту вы вообще не должны пить.

- Я не буду.

- Вы думаете, у вас получится?

- У меня все получится...

- Вам придется жить в Америке. Ваш муж вас отпустит?
- У меня больше нет мужа.
- Как?
- Я от него уйду.
- Вы это твердо решили?
- Дима, не трави душу... Если я тут останусь, я просто сопьюсь...

Покидав в небольшую спортивную сумку свои вещи, я взяла ручку и написала записку.

«Яков. Прости. Я больше так не могу. Не ищи меня. Никогда не бывшая твоей Анжела». Я положила записку на кровать, в последний раз оглядела свою спальню и твердым, уверенным шагом вышла из чужого дома.

Я должна была лететь в Америку через месяц, и на этот месяц Дмитрий устроил меня в санаторий, чтобы я отошла от своей семейной жизни и меня не испугались американцы... Буквально в день отлета он сказал, что полетит вместе со мной. В салоне самолета взял мою руку в свою и спросил:

- Ты ни о чем не жалеешь?
- Нет - замотала я головой.
- Тогда добро пожаловать в Америку. Она тебя ждет...

Я закрыла глаза и вспомнила давнюю мечту, представила, как я улыбаюсь фотографам, как расцветаю при виде многочисленных фотовспышек.

- У меня будет успех! - сказала я сама себе. - Как же это здорово во что-то верить и о чем-то мечтать, потому что совсем недавно мне уже казалось, что я совершенно разучилась это делать...